

Э.А. Макаев

ЯЗЫК
ДРЕВНЕЙШИХ
РУНИЧЕСКИХ
НАДПИСЕЙ

*Лингвистический
и историко-филологический
анализ*

Макаев Энвер Ахмедович

Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ). Изд. 2-е, стереотипное / Под ред. М. С. Кожуховой. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 156с. (История языков народов Европы.)

ISBN 5–354–00030–0

В книге известного российского филолога Э.А. Макаева намечается решение вопроса о принципах хронологии рунических надписей и ее соотносительности с хронологической периодизацией, разработанной археологами, а также выяснение статуса старших рунических надписей и их ареальная характеристика. Особое внимание уделяется проблемам рунической ономастики, имеющей принципиальное значение не только для рунологии в целом, но и для сравнительной грамматики германских языков и древнейшей истории германских племен.

Рекомендуется для скандинавистов, историков языка, всех интересующихся рунологией.

Электронная версия книги подготовлена специально для сообщества «[URNORDISK](#)», посвящённого древнескандинавской культуре и рунологии.

© Э.А. Макаев, 1965, 2002

© Едиториал УРСС, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предметом данной работы является постановка и освещение вопроса о языковой принадлежности старших рунических надписей. Несмотря на имеющуюся огромную, в настоящее время почти необозримую рунологическую литературу, следует отметить, что данный вопрос не получил должного анализа со стороны рунологов. Можно указать лишь на исследование Ф. Бурга, посвященное преимущественно языковым особенностям старших рунических надписей. Книга Ф. Бурга, вышедшая в 1885 г. и основанная на описании примерно 60 старших рунических надписей, известных к тому времени, и по своему материалу, и по методике лингвистического анализа совершенно устарела, хотя в свое время она была крупным достижением в области рунологии. В многочисленных рунологических исследованиях первой половины XX в. содержится множество ценных и правильных наблюдений в отношении языка и графики старших рунических надписей, не сведенных в единое целое; поэтому представляется целесообразным и необходимым освещение вопроса о языке старших рунических надписей на уровне современного состояния рунологии и сравнительной грамматики германских языков. Количество старших, рунических надписей (включая надписи на брактеатах, допускающие известное толкование) возросло в настоящее время примерно до 150. Мону-ментальные издания шведских, датских и континентально-германских рунических надписей позволяют всеобъемлющий и углубленный анализ старших рунических надписей, а значительные успехи, достигнутые в сравнительной грамматике германских языков, дают возможность интерпретации языковых особенностей рунических надписей, отвечающей современному уровню общего и частного языкознания. В то же время приходится отметить, что фрагментарность и относительная незначительность дошедшего до нас материала старших рунических надписей не позволяет исследователю дать исчерпывающее описание всех языковых и графических особенностей старших рунических надписей, а также более детально проследить эволюцию языковых черт и графических приемов, отложившихся в рунических надписях III–VII вв., разбросанных на континенте, в Швеции, Дании и Норвегии. Не приходится особо оговаривать, что в дан-

ной работе не получили и не могли получить освещение многие важные проблемы, связанные с языком старших рунических надписей. В работе лишь намечается решение вопроса о принципах хронологии рунических надписей и ее соотносительности с хронологической периодизацией, разработанной археологами. Его окончательное и всестороннее разрешение, зависящее от накопления материала рунических надписей, от разработки разных аспектов общегерманской лексики, особенно её стратиграфии, от усовершенствования приемов археологической хронологизации и приемов палеографической интерпретации, — дело далекого будущего, требующее совместного усилия многих исследователей. Естественно, что в данной работе на первый план были выдвинуты вопросы, которые представляют первостепенное значение для решения проблем языкового статуса старших рунических надписей и которые в то же время могут получить более или менее удовлетворительное решение с точки зрения современного состояния рунологии. Значительно менее освещенными оказались вопросы, связанные с руническими надписями переходного периода (VI–VIII вв.). Во избежание недоразумений следует оговорить, что в данной работе под старшими руническими надписями понимаются все надписи, выполненные 24-значным общегерманским руническим алфавитом — футарком, относящиеся примерно к III–VII вв. н.э. В том случае, когда анализ в силу тех или иных соображений ограничивается лишь надписями III–V вв., употребляется термин «древнейшие рунические надписи». Рунические надписи переходного периода (VI–VIII вв.) могут оказаться ключевыми при решении ряда проблем, относящихся к описанию языковой и графической эволюции рунических надписей, а также их пространственной стратиграфии. Поэтому рунические надписи переходного периода требуют к себе самого внимательного отношения. Но чрезвычайно фрагментарный характер и совершенно незначительное количество дошедших до нас рунических надписей переходного периода не позволяют в настоящее время дать более углубленную разработку всех относящихся сюда проблем. Поспешные выводы, добытые на основании столь хрупкого и ограниченного материала, могут скорее повредить, чем споспешествовать развитию рунологии, которая и без того столь богата фантастическими и беспочвенными построениями. Дисциплинированность и строгость методики рунологических исследований — одно из настоятельных требований современного состояния рунологии.

В заключение считаю своим долгом с глубокой благодарностью упомянуть тех исследователей, работы которых и переписка с которыми имели решающее значение для постановки ряда проблем и написания книги. Это: В. Краузе, К. Марстрандер, Х. Андерсен, Э. Мольтке, А. Бекстед, Л. Якобсен, К. М. Нильсен, Э. Салбергер, С. Янссон. Разумеется, за все недостатки в работе ответственность несет один автор.

Часть первая

ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава I

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУНОЛОГИИ

В в е д е н и е. Основы рунологии как особой и самостоятельной дисциплины со своим кругом проблем, своим собственным объектом исследования и совокупностью своих исследовательских приемов были заложены в 70-х годах прошлого века датским рунологом Л. Виммером. В конце XIX и в первой половине XX в. рунология успешно развивалась и совершенствовалась усилиями многих исследователей, из числа которых могут быть названы С. Бугге, М. Улсен, К. Марстрандер, Т. Гринбергер, О. фон Фрисен, Э. Братэ, И. Линдквист, Э. Вессен, В. Краузе, Х. Арнц, Лис Якобсен, Э. Мольтке, Х. Андерсен.

Развитие и совершенствование рунология определялось и в известной мере направлялось следующими факторами: а) открытием весьма значительного количества новых рунических надписей, особенно надписей, выполненных старшим, 24-значным, футарком; б) уточнением приемов интерпретации надписей; в) все более усиливающимся контактированием рунологии с рядом смежных дисциплин — археологией, палеографией, историей, этнографией, мифологией. Последнее обстоятельство позволяет некоторым современным ведущим рунологам рассматривать рунологию как комплексную дисциплину. К. Марстрандер прямо указывает на то, что «Рунология — это палеография, лингвистика, археология и мифология»¹. В то же время следует со всей определенностью подчеркнуть, что несомненные успехи, достигнутые рунологией за последние 90 лет, еще не являются гарантией того, что в настоящее время можно уверенно полагаться на расшифровку и интерпретацию большинства древнейших рунических

¹ C.J.S. Marstrander. De gotiske runemitmesinerker. — NTS, Bd III, 1929, стр. 164.

надписей и на те выводы общего и частного характера, которые делаются на основании данных надписей. Исключительная сложность рунического материала заключается и том, что, за вычетом лишь нескольких рунических надписей, исследователь имеет дело с весьма фрагментарным и по многим отношениям несовершенным состоянием дошедших до нас надписей: в большинстве случаев речь идет об отдельных словах (а подчас, даже и об отдельных рунических знаках), не имеющих часто этимологических соответствий в других германских языках. К тому же в палеографическом отношении чтение многих надписей представляет огромные трудности, а в отдельных случаях, в силу выветривания отдельных рунических знаков, чтение становится просто невозможным и исследователь оказывается по власти всевозможных догадок и предположений. К этому примешивается то обстоятельство, что даже в том случае, когда исследователь оказывается в состоянии прочесть определенную руническую надпись, из этого еще не следует, что она получила соответствующую интерпретацию, ибо культурно-историческое окружение надписи остается невыясненным и тем самым смысл текста, дошедшего до нас, но может быть разгадан. Так, рунические *laukaR*, *lina*, *erilaR*, *þewaR* с этимологической точки зрения являются прозрачными, ибо находят себе соответствия во всех или многих германских языках, но их функциональная значимость в руническом языке соответствующей эпохи остается скрытой от нас. Не удивительно поэтому, что некоторые рунологи приходят к весьма пессимистическим выводам в отношении возможности исчерпывающей интерпретации древнейших рунических надписей. К. Марстрандер неоднократно указывал на это обстоятельство в своих работах. В небольшом исследовании в 1938 г. он писал: «С известным основанием можно утверждать, что вплоть до настоящего времени не удалось истолковать ни одну руническую надпись. В ряде случаев мы в состоянии определить текст надписи, но одновременно мы должны, и как часто при этом, признать, что данный текст является лишь скорлупой, за которой скрывается неведомое нам ядро»². В монографии 1952 г. К. Марстрандер обращает внимание на то, что «руническая надпись может быть полностью интерпретирована и языковом отношении и в то же время остаётся во всем существенном нерасшифрованной. Типичным примером является руническая надпись из Эггьюма. Мы можем истолковать большинство слов (встречающихся в данной надписи). Но дальше этого мы не пошли. Данная надпись высечена в связи с захоронением в Согдале за много поколений до Харальда Прекрасноволосого. Но еще никому не удалось понять ситуацию и разгадать тайну рунического камня. Тысячелетний период христианства, цивилизации

² C.J.S. Marstrander. *Barmeninskriften*. — NTS, Bd X, 1938, стр. 361.

и косности притупили нашу интуицию»³. Вряд ли представляется возможным согласиться с подобным утверждением несмотря на то несомненно верное, что в нем содержится, ибо в таком случае придется отказаться не только от возможности строго научной интерпретации рунического материала, но одновременно придётся отказаться и от построения целого ряда научных дисциплин, имеющих дело с отдалённым прошлым. Но из данного положения рунолога, проведшего полвека в полевой рунологической работе, можно извлечь весьма поучительный урок, заключающийся в том, что первоочередной задачей современной рунологии является обоснование и интенсивная разработка такой методике исследования, которая дала бы возможность наиболее объективно и непротиворечиво, на основе прежде всего самих рунических данных, интерпретировать древнейшие рунические надписи и прийти к однозначным выводам. Речь идет, следовательно, о создании принципов относительной хронологии материала древнейших рунических надписей и о создании основ рунической палеографии (преимущественно в плане анализа соотношении рунических графем и фонем). Но прежде чем можно будет перейти к рассмотрению этих двух проблем, необходимо кратко остановиться на современном состоянии издания корпуса древнейших рунических надписей.

§ 1. Корпус древнейших рунических надписей В. Краузе в свете современных данных. В настоящее время наиболее авторитетным, полным и удобным изданием всех рунических надписей, выполненных 24-значным футарком, является монография В. Краузе, вышедшая в 1937 г.⁴ Классический труд В. Краузе был по достоинству оценен и подвергнут детальной критике в многочисленных рецензиях рунологов, и в течение четверти века он служил и продолжает служить настольным руководством и незаменимым справочником по всем вопросам рунологии. В то же время со дня выхода в свет данной монографии рунология значительно обогатилась, и успехи данной дисциплины, а также ее уязвимые пункты рельефно обрисовываются, если мы попытаемся рассмотреть монографию В. Краузе в свете последующего развития рунологии. Не подлежит сомнению, что в настоящее время «Корпус древнейших рунических надписей» В. Краузе нуждается в дополнениях и уточнениях, что полагает и сам В. Краузе, поскольку он подчеркивает: «Моя книга несомненно устарела по материалу и, вообще говоря, нуждается в новом издании» (письмо В. Краузе к автору данной работы от 20 марта 1957 г.). Дополнения и уточнения сводятся к следующему.

1. После выхода в свет книги В. Краузе были открыты, изданы и дешифрованы 10 древнейших рунических надписей (из

³ C.J.S. Marstrander. Rosslandssteinen. «Universitetet i Bergen Årbok», 1951, №3, стр. 17–18.

⁴ W. Krause. Runeninschriften im älteren Futhark. Halle, 1937.

них было обнаружено одно из недостающих звеньев рунической надписи из Веттеланна)⁵, три брактеата, выполненных 24-значным футарком⁶, а также руническая надпись на жемчужине из Лоусгорда⁷, которая с палеографической точки зрения может быть отнесена как к древнейшим руническим надписям переходного периода, так и к руническим надписям эпохи викингов. Список новооткрытых надписей в 24-значном футарке, опубликованных после 1937 г., см. ниже, в таблице.

Год открытия надписи	№ п/п	Название надписи	Текст надписи
1962	1	Aquincum	A. jlain:knja B. fuþarkgu
1955	2	Beuchte	A. fuþarzi B. buirso
1937	3	Bratsberg	ekēriR
1950	4	Gårdlösa	ekunwodw
	5	Hesselager-br.	cf. DRI, br. 33
1949	6	Himlingøje 2	widuhudaR
1957	7	Lindkær-br.	
1955	8	Lousgård-perle	
1963	9	Nøvling	Bidawarijaz talgidai
1949	10	Næsbjerg	? waraf(au)s(a)
	11	Ringsgaard-br.	cf. DRI, br. 10
1950	12	Rosseland	ekwagigaRirilaRagilamudon
1947	13	Stenmagle	hagiradaR tawide
1945	14	Sunde	widugastiR
1939	15	(Vetteland)	flagdafaikinaR...magoR minas staina
1945	16	Værlose	alugod

Материал новооткрытых надписей значительно пополняет рунический лексический и грамматический материал, сообщаемый В. Краузе.

⁵ C.J.S. Marstrander. Vettelandsstenen. «Stavanger Museums Årbok», 1946.

⁶ О находках древнейших рунических надписей и брактеатов см.: E. Moltke. Er runeskriften opstået i Danmark? «Fra Nationalmuseets Arbejdsmark». København, 1951, стр. 58.

⁷ E. Moltke. Lousgård-perlens runeindskrift. «Festskrift til Peter Skautrup». Aarhus, 1956, стр. 1–8.

В лексическом отношении большой интерес представляют: *flagdafaikinaR* (Веттеланн), *ekunwod(w)* (Гордлѣса), *agilamudon* (Росселанн), *widugastiR* (Сунде), *hagiradaR* (Стенмагле), *widuhudaR* (Химлингойе 2), *alugod* (Верлѣсе), *buirso* (Бойхте), *wagigaR* (Росселанн), *irilaR* (Росселанн), *erilaR* (Братсберг). В грамматическом отношении важны: *agilamudon* (Росселанн, род. п. ед. ч.; данная форма может рассматриваться как ключевая при анализе надписи из Стенстада: *Igiþon halaR*); *magor* (Веттеланн, род. п. ед. ч. *и*-основ); *tawide* (Стенмагле, 3 л. ед. ч. претерит); до сих пор была известна лишь форма 1 л. ед. ч. *tawido* (Галлехус). Большой интерес и принципиальную важность имеет новооткрытый материал с точки зрения ономастики, о чем см. в гл. IV.

2. В значительных уточнениях, а в ряде случаев в переформулировке нуждаются разделы книги В. Краузе, посвященные анализу брактеатов. Следует иметь в виду, что у В. Краузе брактеаты с рунической надписью не получили систематического и удовлетворительного освещения, на что уже рунологи обратили внимание. Хронологическая приуроченность брактеатов, даваемая В. Краузе, в настоящее время нуждается в существенном пересмотре. Дело в том, что рунологи не располагают периодизацией брактеатов, основанной на языковых критериях, и опираются на периодизацию брактеатов, предложенную и разработанную археологами. Однако в археологии единой точки зрения по данному вопросу не существует. У скандинавских археологов представлены две системы хронологии брактеатов:

а) датские археологи начиная с С. Мюллера, особенно М. Макебранг⁸ в своей монументальной монографии, посвященной брактеатам, относят последние к относительно более позднему времени. М. Макебранг предлагает следующую периодизацию: I период — 475–550 гг.; II период — 550–600 гг.; III период — 600–650 гг.;

б) шведские археологи начиная с О. Монтелиуса, особенно С. Линдквист⁹, относят брактеаты к относительно более раннему времени (конец IV–середина VI в.).

Оставляя здесь в стороне вопрос о большей обоснованности первой или второй точки зрения, поскольку данный вопрос может быть предметом обсуждения лишь со стороны археологов, ограничимся замечанием о том, что рунолог должен не только остановиться на одной из предложенных периодизаций и ее последовательно проводить, но, что еще важнее, рунолог должен попытаться согласовать периодизацию брактеатов («датскую» или

⁸ M.B. Mackeprang. De nordiske guldbrakteater. «Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter», Bd II. Aarhus, 1952.

⁹ Sune Lindqvist. Geretebakteaten och dess likar. «Fornvännen», 1927, стр. 217–233; Он же. Zur Entstehungsgeschichte der nordischen Goldbrakteaten. «Acta Archaeologica», Bd XI, 1940.

«шведскую») с хронологической соотнесенностью прочих рунических надписей, выполненных на дереве, камне или на кости (подробнее об этом в § 4).

Принципиальную важность для рунологии имеет также вопрос о том, в какой мере к руническим надписям на брактеатах следует подходить как к обычным надписям и в какой мере в них следует усматривать разного рода искажения первоначального текста или просто набор рун, служащих лишь для общей орнаментации брактеатов, возможно, для определенных магических целей и не имеющих и не могущих иметь никакого смысла. Для ясности изложения приведем несколько надписей на датских брактеатах. Наряду с вполне «осмысленными» надписями тина laukaR, alu (№ 6 по изданию DRI), ek fakaR f (№ 45), laþu (№ 49), (e) eik akaR fahi (№ 64) встречаются, при этом в значительно большем количестве, бессмысленные надписи или бессмысленный набор рун, ср., например: liRaiwui, ildaituha (№ 11); IEEaþRet lae: t^þoRrE (№ 12); a(u)iri uRx^(a) þhs(ð)ia (№ 26); hTht(t)l(l) (№ 27); lRoþl (№ 34); Rlut: eaþl lauR ^þowa (№ 38); fuauu (№ 50); sndi(l) iuuul(Rll)i(s)ius(a)hs(i) (№ 78). В обширной работе 1905 г.¹⁰ С. Бугге пытался доказать, что большинство «бессмысленных» брактеатов поддается интерпретации, однако полная фантастичность и некритичность толкований С. Бугге вовсе не могли убедить рунологов, хотя отдельные попытки «разумной» интерпретации бессмысленных надписей на брактеатах не прекращались. В последнее время все более явственно заявляет о себе точка зрения, наиболее последовательно проводимая Э. Мольтке¹¹, согласно которой превалирующее большинство надписей на брактеатах являются бессмысленными. В специальной работе Э. Мольтке приводит аргументы в защиту своей точки зрения, которую следует признать солидно обоснованной и вполне правдоподобной. В связи с пересмотром рунических надписей на брактеатах следовало ожидать, что встанет вопрос об интерпретации медальона из Свартеборга: SsigaduR; данную надпись В. Краузе, так же как и его предшественники, толкует как имя собственное < *SigihauR. однако Х. Андерсен¹² приводит в специальном исследовании ряд веских аргументов в за-

¹⁰ S. Bugge. Bidrag til Tolkning af danske og tildels svenske Indskrifter med den længere Raekkes Runer, navnlig paa Guldbrakteater. «Aarbøger», 1905, стр. 141–328.

¹¹ E. Moltke. Hvad er meningen med en meningslos brakteat indskrift? «Historisk Samfunds Aarbog» (Fra Ribe Amt), Bd X, 1940–1943, стр. 3–8; Lis Jacobsen, E. Moltke. Danmarks Runeindskrifter. Text. København, 1942, стр. 790–793.

¹² H. Andersen. Svarteberg-medalionens indskrift. «Arkiv», Bd 76, 1961, стр. 51–60.

шиту того взгляда, что и данная надпись на медальоне является лишь набором рун.

3. В ряде уточнений, подчас весьма существенных, нуждается и следующий материал в «Корпусе» В. Краузе: Эйнанг — *dagaRpaRrunofaihido*, следует: ... *dagastiR runofaihido* (чтение Э. Мольтке)¹³; Вебдунгнес — *Wiwila*, следует: *Wiwilan* (чтение К. Марстрандера)¹⁴; Мейебру — *ana hahai* (дат. п. ед. ч. — *ai*), следует: *ana haha*; Ви — *marihai* (дат. п. ед. ч. — *ai*), К. Марстрандер в *i/hai* усматривает глагольную форму¹⁵. (Для всех надписей следует иметь в виду «Корпус» К. Марстрандера¹⁶).

4. В известных уточнениях нуждаются разделы книги В. Краузе, где рассматривается связь рунических надписей с магией (магическое число рун, магические формулы, магические руны и пр.). В настоящее время вопрос о магическом характере рун и рунических алфавитов и о первоначальном чисто магическом содержании рунических надписей в значительной степени был пересмотрен А. Бекстедом¹⁷, который выдвигает в своем обширном исследовании ряд хорошо обоснованных аргументов против гипотезы о магическом назначении рун и рунических надписей и против попыток интерпретации различных рунических надписей, в которых якобы недописаны отдельные руны (например, в надписи на амулете из Линдхольма: ...*hateka* вместо **haiteka*), или, наоборот, в которых встречается двойное написание рун (как, например, на уже упомянутом медальоне из Свартеборга: *SsigaduR*), что, согласно мнению некоторых исследователей, было продиктовано необходимостью сохранить определенное, «магическое» число рун.

§ 2. Как уже указывалось выше (см. Введение), задачами первостепенной важности для рунологии в настоящее время является создание принципов относительной хронологии древнейших рунических надписей и создание основ рунической палеографии.

Создание принципов относительной хронологии древнейших рунических надписей теснейшим образом связано с вопросом о возможности построения относительной хронологии на основе самих рунических данных. Постановка данного вопроса продиктована тем, что значительное большинство рунологов разделяет точку зрения, согласно которой датировка рунических надписей определяется археологом, а не рунологом. В связи с этим представляется уместным рассмотреть вопрос о соотношении рунологии и археологии, хотя необходимо сразу сделать оговорку, что

¹³ E. Moltke. Runestenen paa Einang. «Viking», 1938, стр. 111–119.

¹⁴ C.J.S. Marstrander. Rosselandssteinen, стр. 19.

¹⁵ C.J.S. Marstrander. De nordiske runeinnskrifter i eldre alfabet. Skrift og Språk i folksvandringstiden, I. Danske og svenske innskrifter. Oslo, 1952.

¹⁶ См. прим. 15.

¹⁷ A. Bæksted. Målruner og Trolldruner. København, 1952.

автор данной работы, не будучи археологом, полагает, что, с его точки зрения, было бы неразумным и бестактным, если бы он позволил себе какое-либо суждение относительно принципов абсолютной и относительной хронологии, принятых в археологии. Автор считает себя лишь вправе процитировать высказывания ряда археологов и рунологов и сделать на этом основании определенные выводы в отношении поставленного вопроса о возможности построения относительной хронологии на основе самих рунических языковых данных.

§3. Рунология и археология. Во многих работах скандинавских археологов и рунологов общим местом является положение о том, что вопрос о датировке рунических надписей, выполненных 24-значным футарком, может быть решен лишь на основе археологических данных. В том случае, если таковые, в силу ряда причин, отсутствуют, то вопрос о периодизации соответствующей рунической надписи остается открытым. Один из ведущих шведских археологов, Б. Нерман¹⁸, в работе, посвященной археологической датировке скандинавских рунических надписей группы Бьеркеторп–Стентофта, указывает на то, что «определение хронологии рунических надписей, восходящих к последним столетиям скандинавского язычества, должно в рунологии как правило основываться на той хронологии, которая устанавливается археологией на основе хронологически определяемых предметов или памятников». К каким выводам может привести подобное утверждение, будет показано ниже.

Ведущий датский рунолог Э. Мольтке¹⁹ в рецензии на «Корпус древнейших рунических надписей» В. Краузе писал: «Следует раз навсегда со всей категоричностью указать на то, что рунология не в состоянии устанавливать свою собственную хронологию наряду с археологической хронологией. Рунолог в состоянии лишь определить, что данная руническая надпись относится к эпохе переселения народов, к переходному периоду, к эпохе викингов или к эпохе средневековья. О хронологической дифференциации в пределах эпохи переселения народов не может быть речи».

Ведущий шведский рунолог О. фон Фрисен²⁰ подчеркивал

¹⁸ B. Nerman. Arkeologisk datering av Vendeltidens nordiska runinskrifter. «Fornvännen», 1947, стр. 109–141; Он же. Arkeologisk datering av Lister- och Listerbystenarna. «Fornvännen», 1953, стр. 178–199; цитата приводится из первой работы, стр. 109.

¹⁹ E. Moltke. [Рец. на кн.:] W. Krause. Runeninskriften im älteren Futhark. «Arkiv», Bd 53, 1937, стр. 109. См. также: F. Askeberg. Norden och Kontinenten i gammal tid. Uppsala, 1944, стр. 38–40. Ср. следующее замечание Р. Дероле: «Археология, однако, не является той замечательной помощницей рунологии, как то полагают некоторые исследователи» (R. Derolez. Runica Manuscripta. Brugge, 1954, стр. XV).

²⁰ O. von Friesen. Rönstenen i Bohuslän och runorna i Norden under folkvandringstiden. «Uppsala Universitets Årsskrift». Uppsala, 1924, стр. 25.

в своей монографии, посвященной рунической надписи на камне из Ре в Бугуслене, что «Ивар Линдквист признает в согласии со всеми современными филологами, что наши древнейшие рунические надписи могут быть определены с точки зрения абсолютной хронологии лишь на основе археологических данных». Подобные высказывания можно значительно увеличить, однако уже вышеприведенное позволяет сделать следующие наблюдения: создается впечатление, что археологи, занимающиеся рунологией, и рунологи, следующие за археологами, не всегда проводят различие между возможностью определения абсолютной и относительной хронологии. Вышеприведенные высказывания некоторых исследователей позволяют поставить вопрос следующим образом: рунические надписи в отношении абсолютной хронологии определимы только на основе археологических данных, рунические надписи в отношении относительной хронологии могут быть определены не обязательно на основе археологических данных. Подобная постановка вопроса, несомненно, логична, однако именно в отношении абсолютной хронологии, по крайней мере в скандинавской археологии, нет никакой ясности. Крупнейший шведский археолог Г. Экхольм²¹ категорически подчеркивает: «Когда в отношении некоторых весьма субтильных датировок отдельных предметов указывают на результаты, достигнутые археологами, это вызывает у нас (т. е. археологов. — Э. М.) скорее чувство неудовольствия. В отношении относительной хронологии мы, действительно, достигли значительных результатов. Что же касается абсолютной хронологии, то ее следует обозначить как один из самых слабых пунктов нашей науки». Взвешивая возможности абсолютной и относительной хронологии, Б. Альмгрен указывает на то, что для классификации по периодам «требуется более значительное количество находок, представляющих несколько типов, общих для каждого периода... Вопрос заключается в том, каково количество групп обнаруженных находок, каков временной промежуток, которым они могут характеризоваться как с практической, так и с теоретической точки зрения, наконец, в какой степени возможно определение того, насколько данные группы находок образуют хронологически последовательные периоды... Комбинационная датировка (на основе относительной хронологии. — Э. М.) не может тем самым явиться основой для однозначной детальной хронологии»²².

Таким образом, нельзя не прийти к выводу о том, что исследователь, пытающийся построить хронологию рунических надписей на основе археологических данных, попадает в порочный

²¹ G. Ekholm. Runologi och arkeologi. «Nordisk Tidskrift», Årg. 34, H. 8, 1958, стр. 458.

²² B. Almgren. Datering. «Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid», Bd III. Malmö, 1958, стр. 22–27.

круг. Кроме того, хронологические выкладки археологов в отношении определенной группы рунических надписей вступают в противоречие с периодизацией других рунических памятников, наглядным примером чего может служить уже упомянутая работа Б. Нермана об археологической датировке рунических надписей группы Бьеркеторп–Стентофта.

Еще в 1923 г. И. Линдквист²³ пытался обосновать гипотезу, согласно которой рунические надписи группы Бьеркеторп–Стентофта являются историческим документом, где было зафиксировано возвращение остатков герулов в Скандинавию, предположительно в область Сконе, что могло состояться примерно в 512–520 гг. Следовательно, заключал И. Линдквист, рунические надписи данной группы могут быть отнесены к началу VI в. Соглашаясь с И. Линдквистом в отношении хронологии данных надписей, Б. Нерман²⁴ пытается подкрепить её археологическими данными. Опираясь на первое описание рунических памятников данной группы местным пастором в 1860 г., согласно которому рунические памятники располагались в виде пентагона, Б. Нерман связывает это с известным на эпохи переселения народов скандинавским судилищем или вечем с жертвенными камнями (*domarering*), располагавшимися в виде пентагона. Так как подобные судилища характерны именно для эпохи переселения народов, то тем самым, заключает Б. Нерман, рунические памятники группы Бьеркеторп–Стентофта с археологической стороны могут быть отнесены к началу VI в.

Все построение Б. Нермана вызывает ряд принципиальных возражений. Автор данной работы не имеет права спорить с археологом Б. Нерманом, но необходимо указать на то, что датский археолог Т. Рамскоу²⁵ категорически возражает против археологической аргументации Б. Нермана и указывает, между прочим, на то, что шведский археолог Т. Арне в работе 1938 г. убедительно показал, что судилище в виде пентагона могло быть в употреблении даже в эпоху викингов. Кроме того, Т. Рамскоу полагает, что данный тип судилища настолько прост по своему устройству, что использовать его не представляется возможным для хронологических выкладок. Однако в данной работе, опирающейся целиком на языковой материал и лингвистические критерии, принципиальное возражение вызывает одно обстоятельство. Не представляется никакой возможности согласовать хронологию рунических памятников группы Бьеркеторп–Стентофта, в языковом отношении обнаруживающих переходное состояние (синко-

²³ I. Lindquist. *Galdrar*. Göteborg, 1923, стр. 119–156.

²⁴ B. Nerman. *Arkeologisk datering av Lister- och Listerbystenarna*, стр. 179–199.

²⁵ Th. Ramskou. [Письмо к Э. Мольтке, приводимое в работе:] E. Moltke. *Lousgårdserlens runeindskrift*. «Festskrift til Peter Skautrup», 1956, стр. 7–8.

пирование слабударных гласных, переход безударного $o > a$ и пр.), с хронологией брактеатов, большинство из которых и датскими, и шведскими археологами относится к VI в. и которые в то же время обнаруживают в языковом отношении древнейшее состояние. Тем более поразительным это оказывается в отношении брактеата из Чюрко, т. е. из той же местности, что и рунические памятники группы Бьеркеторп–Стентофта; ср. Бьеркеторп: hAidR runoronu fAlAhAk hAiderA ginArunAR ArAgeu hAerAmAlAusR utiAR welAdAude sAR þat bArutR; ср. брактеат из Чюрко: heldaR Kunimudiu wurte runoR an walhakurne. Э. Мольтке²⁶ совершенно резонно замечает по этому поводу, что представляется просто невероятным, что в одной и той же провинции (Блекинге) в надписях на камне, которые, как известно, являются самым консервативным видом письменности, ещё в начале VI в. нашёл отражение рунический язык переходного периода, а в надписях на брактеатах столетием позже продолжал сохраняться рунический язык древнейшего состояния. В таком случае у исследователя есть лишь один выход: признать рунические надписи на брактеатах, а также и ряд других надписей, обнаруживающих древнее состояние, как надписи подчеркнуто архаизирующего стиля (см. об этом ниже).

В свете вышеизложенного нельзя не согласиться с Г. Экхольмом²⁷, который указывает в своей уже упоминавшейся работе: «Археологическая периодизация древнейших рунических надписей имела основополагающее значение для рунологии на позднейшем этапе ее развития. Содружество рунологии и археологии имело как свои положительные, так и свои отрицательные стороны. В середине нашего века у рунологов обнаружилась тенденция делать слишком большие выводы за счет археологии. Рунологи продолжают упорно цепляться за некоторые археологические датировки, к которым сами археологи относятся скептически». Есть все основания полагать, что Л. Виммер²⁸ был совершенно прав, когда указывал на то, что «для языковеда хронологические определения археологов могут являться лишь контролем тех результатов, к которым он пришел иным путем (на основе языковых и палеографических наблюдений); там, где языковедение попадает в конфликт с археологией, первое может уступить лишь в том случае, если археология располагает вполне убедительными доводами». П. Соьер также указывает на то, что «Свидетельства археологии важны и не могут не быть приняты во внимание, но не менее важно для тех, кто использует археологию, учитывать то, что археологические данные носят общий характер и их использование возможно в определенных пределах»²⁹.

²⁶ Там же, стр. 7.

²⁷ G. Ekholm. Указ. соч., стр. 462.

²⁸ L. Wimmer. Die Runenschrift. Berlin, 1887, стр. 301.

²⁹ P. Sawyer. The age of the vikings. London, 1962, стр. 49.

§ 4. Понятие архаизирующих рунических надписей. Вопрос о хронологической стратификации древнейших рунических надписей и тем самым их относительной хронологии не только связан с проблемой периодизации рунических надписей на основе археологических или рунологических критериев, но он прежде всего настоятельно требует уточнения понятия архаизирующих надписей. В рунологической литературе данное понятие не является однозначным и его содержание чаще всего определяется в зависимости от той датировки соответствующих рунических надписей, которая устанавливается на основе археологических критериев. Так, в 1932 г. в Сетре (Норвегия) был найден гребень с рунической надписью A hAl maR mAunA; B AlunaAlunanA. На основании археологических данных гребень был датирован норвежским археологом Х. Шетелигом второй половиной VI в., и на основании этой датировки М. Улсен³⁰ пришел к выводу о том, что в скандинавском языке уже во второй половине VI в. наступила синкопа *u* и *i*, ср.: hAl < *hailu, maR < *mawiR; в то же время безударное *o* > *a*, ср.: mAunA, nanA. Сравнение данной рунической надписи с руническими памятниками переходного периода (VI–VII вв.), особенно с группой Бьеркеторн–Стентофта, приводит к выводу, что в памятниках переходного периода исследователь имеет дело с более древним языковым состоянием, чем в надписи на гребне из Сетре, ср. в надписи из Стентофты: ginoronoR, herAmAla sAR, bAriutiþ. Пытаясь объяснить несоответствие между языковым состоянием и периодизацией вышеуказанных надписей, М. Улсен выдвигает гипотезу о подчеркнуто архаизирующем характере рунических надписей группы Бьеркеторн–Стентофта. М. Улсен полагает также, что речь может идти не только об архаизирующих тенденциях в языке, но и в системе графики. Рассматривая руническую надпись на камне из Рёвсаля (Бугуслен, Швеция) hAriwulfs stAinaR и подвергая её палеографическому анализу, М. Улсен подчеркивает, что одновременное наличие руны \acute{A} (A) и \mathfrak{w} (w) указывает на архаизирующую орфографию. Следовательно, вопрос идет о том, в какой мере рунолог должен считаться с наличием: а) архаизирующих тенденций в языке и б) архаизирующих тенденций в системе рунической графики и в какой мере обе эти тенденции находили себе выражение в рунических надписях, выполненных 24-значным футарком. В согласии со своей гипотезой М. Улсен считает, что в рунических надписях на брактеатах, относящихся к VI в. и отражающих языковое состояние эпохи рунического койне, также следует усматривать проявление архаизирующих тенденций или, в иных терминах, архаизирующие рунические надписи (группа Бьеркеторн–Стентофта, Рёвсаль, брактеаты) синхронно не соотнесены со сканди-

³⁰ M. Olsen, H. Shetelig. Runokammen fra Setre. «Bergens Museums Årbok», 1933, стр. 78.

навским языковым состоянием VI в.. в то время как руническая надпись на гребне из Сетре, равно как руническая надпись на камне из Эггьюма, являются верным отражением языкового состояния того времени. Гипотеза М. Улсена в полной мере может быть проверена и оценена лишь после того, как будет поставлен и разрешен вопрос о соотношении фонем и графем в древнейших рунических надписях, необходимой предпосылкой чего является детальное описание всех древнейших рунических надписей прежде всего с палеографической точки зрения: выявление различных приемов мастеров рунического письма, определение графической типологии в различных ареалах германской языковой общности, дальнейших и разнонаправленных трансформаций 24-значного футарка в Скандинавии и на континенте. Однако уже сейчас представляется возможным и необходимым сделать ряд предварительных замечаний по поводу построения М. Улсена. Не подлежит никакому сомнению, что оперирование понятием архаизирующих надписей может иметь весьма опасные последствия для рунологии и легко может стать беспредметным или бессодержательным, ибо всякий раз, когда рунологическая и археологическая периодизация соответствующей надписи или целой группы надписей не будет совпадать, что очень часто имело и имеет место, возможно будет оговорить, что в том случае, если археологические и рунологические (точнее, языковые) константы не совпадают, данная (или данные) надпись(и) должна(ы) быть отнесена(ы) к архаизирующим, что не может в конце концов не привести к полнейшему произволу. В данной работе предлагается поэтому в предварительном порядке следующая процедура зачисления определенных надписей в «архаизирующие». Рунолог может с полным основанием говорить о том, что данная надпись является архаизирующей, лишь в том случае, когда данной надписи противостоит другая руническая надпись того же хронологического среза или той же локальной принадлежности и когда можно будет утверждать, что две рунические надписи не отражают временной последовательности. В противном случае отнесение различных рунических надписей к архаизирующим всегда будет бездоказательным. Это положение может быть проиллюстрировано на следующих примерах: в рунической надписи на камне из Еллинга I (пример 935, по определению Л. Якобсен–Э. Мольтке³¹) употребляется следующая форма указательного местоимения: KurmR : KunuKR: k/ar/pi; Kubl : þusi; в рунической надписи на камне из Еллинга II (пример 983–985, по определению Л. Якобсен–Э. Мольтке) употребляется следующая форма того же местоимения: haraltr : KunuKR þaþ : Kaurua : kubl : þausi. Совершенно ясно, что þausi является более ранней формой, а þusi — более поздней, и тем самым употребление формы þausi в заведомо позднейшей надписи

³¹ Lis Jacobsen, Erik Moltke. Указ. соч., стр. 65–81.

указывает на то, что надпись Еллинг II является примером подлинно архаизирующих рунических надписей или свидетельством канцелярского стиля, как обозначает консервативную орфографию данного памятника Э. Мольтке³².

Несколько в ином плане решается вопрос в отношении рунической надписи на камнях из Бьеркеторпа и из Стентофты. В первой употреблена форма sAR þAt bArutR; во второй — (s)A þAt bAriutiþ. В том случае, если можно будет доказать, что хронологически надпись из Бьеркеторпа несколько позднее надписи из Стентофты, то тогда bArutR и bAriutiþ предстанут как закономерное отражение тех фонеморфологических процессов, какие происходили в то время в скандинавском ареале. В том случае, если надписи из Бьеркеторпа и Стентофты принадлежат к одному хронологическому срезу, то тогда в bAriutiþ следует усматривать консервативную руническую орфографию, а надпись из Стентофты отнести к архаизирующим руническим надписям.

Помимо данного общего возражения против гипотезы М. Улсена, следует также указать на то, что руническая надпись на гребне из Сетре по своему ограниченному языковому материалу вовсе не позволяет делать подобные далеко идущие выводы. Приходится также отметить, что данная надпись вплоть до настоящего времени не получила удовлетворительного истолкования и вышеприведенные формы hAl и mAR могут быть демонстрированы и интерпретированы как имя собственное hAlmaR; в таком случае отпадают замечания М. Улсена о синкопе гласного и о переходе $\bar{o} > a$ и $-awi- > -a$. С полным основанием поэтому К. Юнгрен³³ отмечает в своей работе, посвященной анализу той же рунической надписи: «До тех пор, пока не будет внесена ясность в содержание надписи на гребне из Сетре и не будет определена ее языковая стратиграфия, она не может быть использована в качестве отправного пункта для установления иной хронологии звуковых изменений». Следовательно, нельзя не прийти к выводу, что понятие архаизирующих надписей переходного периода должно быть в рунологии максимально сокращено и оно требует самого осторожного и критического к себе отношения.

³² Lis Jacobsen, Erik Moltke. Указ. соч., стр. 897.

³³ K.C. Ljunggren. Några anmärkningar till tolkningarna av Setre-kammens runinskrifter. «Arkiv», Bd 53, 1937, стр. 293.

Глава II

ПОНЯТИЕ РУНИЧЕСКОГО КОЙНЕ

§ 1. Вопросом первостепенной важности является выяснение языкового статуса старших рунических надписей и их ареальная характеристика, т. е. выяснение соотношения языка старших рунических надписей, с одной стороны, с общегерманским языком, а с другой стороны — восточногерманским, скандинавским и западногерманским ареалами. В специальной рунической и в германистической литературе отсутствует единство взглядов по данному вопросу: большинство исследователей, начиная с С. Бугге¹, объявляют язык старших рунических надписей праскандинавским, в то время как другие исследователи рассматривают его как представителя общегерманского состояния². Поэтому представляется необходимым подробное рассмотрение всего комплекса относящихся сюда проблем.

§ 2. В настоящее время не подлежит сомнению, что язык старших рунических надписей не отражает общегерманского языкового состояния; достаточно сопоставить некоторые рунические надписи с их общегерманской реконструкцией, чтобы убедиться в этом, ср.:

рун. ekhlewagastiRholtijaRhornatawido (I, 29)³ при общегерм. ek/ik hlewagastiz hultijaz hurnan tawidon;

¹ S. Bugge. Guldhorn-Indskriften. «Tidskrift for Philologi og Pædagogik», Bd VI, 1865; Он же. Lidt om de ældste nordiske Runeindskrifters sproglige Stilling. «Aarbøger», vol. 5, 1870.

² G. Neckel. Die gemeingermanische Zeit. «Zeitschrift für Deutschkunde», Bd 39, 1925, стр. 14; F. Kluge. Deutsche Sprachgeschichte. Leipzig, 1920, стр. 148; G. Indrebø. Norsk målsoga. Bergen, 1951, стр. 41; А. Бах. История немецкого языка. [Пер. с нем.] М., 1956, стр. 43.

³ Здесь и далее в тексте римские цифры в круглых скобках означают отсылку к части II, разделу I, содержащему: А — рунические надписи на камнях, Б — надписи на брактентах, а арабские цифры — порядковый номер надписи.

рун. swestar minuliubu (I, 65) при общегерм. swestar mino leubo;
 рун. ekwakraRunnamwraita (I, 71) при общегерм. ek/ik wakraz unþnam wraitan;
 рун. frawaradaR anahahaislaginaR (I, 54) при общегерм. frawaredaz ana hanhan ist
 slagenaz и т. п.⁴

Древнейшие рунические надписи, найденные на территории Дании, Норвегии и Швеции, не содержат никаких данных, которые позволили бы установить в этих надписях наличие языковых особенностей скандинавского ареала. При соблюдении синхронной соотнесенности эти надписи могут быть в равной мере отнесены в языковом отношении как к скандинавскому, так и к западногерманскому ареалу. Сторонники праскандинавского характера языка старших рунических надписей указывают на личное местоимение 1 л. ед. ч. 'я', которое в данных надписях представлено формой *ek* (см. ч. II, разд. IV). В то же время, как справедливо отмечает В. Крoгман⁵, огласовка *e* данного местоимения не является исключительной принадлежностью лишь скандинавского ареала. С данной огласовкой местоимение 1 л. ед. ч. встречается в древнесаксонском (или древненижнефранкском) «Символе веры»⁶, а также в ряде современных немецких диалектов⁷.

Особого рассмотрения требует вопрос о «готских» рунических надписях. К. Марстрандер пытался обнаружить в своем исследовании «Готские рунические памятники»⁸ наличие довольно значительного количества рунических надписей на готском языке; к таковым он причислял: I, 16, 46, 50, 69, 24, 110; II, 14, 25, 24. Впоследствии К. Марстрандер более осторожно высказывался о принадлежности данных надписей к готскому ареалу⁹, так, в отношении I, 24 он оставлял вопрос открытым и давал транскрипцию *mrla*¹⁰ в скандинавской и в готской форме. Более детальное рассмотрение всех вышеупомянутых «готских» надписей позволяет прийти к следующему заключению.

⁴ Подробное освещение вопроса см. в работе: Э. Макаев. Понятие общегерманского языка. «Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания». М., 1961, стр. 44–67, а также в «Сравнительной грамматике германских языков», т. I. М., 1962, стр. 120.

⁵ W. Krogmann. Die Runeninschrift von Kårstad. — APhS, Bd 25, 1962, H. 2, стр. 155.

⁶ М. Heyne. Kleinere altniederdeutsche Denkmäler. Paderborn, 1867, стр. 85: *ec forsacho, ec gelôbo*.

⁷ В.М. Жирмунский. Немецкая диалектология. М.–Л., 1956, стр. 414: *ek, ec*.

⁸ C.J.S. Marstrander. De gotiske runeminnesmerker. — NTS, Bd III, 1929, стр. 25–157.

⁹ C.J.S. Marstrander. De nordiske runeinnskifter i eldre alfabet. Oslo, 1952.

¹⁰ Там же, стр. 165.

Многие надписи или допускают иную и не менее правдоподобную интерпретацию, или, с точки зрения рунической графики, они вообще мало пригодны для того, чтобы на их основании можно было сделать определенные выводы; ср., например, брактеаты, содержащие, по мнению С. Бугге¹¹ и К. Марстрандера¹², в различных написаниях слово *ehwu*. Данное образование сближается с готск. *aiwa*. Марстрандер полагает, что готск. *aiwa* может быть сопоставлено с *-cus* в рун. *sueus* (I, 50), а это, по его мнению, указывает на то, что «должны были существовать готские диалекты, в которых герм. **ehwaz* закономерно развивалось в **ehus* после синкопы *a*, в противоположность готскому языку Вульфилы, где сонант *w* удерживался (в данном слове) по аналогии с косвенными падежами»¹³. Указанные брактеаты, однако, вряд ли можно рассматривать как основу для подобных выводов уже потому, что, как подчеркивают Л. Якобсен и Э. Мольтке¹⁴, данные надписи вряд ли содержат осмысленные слова, поскольку *ehwu*, которое К. Марстрандер и В. Краузе¹⁵ читают на нескольких брактеатах, сопоставляя его с герм. **ehwaR* ‘конь’, имеет под собой слабую палеографическую и языковую основу (Л. Якобсен и Э. Мольтке на данных брактеатах читают не *ehwu*, а *etil*). Ссылка на брактеат 71, Сконе 5 (DRI, стр. 545) и II, 4 тоже ничего не говорит, ибо покоится на ошибочном толковании надписей на данных брактеатах. Итак, следует постоянно иметь в виду, что значительно бóльшая часть надписей на брактеатах содержит набор бессмысленных рун и руноподобных знаков и поэтому в лингвистическом отношении мало что дает¹⁶ (см. об этом также гл. I, §2). Что касается I, 110 (*aaadagasu laasauwija*), то приходится отметить, что удовлетворительного толкования данной надписи до сих пор не дано (ср. ч. II, разд. IV, s. v.), а это делает невозможным определенное заключение о её языковой принадлежности. Форма *ganja* (I, 16) не дает никаких опорных пунктов для её ареальной характеристики. Что касается *tilarips* (I, 46), то не исключена возможность, что данная надпись является готской (если бы она относилась к скандинавскому ареалу, следовало бы ожидать **tilaridaR*), однако Г. Маст¹⁷ пытается доказать, что данная надпись вообще

¹¹ S. Bugge. *Bidrag til Tolkning af danske og tildels svenske Indskrifter*. «Aarbøger», 1905, стр. 201–210.

¹² C.J.S. Marstrander. *De gotiske runeminnesmerker*, стр. 74–77.

¹³ Там же, стр. 74.

¹⁴ L. Jacobsen, E. Moltke. *Danmarks Runeindskrifter*. Text. København, 1942, стр. 545; ср. также стр. 492, 790–793. Далее в тексте этот корпус рун обозначается сокращенно как DRI.

¹⁵ Ср.: W. Krause. *Runeninschriften im älteren Futhark*. Halle, 1937, стр. 465–471.

¹⁶ Ср.: DRI, стр. 790–793; M. Mackeprang. *De nordiske guldbraekteator*. Aarhus, 1952, стр. 95.

¹⁷ G. Must. *The inscription on the spearhead of Kowel*. «Language», vol. 31, 1955, № 4.

не является германской, а скорее всего иллирийской, и соответственно читает (tilarios). Не приходится отрицать некоторой обоснованности гипотезы Г. Маста, особенно с палеографической точки зрения, ибо предпоследняя руна \square является единственной в своем роде¹⁸ и допускает различное толкование. Если даже не идти так далеко и принимать, что I, 16 является готской рунической надписью¹⁹, то, после критического рассмотрения, к «готским» руническим надписям могут быть причислены лишь I, 16, 46, 69, при этом gutani и vi(h?) в I, 69 допускает разную интерпретацию (см. ч. II, разд. IV), гапжа (I, 16) не несет никаких специфически готских черт и лишь tilariþs (I, 46) может изобличать готское происхождение данной надписи. Этого, несомненно, слишком мало для противопоставления рунических надписей скандинавского ареала руническим надписям готского или восточногерманского ареала, и на столь шатком основании нет возможности строить далеко идущие выводы о языковой принадлежности старших рунических надписей²⁰.

§3. Установление языковой принадлежности старших рунических надписей требует более подробного освещения вопроса о соотношении скандинавского и западногерманского ареалов. Данная проблема в свою очередь не может быть разрешена без выяснения вопроса о членении германской языковой общности и образовании таких пучков изоглосс, которые стали решающими факторами в конституировании отдельных германских ареалов.

Центральным для проблемы членения германской языковой общности является определение временной соотнесенности, или временной глубины — в терминах глоттохронологии, тех инноваций, которые стали конституирующими при формировании отдельных германских ареалов²¹. Здесь следует прежде всего указать на такие явления, как закон Хольцмана, дистрибуция формата 2 л. ед. ч. прошедшего времени сильного глагола в готском, скандинавском и западногерманском ареалах, повышение *a* в *æ* и \bar{a} в $\bar{æ}$ в англо-фризской группе, развитие e^1 в \bar{a} в западно-

¹⁸ H. Arntz, H. Zeuss. *Dio einheimischen Runendenkmäler des Festlandes*. Leipzig, 1939, стр. 28–31.

¹⁹ В письме к автору от 5.X.1962 В. Краузе категорически подчеркивает, что нет никаких оснований сомневаться в готской принадлежности данной надписи.

²⁰ Ср. DRI, стр. 807. Э. Мольтке также выражает сомнение в принадлежности I, 110; II, 24, 25 к готским руническим надписям. О форме (jalawid) и соположении (ja) с готским союзом jah 'и' см.: E. Salberger. *An ideographic rune on the Skodborg bracteate*. — APhS, Bd 24, 1957, Н. 1. Что касается II, 14 и возможного готского характера данной надписи, см. ч. II, разд. IV, s. v. lafa.

²¹ W.W. Arndt. *The performance of glottochronology in Germanic*. «Language», vol. 35, 1959, № 2, стр. 180–192; см. также: K. Bergsland, H. Vogt. *On the validity of glottochronology*. «Current Anthropology», vol. 3, 1962, № 2, cp. 115–129.

германском и скандинавском, выпадение носового перед *s*, *f*, *þ* с заместительным продлением гласного в ингвеонских диалектах (частично и в скандинавском), наконец, палатализация и ассимиляция смычных перед гласными переднего ряда в ингвеонских диалектах. Многие исследователи конца XIX и первой четверти XX в. были склонны относить все перечисленные инновации, или во всяком случае большинство из них, к весьма отдаленному прошлому: к началу нашей эры или даже первым векам до нашей эры²². Однако в работах 30–50-х годов XX в. было показано, что вышеперечисленные инновации относятся к значительно более позднему времени. Х. Кун²³ указывает на то, что в III–IV вв. процесс превращения общегерманского *jj* > *ddj* (готск.) и *ggj* (сканд.), а также *ww* > *ggw* еще не был завершен. Расхождения между готским и скандинавским в отражении закона Хольцмана давно отмечались исследователями²⁴, и это с непреложностью говорит о том, что к III–IV вв. н. э. действие закона Хольцмана еще не было закончено и что процесс гуттурализации мог происходить и в значительно более позднее время, о чём свидетельствует развитие консонантизма в фарерском языке. Что касается распределения формата 2 л. ед. ч. претерита сильного глагола (в готском и скандинавском *-t*, в западногерманском *-i/-e*), то и данная дистрибуция относится, возможно, к сравнительно позднему времени, ибо весьма древняя и общегерманская категория претерито-презентных глаголов обнаруживает наличие *-t* и других его вариантов во всех германских ареалах. Х.Ф. Розенфельд²⁵, указывая на то, что обобщение окончания *-t* в готском и скандинавском ареалах является такой же инновацией данных языков, как и форматив *-i/-e* в западногерманском ареале, связывал особое западногерманское развитие с тем, что в ингвеонских диалектах в силу действия специфичных для данной группы фонетических закономерностей глаголы типа *nīman* ‘брат’ должны были иметь следующую парадигматическую структуру в претерите: 1 л. ед. ч. **nam*, 2 л. ед. ч. **nōþ* < **nonþ* < **namþ*, 3 л. ед. ч. *nam*. Возможно,

²² O. Bremer. Relative Sprachchronologie. — IF, Bd IV, 1894. — Выпадение носового перед *f*, *þ*, *s* О. Бремер относит к I в. до н.э. Л. Рёзель указывает на несостоятельность датировки и аргументации О. Бремера. По мнению Л. Рёзеля, О. Бремер, устанавливая хронологию процессов в ударных слогах, опирается на рефлекс в конечных слогах, причем в качестве опорных пунктов берутся имена собственные: *Catualda* и *Chariowalda* (L. Rösel. Die Gliederung der germanischen Sprachen. Nürnberg, 1962, стр. 41).

²³ H. Kuhn. Zur Gliederung der germanischen Sprachen. — ZfdA, Bd 86, 1955, H. 1, стр. 12.

²⁴ R. Trautmann. Germanische Lautgesetze. Kirchhain, 1906, стр. 40–48; ср. также: «Сравнительная грамматика германских языков», т. II. М., 1962, стр. 62–64.

²⁵ H.F. Rosenfeld. Zur sprachlichen Gliederung des Germanischen. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Jg. 8, 1956, H. 5/6, стр. 378–379.

заключал Г. Ф. Розенфельд, что вытеснение общегерманского формата 2 л. ед.ч., фонеморфологически выпадавшего из парадигмы, началось именно в ингвонской группе и затем проникло во все западногерманские языки. Если данное объяснение в какой-то мере отражает действительное положение вещей, то тогда приходится признать, что западногерманская инновация является довольно поздней²⁶.

Таким образом, те инновации, о которых была речь выше и на основании которых строились выводы относительно диалектного членения германской языковой общности, по всей вероятности, не могут восходить к первым векам до н.э., а относятся к более позднему времени²⁷. Это позволяет предполагать, что в конце I тысячелетия до н.э. общегерманский язык обнаруживал ещё незначительные диалектные различия, и, следовательно, выделение замкнутых и четко обрисованных диалектных ареалов для той эпохи вряд ли оправданно. На это указывают все имеющиеся в настоящее время данные, как прямые, так и косвенные: древнейшие рунические памятники, материал германской топонимики, германская ономастика в передаче античных авторов первых веков до и после нашей эры, древнейшие заимствования в прибалтийско-финских языках, а также данные внутренней реконструкции фонологического и морфологического строя германских языков.

§4. Более или менее единообразное состояние общегерманского языка и отсутствие четких и глубоких диалектных границ, как уже отмечалось выше, следует принимать вплоть до первых веков до нашей эры. Вычленение и дальнейшее обособление готв (или, шире, восточногерманских племенных образований), имевшее следствием создание специфичных для восточногерманского ареала пучков изоглос и происходившее, по всей вероятности, в последние столетия до н.э. и в первый век н.э., явилось одновременно первым членением германской языковой общности²⁸. Как будет показано ниже, вычленение восточногерманского ареала из общегерманского состояния не предпола-

²⁶ Л. Рёсель, подробно рассматривая данный вопрос и давая собственное объяснение дистрибуции $-t \sim -i/-e$ в германском, приходит к выводу, что «тенденции развития, определившие выбор между *bugi* и *bauht* (в готском — оглушение конечных согласных, обобщение $-z$ как формата 2 л. ед. ч. в скандинавском, отпадение $-z$ в западногерманском), позволяют отнести их к II–IV вв. н.э.» (L. Rösel. Указ. соч., стр. 43).

²⁷ R. Schützeichel. Die Grundlagen des westlichen Mitteldeutschen. Tübingen, 1961, стр. 3–44.

²⁸ Первое, наиболее глубокое и оригинальное обоснование данной точка зрения получила в работах Х. Куна (H. Kuhn. Zur Gliederung der germanischen Sprachen. — ZfdA, Bd 86, 1955, Н. 1; Он же. [Рец. на кн.:] E. Schwarz. Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. — AfdA, Bd 66, 1952; см. также: R. Schützeichel. Указ. соч., стр. 37; L. Rösel. Указ. соч., стр. 18, 56; M. Adamus. Mutual relations between Nordic

гает наличия тесных контактов между восточногерманским и скандинавским ареалами и тем более постулирования единого гото-скандинавского праязыка, как то конструируется Э. Шварцем²⁹.

§ 5. С вопросом о вычленении готов и образовании восточногерманского ареала связана проблема первоначальной локализации готов (и возможно, и других восточногерманских племен) и определение характера гото-скандинавских языковых связей. В германистической литературе (филологической, исторической, этнографической и археологической) широко представлена и, по сути дела, почти безраздельно господствует точка зрения, согласно которой восточногерманские племена, и прежде всего готы, первоначально обитали в Скандинавии и что готы, покинув Скандинавию, обосновались в первом столетии до и после н.э. у устья Вислы. Данная точка зрения, восходящая к свидетельству Иордана³⁰, получила археологическое обоснование в работе Э. Уксеншерны³¹, который пытался определить прародину готов в Скандинавии в Вестергётланде. Археологическая аргументация Э. Уксеншерны была дополнена лингвистической аргументацией Э. Шварцем³², который именно исконным соседством готов и скандинавских племен объяснял близость готского и скандинавского, дальнейшее вычленение готского из скандинавского и реконструкцию гото-скандинавского праязыка. В то же время против этой точки зрения имеется ряд серьезных возражений археологического, исторического и лингвистического характера, что не позволяет присоединиться к ней. Дело в том, что теоретической предпосылкой работы Э. Уксеншерны «Прародина готов», основанной на анализе погребальных полей в Вестергётланде, а также обрядов захоронения (отсутствие оружия и других предметов в могиле и т.п.), была методика археологических исследований, разработанная Г. Коссиной («Siedlungsarchäologie»). Последняя в предельно ясной форме была выражена Г. Коссиной в следующем положении: «Археологически четко очерченные культурные области во все времена совпадают с совершенно определенными

and other Germanic dialects. «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Wroclawskiego», Seria A, № 36, 1962, стр. 157–158.

²⁹ E. Schwarz. *Goten, Nordgermanen, Angelsachsen*. Bern–München, 1951, стр. 47–153.

³⁰ Иордан. О происхождении и деяниях готов. М., 1960: «Ex hac igitur Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi» (лат. текст, стр. 134). «С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию, вышли некогда готы с королём своим по имени Бериг» (русск. пер., стр. 70).

³¹ E.G. Oxenstierna. *Die Urheimat der Goten*. Leipzig, 1945.

³² E. Schwarz. *Goten, Nordgermanen, Angelsachsen*. Bern–München, 1951.

народами или племенами»³³. Хорошо известно, что методика Г. Коссины встретила весьма серьезные возражения со стороны многих немецких археологов, была оставлена без внимания как не заслуживающая особенного научного доверия со стороны большинства скандинавских археологов³⁴ и в настоящее время имеет мало последователей. Что касается выводов Э. Уксеншерны в отношении прародины готов в Вестергётланде, то следует иметь в виду основательную критику данных выводов со стороны шведских историков³⁵, категорически отрицающих происхождение готов из Скандинавии. Шведский историк Курт Вейбуль указывает на то, что миф о происхождении готов из Швеции, основанный на рассказе Иордана и упорно державшийся у шведских историков эпохи средневековья и нового времени, постепенно исчез из шведской историографии, из трудов, посвященных древнейшему периоду шведской истории. Он подчеркивает: «Историки заметили, что этот поздно записанный рассказ (о происхождении готов из Швеции. — Э. М.) имеет весьма сомнительную ценность. Но археологи и языковеды принимают этот рассказ на веру и поныне кладут его в основу своих больших работ о древнейшей истории Швеции»³⁶. Основная критика концепции о происхождении готов из Скандинавии содержится также в работах Л. Вейбуля³⁷ и К. Муберга³⁸. Следует отметить, что А. Стендер-Петерсен³⁹ пытался опровергнуть критику К. Вейбуля, взяв под защиту показания Иордана, но, как нам представляется, его аргументация не является убедительной. А. Стендер-Петерсен полагает, что все показания Иордана о древнейшей истории готов достоверны, ибо они покоятся на устном предании, и даже рассказ Иордана о том, что готы покинули Скандинавию на трех ладьях,

³³ G. Kossinna. Anmerkungen zum heutigen Stand der Vorgeschichtsforschung. «Mannus», Bd 3, 1911, стр. 128.

³⁴ Лучшее изложение вопроса см. в работе: R. Hachmann, G. Kossack, H. Kuhn. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962, стр. 9–28 (ср. стр. 26: «Diesen drei Denkgrundsätze Kossinnas, die in heutiger Sicht als fundamentale Irrtümer erscheinen müssen, ließ er einen vierten folgen, den seine Sebulo übernahm»); ср. также: E. Wahle. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen. «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften» (Philos.-Hist. Kl.), 2 Abt. Heidelberg, 1940–1941.

³⁵ C. Moberg. Zonengliederung der frühchristlichen Eisenzeit in Nordeuropa. Lund, 1941.

³⁶ Curt Weibull. Die Auswanderung der Goten aus Schweden. «Kungl. Vetenskaps- och Vitterhets-Samhälles Handlingar». Göteborg, Sjätte Följden, Ser. A, Bd 6, 1958, № 5, стр. 28.

³⁷ Lauritz Veibull. En forntida utvandring från Gotland. «Scandia», Bd XV, 1943, стр. 269 и сл.

³⁸ C. Moberg. Innan Sverige blev Sverige. «Det levande förflutna», Bd XIV, 1951, стр. 64.

³⁹ A. Stender-Petersen. Jordanes' beretning om Goternes udvandring. «Kuml. Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab». Aarhus, 1957, стр. 68–80.

А. Стендер-Петерсен расценивает как исторический факт, усматривая в нем три этапа готской эмиграции из Скандинавии: первая ладья символизировала якобы колонизацию области вокруг Риги — Либазы, вторая ладья — колонизацию Самландии, третья ладья — колонизацию земли вокруг устья Вислы⁴⁰. Данное построение А. Стендер-Петерсена является частью его общей концепции о мощной волне переселений скандинавских племен на восток, о заселении скандинавскими колонистами Финляндии и севера России⁴¹. К тому же конфронтация показаний Иордана и скандинавского материала археологического, этнографического и лингвистического характера, отраженная в ряде работ⁴², вообще отсутствует в аргументации А. Стендер-Петерсена.

Не приходится сомневаться в том, что вопрос о происхождении готов из Скандинавии нуждается в совершенно новой постановке со стороны археологов и языковедов. Давая картину германских миграций в первые века до и после н.э. и указывая на то, что в это время в Скандинавии наблюдается медленная волна заселения страны с юга на север и со стороны побережья в глубь страны, Р. Хахман⁴³ справедливо подчеркивает, что под влиянием показаний Иордана о том, что Скандинавия является *vagina gentium*, археологические данные, освещающие данный процесс колонизации Скандинавии с юга на север, до сих пор не получили должного внимания и не собраны. Таким образом, вопрос о переселении готов (или, шире, восточногерманских племен) из Скандинавии в свете археологических и исторических данных является по меньшей мере спорным; остается выяснить, в какой мере языковые данные позволяют говорить о вычленении восточногерманского ареала из скандинавского ареала, и, следовательно, постулировать первоначальное гото-скандинавское единство и реконструировать гото-скандинавский праязык.

§ 6. Не подлежит сомнению, что решение данного вопроса зависит от того, в какой мере языковед может исходить из наличия скандинавского языкового ареала, четкие контуры которого уже обрисовались в первые века до н.э. Следует со всей определенностью подчеркнуть, что языковед не располагает никакими данными, которые позволили бы установить наличие скандинавского ареала, отграниченного от других ареалов и, следовательно, имеющего совокупность лишь ему присущих языковых особенно-

⁴⁰ Там же, стр. 74.

⁴¹ A. Stender-Peterson. *Varangica*. Aarhus, 1953.

⁴² См., например: В. Nerman. *En utvandring från Gotland och öns införlivande med Sveaväldet*. Uppsala, 1923; В. Nerman. *Die Herkunft und die frühesten Auswanderungen der Germanen*. «Kungl. Vitt. Hist. och Antikv. Akad. Handlingar», I, 5, 1924.

⁴³ Н. Hachmann, G. Kossack, Н. Kuhn. Указ. соч., стр. 65.

стей уже в первые века до н.э. В работах С. Бугге⁴⁴ и Л. Виммера⁴⁵, старавшихся подчеркнуть скандинавское происхождение старших рунических надписей, указывалось прежде всего на *-R* как показатель собственно скандинавского характера рунических надписей. В то же время данный форматив не может рассматриваться как показатель скандинавской, и только скандинавской, принадлежности рунических надписей. Графема *R* в рунических надписях старшего периода, возможно, вплоть до VI в. обозначала фонему *z* в исходе слова и, реже, в интервокальной позиции. Окончание *-az*, *-iz*, *-uz* в им. п. ед. ч. *o-*, *i-*, *u-* основ было общегерманским явлением (общегерм. **dagaz* ‘день’, **gastiz* ‘чужеземец’, **sunuz* ‘сын’). Конечное *-z* в готском ареале оглушалось, а гласные *a* и *i* синкопировались; ср. готск. *dags*, *gasts*. В скандинавском и западногерманском ареалах *-z* > *R* (явление ротацизма). Вероятно, как предполагали Г. Пауль⁴⁶ и Э. Гутенбруннер⁴⁷ и как подробно обосновал А. Смирницкий⁴⁸, что в западногерманском конечное *-z* переходило в *-R* и лишь после этого исчезало. Тем самым формы *-gastiR*, *wakraR* и др. вполне возможны в первые века н.э. как в скандинавском, так и в западногерманском ареале. Э. Гутенбруннер резонно замечает, что языковая принадлежность надписи на золотом роге из Галлехуса *ek hlewagastiR holtijaR horna tawido* (I, 29) не может быть точно определена⁴⁹, т. е. в языковом отношении она может быть отнесена с равным основанием как к скандинавскому, так и к западногерманскому ареалу, если принимать, что она относится к эпохе не позже первой половины V в. н.э. Взвешивая возможность отнесения данной надписи (I, 29) к скандинавскому или западногерманскому ареалу, Л. Якобсен и Э. Мольтке (см. DRI, стр. 30) указывали на то, что наличие руны *Y* в данной надписи еще не исключает её возможного западногерманского происхождения, ибо время отпадения конечного *-z* в западногерманском неясно. Однако соображения рунологического характера делают это предположение маловероятным: прежде всего исследователям не известна ни одна западногерманская руническая надпись до первой поло-

⁴⁴ S. Bugge. *Guldhorn-Indskriften*. «Tidskrift for Philologi og Pædagogik», Bd VI, 1865; Он же. *Lidt om de ældste nordiske Runeindskrifters sproglige Stilling*. «Aarbøger», 1870.

⁴⁵ L. Wimmer. *Navneordenes Bøjning i ældre Dansk*. København, 1868; Он же. *Runeskriftens Oprindelse og Udvikling i Norden*. «Aarbøger», 1874.

⁴⁶ H. Paul. *Die Vocale der Flexions- und Ableitungssilben in den ältesten germanischen Dialekten*, — PBB, Bd IV, 1877.

⁴⁷ S. Gutenbrunner. *Historische Laut- und Formenlehre des Altisländischen*. Heidelberg, 1951, стр. 34.

⁴⁸ А. Смирницкий. Отпадение конечного *z* в западногерманских языках и изменение *z* в *r*. «Труды Института языкознания АН СССР», т. IX. М., 1959, стр. 115–136.

⁴⁹ S. Gutenbrunner. Указ. соч., стр. 11.

вины VI в.; кроме того, руна *h* в готских и скандинавских надписях передается графически руной *Н*, в западногерманских надписях она передается в виде *Ń*. Нужно сказать, что данные аргументы не являются вполне убедительными: западногерманские надписи до VI в. могли не сохраниться, ибо они могли быть вырезаны на дереве. Остается неизвестным, всегда ли в западногерманских надписях руна *h* передавалась графически в виде *Ń*. И. Лангенфельт пытался доказать, что надпись на золотом роге из Галлехуса является по своему происхождению англской⁶⁰. Доказательство этого он видел в том, что в Ангеле (в Ютландии) до V в. жили англы, а герулы, создатели рунического письма, обитали тоже в Ютландии, севернее англов. Именно от герулов англы переняли руническое письмо и, переселяясь в Британию в V–VI вв., захватили его с собой. Полемизируя с Лангенфельтом, Э. Мольтке⁶¹ справедливо указывал на то, что в таком случае необходимо принять, что англы уже во II–III вв. были знакомы с руническим письмом, т. е. со старшими рунами. После переселения в Британию англы в V–VI вв. не оставляют ни одной рунической надписи, а столетием позже появляются в Британии рунические надписи совершенно иного графического облика, выполненные специфическим англосаксонским футарком, что заставляет предполагать, что не первые, а последние переселенцы в Британию занесли туда уже в относительно позднее время руническое письмо. Э. Мольтке подчеркивает, что без серьезных оснований не приходится говорить о наличии западногерманских рунических надписей на юге Ютландии в III–V вв. н.э. В то же время с основным доводом Э. Мольтке не приходится согласиться: скандинавская экспансия совпадает с зоной распространения рунических надписей, выполненных северогерманским футарком (*nordgermansk futhark*). Палеографически древнейшие надписи, найденные в Скандинавии и на континенте, обнаруживают те же графические особенности. Если следовать Э. Мольтке, то тогда готские надписи, например надпись из Пьетроассы (I, 69), придется зачислить в скандинавские. Следует всячески подчеркнуть, что отдельные графические расхождения в рунических надписях, выполненных 24-значным футарком, позволяют в редких случаях с большей или меньшей определенностью говорить о хронологических различиях или о различиях в школах рунических мастеров, но они мало пригодны для причисления надписи к определенному языковому ареалу: скандинавскому, готскому или западногерманскому. Не приходится сомневаться в том, что специфически скандинавского футарка как особой графической системы, отличной от других

⁶⁰ J. Langenfelt. Zur sprachlichen Stellung des goldenen Horns von Gallehus. «Fornvännen», 1946, стр. 290–293.

⁶¹ E. Moltke. Hvad var Lægæst, guldhornets mester, magiker, præst eller guldsmed? «Fornvännen», 1947, стр. 336–342.

рунических графических систем, вообще не существовало. Когда, действительно, появились такие графические системы, как датские, шведско-норвежские, англо-фризские рунические системы, пора старших рунических надписей, выполненных 24-значным футарком, уже давно миновала. Следовательно, вопрос о языковой принадлежности надписи на золотом роге из Галлехуса требует совершенно иной постановки (см. § 10).

В качестве приметы скандинавской принадлежности той или иной надписи обычно указывают также на огласовку *e* личного местоимения 1 л. ед. ч. *ek*. Однако данная огласовка встречается в западногерманском ареале (см. ч. II, разд. IV, s.v. *ek*), и следует полагать, что в общегерманском дистрибуция форм *ik* \sim *ek* определялась акцентными отношениями: в ударной позиции выступала форма *ek*, в безударной позиции выступала форма *ik*. В дальнейшем могло наблюдаться выравнивание в сторону ударной (скандинавский ареал) или безударной позиции (готский и западногерманский ареалы). Таким образом, и форма *ek* не может служить показателем скандинавского происхождения рунической надписи (см. также § 2). Все же другие особенности и тенденции языкового развития, отраженные в старших рунических надписях, относятся к эпохе не ранее III–V вв. н.э., а некоторые из них и к еще более позднему времени, причем многие из этих особенностей являются общими для скандинавского и западногерманского ареалов. Здесь можно назвать: развитие $\bar{e} > \bar{a}$ [ср. *mariR* (I, 90) ‘славный’; д.-в.-н. *māri* ‘знаменитый’, др.-англ. *mære* ‘знаменитый’, готск. *meriþa* ‘слух’, ‘известие’⁵²]; развитие конечного $\bar{o} > u$ [ср. *gibu* (II, 12) ‘я даю’, д.-в.-н. *gibu*, др.-сакс. *gibu*, готск. *giba* ‘я даю’]; форматив дат. п. ед. ч. *o*-основ *-e* [ср. *woduride* (I, 99), *wage* (I, 65)?, ср. д.-в.-н. *tage*, др.-англ. *dæge* ‘день’⁵³].

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что в первые века до н.э. и в первые века н.э. скандинавский языковый ареал ещё не оформился как самостоятельная диалектная группа. Следовательно, вычленение восточногерманского ареала происходило не из скандинавского ареала, которого в то время еще не существовало, а из общегерманского или, точнее, что оно относилось к позднегерманскому этапу развития общегерманского языка. После вычленения готов и обособленного развития готского (и других восточногерманских языков) германская языковая общность была представлена двумя ареалами: восточногерманским и западногерманско-скандинавским. Именно на основе языковых особенностей западногерманско-скандинавского ареала и стало складываться то языковое состояние, которое отражено в старших руни-

⁵² Н. Kuhn. Указ. соч., стр. 15, 32–33.

⁵³ М. Adamus. Указ. соч., стр. 146–147 (приводится подробный список скандинавско-западногерманских общих инноваций; в дальнейшем ссылки на данную работу даются в сл. сокращении: Adamus, 1962).

ческих надписях. Надлежит выяснить, почему на основе именно данного ареала стало складываться то языковое состояние, которое принято называть языком старших рунических надписей.

§ 7. Вопрос о происхождении рунического письма, остающийся дискуссионным и в настоящее время, не рассматривается в данной монографии, ибо он требует выяснения комплекса проблем, далеко выходящих за рамки задач, поставленных в данной работе. Однако представляется желательным дать сжатую характеристику состояния изучения вопроса о происхождении рунического письма в настоящее время и более подробно остановиться на вопросе о распространении рунического письма в связи с древнейшими руническими надписями. Все исследователи, независимо от того, каких взглядов они придерживаются на происхождение рунического письма, едины в том, что руническое письмо, возникшее не позже II–III вв. н.э., явилось продолжением и переработкой одного из южноевропейских алфавитов.

С. Бугге⁵⁴ и О. фон Фрисен⁵⁵ полагали, что руническое письмо возникло скорее всего на основе греческого курсива⁵⁶ у готов в районе Черного моря примерно в III в. н.э. и вместе с мощной культурной экспансией, исходившей с юга со II в. н.э. и проходившей восточным путем на север, распространялось постепенно среди различных германских племен. С. Бугге⁵⁷ высказал предположение, более подробно развитое О. фон Фрисеном⁵⁸, что передатчиками и распространителями рунического письма среди германских племен были герулы. Основанием для этого служило в основном слово *erilaR* ‘мастер рунического письма’, встречающееся на нескольких рунических надписях (см. ч. II, разд. IV, s. v.), которое данные исследователи сопоставляли с именем самих герулов. Известной модификацией теории С. Бугге–О. фон Фрисена явилась гипотеза Ф. Аскеберга, согласно которой руническое письмо возникло у готов в районе устья Вислы во II в. н.э. под влиянием латинского алфавита. Оставляя в стороне подробный анализ всех слабых пунктов теории С. Бугге–О. фон Фрисена (таковой содержится в работе Ф. Аскеберга «Скандинавский Север и континент в древности»⁵⁹), следует указать на то, что основной недостаток теории С. Бугге–О. фон Фрисена заключается в том, что древнейшие рунические надписи, найденные в Дании и Нор-

⁵⁴ S. Bugge, M. Olsen. Norges Indskrifter med de ældre Runer. Indledning. Christiania, 1891, стр. 92–120.

⁵⁵ O. von Friesen. Om runskriftens härkomst. «Språkvet. Sälbk. Förhandl.». Uppsala, 1904.

⁵⁶ См. также: O. von Friesen. Runenschrift. В кн.: «Reallexikon der germanischen Altertumskunde», Bd IV. Berlin–Leipzig, 1918, стр. 5–51.

⁵⁷ S. Bugge, M. Olsen. Указ. соч., стр. 186–218.

⁵⁸ O. von Friesen. Rön-stenen i Bohuslän och runorna i Norden. «Uppsala Universitets Årsskrift», № 4, 1924, стр. 45 и сл., особенно стр. 38–94.

⁵⁹ Fr. Askeberg. Norden och Kontinenten i gammal tid. Uppsala, 1944.

вегии, относятся к концу II и началу III в. н.э., в то время как знакомство готов с эллинистической культурой юго-восточной Европы произошло лишь после овладения готами Ольвией примерно в 236 г. н.э.⁶⁰ Естественно, что должен был пройти известный промежуток времени, в течение которого руническое письмо смогло распространиться в Дании и Норвегии. Таким образом, сами рунические надписи свидетельствуют против данной теории. Гипотеза Аскеберга, являющаяся компромиссом между теорией С. Бугге–О. Фрисена и теорией Л. Виммера, не менее уязвима в своей положительной части: отодвигая под давлением ранних находок рунических надписей возникновение рунического письма ко II в. н.э., Аскеберг исходил из наличия значительного культурного центра в районе Вислы в I–II вв. н.э., ибо, по его мнению, изобретение рунического письма явилось огромным культурным достижением, предполагавшим высокий уровень культуры в той среде, где оно возникло. В то же время исследователи не располагают соответствующими данными о наличии подобного культурного центра в районе Вислы, на что было со всей определенностью указано археологами⁶¹. Не менее уязвимо также положение Аскеберга о том, что готы создали руническое письмо под влиянием латинского образца во II в. н.э. Это положение плохо согласуется с тем, что те же самые готы в IV в. н. э. создали готский алфавит под влиянием греческого алфавита. Ведь если готы уже располагали традицией создания рунического алфавита под влиянием латинского образца, то следовало думать, что они создали бы свой собственный алфавит, который, по всей вероятности, унаследовал некоторые рунические знаки⁶² на основе латинского, им уже знакомого, а не греческого алфавита. Тем самым гипотеза Аскеберга не может претендовать на удовлетворительное решение вопроса о происхождении рунического письма.

Общим для теории происхождения рунического письма Л. Виммера⁶³, Х. Педерсена⁶⁴, М. Хаммарстрёма⁶⁵ и К. Марстрандера⁶⁶

⁶⁰ См. об этом: J. Brønsted. Danmarks Oldtid, Bd III. København, 1960, стр. 262; об Ольвии и ее значении для культуры юго-восточной Европы см: С. Жебелев. Северное Причерноморье. М.–Л., 1953, стр. 38–47, 275–299.

⁶¹ Ср.: E. Moltke. Er runeskriften opstået i Danmark? «Fra Nationalmuseets Arbejdsmark 1951». København, 1951, стр. 47–56.

⁶² См.: W. Braune, A. Ebbinghaus. Gotische Grammatik. Tübingen, 1961, стр. 11–12; J. Marliand. Les Gots ont-ils vraiment connu l'écriture runique? В сб.: «Mélanges F. Mossé». Paris, 1959, стр. 227 и сл.

⁶³ L. Wimmer. Runeskrittens Oprindelse og Udvikling i Norden, стр. 1–270.

⁶⁴ H. Pedersen. L'origine des runes. «Mémoires de la Société Royale des Antiquités Nordiques». København, 1920–1924, стр. 88–136.

⁶⁵ M. Hammarström. Om runskriftens härkomst. «Studier i nordisk filologi», vol. 20. Helsingfors, 1930.

⁶⁶ C.J.S. Marstrand. Om runene og runenavnenes oprindelse.—NTS, Bd I, 1928.

является предположение о том, что руническое письмо возникло у одного из южногерманских племен в I–II вв. н.э. под влиянием или латинского (Виммер–Педерсен), или североиталийского алфавита в одной из его разновидностей (Хаммарстрём–Марстрандер). Сложность выведения рунического письма из латинского заключается в том, что лишь некоторые руны имеют прямое соответствие в латинском алфавите. Таковы ƿ R N I ↑ Ɔ N I, сравниваемые с f, R, N, i, ↑, B, V, L; три руны — X (g), ƿ (w), M (e) — имеют графическое сходство с латинскими буквами (X, P, M), но имеют совершенно иное значение; остальные руны — þ (p), ƒ (a), < (k), † (n), ʝ (j), ƙ (P), ʟ (è), ʏ (z, R), ʝ (s), M (m), ɔ (ng), ʝ (o), M (d) — несводимы к латинскому алфавиту. Тем самым теория Виммера лишается доказательной силы, и следует признать, что теория Марстрандера–Хаммарстрёма, связывающая руническое письмо с североиталийскими алфавитами, в настоящее время является наиболее обоснованной из всех предложенных теорий. В данной теории вплоть до настоящего времени остаются невыясненными два вопроса: 1) все до сих пор известные изводы североиталийских алфавитов⁶⁷ позволяют с большей или меньшей степенью вероятности возвести к ним все знаки рунического письма, однако прямой прототип рунического письма ещё не обнаружен; 2) остается неясным, у какого южногерманского племени, имевшего тесные контакты с Римской империей в первые века н.э., могло возникнуть руническое письмо: гипотезы о том, что руническое письмо возникло у маркоманнов⁶⁸, у кимвров⁶⁹, у вандалов⁷⁰, у альпийских германцев⁷¹, не выходят за рамки слабо обоснованных предположений. Ещё менее вероятно возникновение

⁶⁷ Лучшая сводка всех североиталийских алфавитов содержится в работе: V. Pisani. *Le lingue dell'Italia antica oltre il latino*. Torino, 1953.

⁶⁸ H. Shetelig. *Norges forhistorie*. «Instituttet for sammenlignende kulturforskning», Serie A, V. Oslo, 1925, стр. 138.— Предположение Х. Шетелига было поддержано И. Брэнстедом, который указывает на то, что «маркоманны пришли рано в соприкосновение с классическим миром; их столкновение с римлянами относится к началу I в. н.э., и возможно, что большие маркоманские войны Марка Аврелия в конце II в. н.э. имели следствием дальнейшие контакты с остальной Германией» (J. Brensted. *Указ. соч.*, III стр. 262).

⁶⁹ F. Altheim, E. Trautmann. *Vom Ursprung der Runen*. Frankfurt a. Main, 1839; Они же. *Kimbern und Runen*. Berlin, 1943; см. также: H. Arntz. *Handbuch der Runenkunde*. Halle, 1944², стр. 56–57, где приводится дальнейшая литература.

⁷⁰ W. Krause. *Ing*. — *NGGW*, № 10, 1944, стр. 247–249; ср. также заявление Х. Розенфельда: «Так как Ingwaz, который называется верховным богом у Хаздингов, королевского рода вандалов, встречается в руническом алфавите, то вероятно, что изобретателем рунического письма был вандал» (H. Rosenfeld. *Die Inschrift des Helms von Negau*. — *ZfdA*, Bd 86, 1956, H. 4, стр. 264–265).

⁷¹ H. Arntz. *Указ. соч.*, стр. 61–64; ср. также: S. Gutenbrunner. *Germanische Frühzeit in deu Berichten der Antike*. Halle, 1939, стр. 87–88.

рунического письма в Дании, как это недавно пытался обосновать Э. Мольтке⁷². Указывая на то, что руническое письмо не могло возникнуть в ближайшем соседстве с *limes Romanus* (т. е. у какого-либо южногерманского племени. — Э. М.), ибо здесь процесс романизации протекал прямым путем и был всеобъемлющим, а для того чтобы руническое письмо могло возникнуть и сохранить свое своеобразие, требовалась известная дистанция от Римской империи, Э. Мольтке полагал, что очагом возникновения рунического письма вполне могла быть Дания; подобное предположение кажется ему реальным, ибо оно удовлетворяет следующим требованиям: 1) известная дистанция от Римской империи; 2) наличие культурных связей с Римской империей; 3) высокий культурный уровень Дании в первые века н.э.⁷³ Еще С. Бугге⁷⁴, как бы предвосхищая гипотезу Э. Мольтке, указывал на то, что «руническое письмо, безусловно, не могло впервые появиться в Дании или в Скандинавии, ибо, как то признается многими исследователями и как это сразу бросается в глаза, руническое письмо связано с древними южноевропейскими алфавитами, особенно с латинским и греческим, или с обоими одновременно. Предположить, что в Дании связи с народом, употреблявшим южноевропейский алфавит, были столь тесными, что они повлекли за собой появление рунического письма — а это могло иметь место не позже III в. н.э., — мало вероятно. Эти связи надлежит, несомненно, искать в более южных странах, вблизи южных культурных центров». И. Брэнстед⁷⁵ также подчеркивает, что представляется мало вероятным, что Дания была центром распространения рунического письма. Таким образом, на уровне современного состояния рунологии можно полагать, что руническое письмо возникло примерно в I–II вв. н.э. под влиянием одного из точно не установленных изводов североиталийских алфавитов у одного из южногерманских племен и затем распространилось на север, захватив постепенно север, восток и запад древней Германии. Естественно возникает вопрос, каким путем распространялось на север вплоть до Скандинавии руническое письмо и какое германское племя было передатчиком рунического письма.

§ 8. В настоящее время многие исследователи полагают, что распространение рунического письма на север шло скорее всего двумя путями: западным (вниз по Рейну и вдоль северо-западной Германии в Данию и оттуда в Скандинавию) и восточным (вверх

⁷² E. Moltke. *Er runeskriften opstået i Danmark?*

⁷³ Там же, стр. 54.

⁷⁴ S. Bugge. *Norges Indskrifter med de ældre Runer. Indledning. Runeskriftens Oprindelse og ældste Historie.* Christiania, 1905–1913, стр. 97.

⁷⁵ J. Brønsted. Указ. соч., III, стр. 262.

по Дунаю, через Богемия, вниз по Висле до Балтийского моря и оттуда в Швецию и на Готланд)⁷⁶.

Что касается посредника в распространении рунического письма, то многие исследователи, начиная с С. Бугге⁷⁷, усматривают его в герулах. Так как данный вопрос непосредственно связан с выяснением языковой принадлежности старших рунических надписей, он требует более подробного анализа.

§9. Следует прежде всего обратить внимание на то, что всё, связанное с историей герулов⁷⁸, их происхождением, их возможной связью с распространением рунического письма, с рядом рунических надписей, особенно на брактеатах, их возможным вкладом в древнегерманские героические сказания, особенно в древнедатские, наконец, их посредничеством между культурными центрами в районе Черного моря и скандинавского севера, носит весьма проблематичный характер и требует к себе самого осторожного подхода. Далеко идущие выводы в отношении герулов, которые неоднократно делались исследователями, основаны на очень ограниченном и подчас сомнительном материале, и в настоящее время представляется прежде всего необходимым тщательный анализ всех данных, относящихся к герулам.

Приходится прежде всего указать на то, что древнейшая локализация герулов неизвестна⁷⁹, а в связи с этим их этническая принадлежность остается неясной. Большинство исследователей относит герулов к скандинавам⁸⁰, К. Марстрандер⁸¹ считает их готами, З. Гутенбруннер⁸² видит в них смешанное образование между скандинавами и западногерманскими племенами. В данном случае исследователь находится в исключительно трудном

⁷⁶ W. Krause. Was man in Runen ritzte? Halle, 1943, стр. 8, G. Ekholm. Runologi och arkeologi. «Nordisk Tidskrift», Årg. 34, 1958. Н. 8; R. Elliott. Runes. Manchester, 1959, стр. 12–13; H. Arntz. Указ. соч., стр. 63–64: «Рейн представляется нам теперь водным путем, по которому руническое письмо распространилось на север».

⁷⁷ S. Bugge. Norges Indskrifter med de ældre Runer. Indledning, стр. 186–218; O. von Friesen. Rô-stenen i Bohuslän och runorna i nordnen under folkvandringstiden, стр. 45–81; W. Krause. Was man in Runen ritzte?, стр. 8; H. Arntz, H. Zeiss. Указ. соч., стр. 426–430; G. Turville-Petre. The heroic age of Scandinavia. London, 1951, стр. 22–23; R. Elliott. Указ. соч., стр. 13.

⁷⁸ См. об этом: L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1934; E. Schwarz. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956, стр. 104–107; DRI, стр. 817–819.

⁷⁹ Наиболее обстоятельное изложение вопроса см. в работе: E. Elgqvist. Studier rörande Njordkultens spridning bland de nordiska folken. Lund, 1952, стр. 100–116.

⁸⁰ S. Bugge. Norges Indskrifter med de ældre Runer. Indledning, стр. 186–190.

⁸¹ C.J.S. Marstrand. De gotiske runeminnesmerker, стр. 93.

⁸² S. Gutenbrunner, H. Jankuhn, W. Laur. Völker und Stämme Südostschleswigs im frühen Mittelalter. Schleswig, 1952, стр. 125–126.

положении, ибо он не располагает никакими данными относительно языковой принадлежности герулов за исключением небольшого количества герульских имен собственных, сохранных античными авторами и писателями раннего средневековья в греческой и латинской форме. Как это всегда наблюдается в подобных случаях, остается неясным, в какой мере фонетический облик данных имен является собственно герульским и в какой мере он отражает соответствующие греческие или латинские субституции. К. Марстрандер⁸³ собрал весь материал герульской ономастики⁸⁴, встречающейся у греческих историографов. Ниже приводятся имена собственные, засвидетельствованные в VI в. у Прокопия⁸⁵: ἀλλοιῖθ, ἄροδος, ἄρουφος, ἀρούθ, βῆρος, δάτιος, φανίθεος, φανόθεος, φάρας, φιλιμούθ, φούλλαρις (Agath., VI в.; ср. Schramm, стр. 97), Hariso («Flavius Hariso magister primus de numero Erolorum seniorum». — Corpus inscriptionum latinarum, vol. V, 8750; латинская надпись неизвестного времени из Венеции), ὄχος, ῥοθούλφος (ср. Schramm, стр. 117), σίνδουαλ (Agath., VI в.; Schramm, стр. 66), σουαρούας, οὐλιγαγγος (ср. Schramm, стр. 43, 62), οὐίσανδος. Данным списком герульской ономастики ограничивается материал, в настоящее время доступный исследователю. Трудно согласиться с Марстрандером в том, что вышеприведенный материал герульской ономастики обнаруживает большую близость к западногерманскому, чем к скандинавскому ареалу, и что это позволяет утверждать, что герулы не были скандинавами⁸⁶. Правда, сам Марстрандер тут же оговаривал: «Но мы не хотим придавать этому слишком большого значения. Ономастика часто меняется в бурные времена, а статистика часто вводит в заблуждение». Однако в полемике с С. Бутге К. Марстрандер был, несомненно, прав. Речь идет об объяснении, которое С. Бутге⁸⁷ давал герульскому имени βῆρος (ср. Прокопий, Война с готами, стр. 333). Это имя он сопоставлял с д.-в.-н. *bēr* ‘кабан’, ‘вепрь’, указывая, что в готском βῆρος должно бы иметь форму *wērs и что тем самым в герульском языке, так же как и в готском, было представлено *ē*, в то время как в скандинавском было представлено *a*, ср.: готск. *mēki* ‘меч’ (вин. п. ед. ч.) и рун. *makia* (I, 107); готск. *mēriþa* ‘известие’, ‘слух’ и рун. *marir* ‘славный’, ‘знаменитый’ (I, 96). К. Марстрандер⁸⁸ с основанием указывал

⁸³ C.J.S. Marstrander. De gotiske runeminnesmerker, стр. 91–100 (кельтские и другие спорные имена в данный список не включены).

⁸⁴ В скобках приводятся добавочные сведения о герульской ономастике по работе: G. Schramm. Namenschatz und Dichtersprache. Göttingen, 1957.

⁸⁵ См.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 469–514.

⁸⁶ C.J.S. Marstrander. De gotiake runeminnesmerker, стр. 98.

⁸⁷ S. Bugge. Norges Indskrifter med de ældre Runer. Indledning, стр. 190.

⁸⁸ C.S.J. Marstrander. De gotiske runeminnesmerker, стр. 99.

на то, что если бы герулы были скандинавами, как полагал С. Бугга, то в то время, когда герулы по следам готов двинулись на юг, \bar{e} должно было бы уже перейти в \bar{a} . Объяснение, которое К. Марстрандер дает герульскому имени $\beta\tilde{\eta}\rho\omicron\varsigma$, вряд ли может рассматриваться как удовлетворительное. Указывая на то, что Аммиан Марцелин упоминает герула по имени Vitalianus, К. Марстрандер полагает, что и герульское имя $\beta\tilde{\eta}\rho\omicron\varsigma$ является не чем иным, как латинским именем Vegus, приводя в параллель герульское имя $\varphi\alpha\upsilon\delta\epsilon\omicron\varsigma$, которое он рассматривает как греческое. Еще одно обстоятельство заставляет задержаться на герульском имени $\beta\tilde{\eta}\rho\omicron\varsigma$. С. Бугге⁸⁹ отмечал, что наличие \bar{e} в имени $\beta\tilde{\eta}\rho\omicron\varsigma$ и \bar{a} в рун. makia (I, 107) и marir (I, 96) как будто бы говорит против скандинавского происхождения герулов, на чем он настаивал. Пытаясь согласовать эти несуразности, С. Бугге полагал, что в герульском языке были представлены две диалектные разновидности: южная разновидность с \bar{e} и северная разновидность с \bar{a} . Это объяснение не имеет никакой доказательной силы, ибо исследователь не располагает никакими данными не только о герульских диалектах, но прежде всего о самом герульском языке. Если исходить из построения С. Бугге, то приходится принять наличие двух диалектных групп герульского языка — северной и южной — уже в первые века н.э., что с необходимостью влечет за собой постановку вопроса об основаниях для выделения западных и восточных герулов. Базируясь на том, что отряды герулов почти одновременно регистрируются историками в районе Черного моря (в 267 г.) и у Рейна (в 286–287 г., где они были побеждены войсками Максимиана), некоторые исследователи⁹⁰ принимают, что герулы уже в первой половине III в. раскололись на западных и восточных, но данное предположение не подтверждается ни прямыми, ни косвенными свидетельствами. Н. Лукман⁹¹ с полным основанием указывает на то, что данное предположение не является обязательным, ибо в герулах, зарегистрированных в районе Рейна, можно усматривать наёмные отряды герулов, завербованных в Придунавье.

В этой связи необходимо остановиться на вопросе об имени герулов и его отношении к рун. erilaR ‘мастер рунического письма’. Прежде всего обращает на себя внимание, что имя герулов, хорошо известное греческим и римским историкам, а также готским и лангобардским историкам⁹², совершенно не встре-

⁸⁹ Там же, стр. 205.

⁹⁰ L. Schmidt. Указ. соч., стр. 552–564; E. Schwarz. Germanische Stammeskunde, стр. 104–107; H. Arntz, H. Zeiss. Die einheimischen Runendenkmäler des Festlandes. Halle, 1939, стр. 426–430.

⁹¹ N. Lukman. Skjoldunge und Skilfinge. København, 1943, стр. 128; E. Kroman. Musikalsk akcent i dansk. København, 1947, стр. 188–189.

⁹² Документация имени герулов у античных историков, а также историков готов и лангобардов приводится в работах: K. Zeuss. Die Deutschen Und die Nachbarstämme. Heidelberg, 1925 (Manuldruck, München, 1837),

чается в раннескандинавских, франкских и древнеанглийских источниках. Это наталкивало на предположение, что в Скандинавии герулы были известны под другим именем⁹³. Последнее же дало повод Э. Вессену выдвинуть гипотезу согласно которой «даны, известные в более позднее время, являются в основном герульским племенем под датским владычеством»⁹⁴. Не исключена возможность, как полагают некоторые исследователи⁹⁵, что имя герулов на юге Европы носило скорее социальный, чем этнический характер, и обозначало или предшественников викингов, или представителей (а возможно, и верхушку) военной касты, на что может указывать соположение имени герулов и скандинавского социального термина Jarl 'ярл' (см. ниже). Как бы то ни было, не приходится отрицать, что обозначение 'герул' допускало двоякую интерпретацию в этническом и социальном отношении. Во всяком случае постоянные набеги герулов, появляющихся то у устья Рейна, то в Испании, то на побережье Черного моря и в Приазовщине, на Дунае и на Балканах, позволяют усматривать в них собирательное обозначение, возможно, для шведских и норвежских викингов эпохи переселения народов, а это требует выяснения вопроса об их предполагаемой первоначальной родине. Как уже отмечалось выше, данный вопрос вплоть до настоящего времени является нерешённым. Большинство исследователей, настаивающих на скандинавском происхождении герулов, полагают, что их первоначальной родиной была южная Швеция, датские острова Фюнен и Зееландия и, возможно, южная часть Ютландского полуострова⁹⁶. Основанием для подобного заключения служат свидетельства Иордана и Прокопия. Иордан⁹⁷ пишет: «Светиды, известные в этом племени как превосходящие остальных (величиною) тела, хотя к даны, вышедшие из того же рода, — они вытеснили герулов с их собственных мест, — пользуются среди всех племен Скандии славой по причине своего исключительного роста». Прокопий из Кесарии⁹⁸ пишет: «Так живут обитатели Фулы. Из них самым многочисленным племенем являются гавты, у которых и поселились пришедшие сюда эрулы». Оставляя в сто-

стр. 476–484; M. Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personnen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911, s.v. — Встречается написание: eruli, heruli, aeruli (у Аммиана Марцеллина), heroli; у греческих авторов: ἔρουλοι, ἐρούλοι, ἄρουλοι, ἐρουλοι (у Зосимы), ἐρουλοι (у Дексиппа в Etymol. Magnum).

⁹³ H.M. Chadwick. The origin of the English nation. Cambridge, 1907, стр. 111.

⁹⁴ E. Wessén. De nordiska folkstammarna i Beowulf. «Kungl. Vitt. Hist. och antikv. Akad. Handlingar», Del 36, 1927, , №2, стр. 39.

⁹⁵ E. Elgqvist. Studier rörande Njordkultens spridning..., стр. 114.

⁹⁶ См.: E. Elgqvist. Указ. соч., стр. 103; W. Krause. Runica III. — NGAW, №9, 1861, стр. 261–262; E. Wessén. Указ. соч., стр. 7–8; O. von Friesen. Rö-stenen i Bohuslän..., стр. 45–51.

⁹⁷ Иордан. Указ. соч., стр. 68.

⁹⁸ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 212.

роне многочисленные и разноречивые толкования данных свидетельств Иордана и Прокопия⁹⁹, следует подчеркнуть, что в свете вышеприведенных свидетельств можно лишь в виде догадки предположить, что даны примерно в III в. н.э. захватили земли герулов на Датских островах и юге Ютландского полуострова и прогнали их оттуда, а знаменитые клады оружия и других драгоценностей, найденные на болоте в Вимосе и относящиеся, по определению археологов, к концу II и III в. н.э., являются свидетельством боев, происходивших между вторгшимися данами и герулами¹⁰⁰. После этого наступает эпоха герульской диаспоры, однако, насколько можно судить по рассказу Прокопия, какие-то связи со Скандинавией поддерживались вплоть до первой половины VI в., когда распылённые остатки герулов, побежденных лангобардами, вернулись в Скандинавию и поселились где-то около гаутов¹⁰¹. Все вышеизложенное подготавливает к выводу о том, что этническая и языковая принадлежность герулов в настоящее время не может быть окончательно установлена, но одно несомненно: даже в том случае, если принять принадлежность герулов к скандинавскому ареалу, не приходится сомневаться в том, что во II–III вв. н.э. отличительные языковые признаки скандинавского ареала еще не оформились и тем самым не представляется возможным на основании скудной герульской ономастики делать выводы о герульском языке (см. §9). Весьма показательным в этом отношении герульское имя *φούλλαρις* (см. §9). Настаивая на том, что герулы были готского, а не скандинавского происхождения, К. Марстрандер¹⁰² указывал на огласовку *u*, характерную для готского ареала (гот. **fulka-*), но не для скандинавского (сканд. *folka-*). Но, как показывает Х. Кун¹⁰³, дистрибуция *o/u* обнаруживает большую пестроту в лангобардском, частично в ингвеонском и в немецких диалектах. Следовательно, если речь идет о герулах III–IV вв., огласовка *u* в *φούλλαρις* < **fulkaharjis* или **fulkariþs* ? ещё ничего не доказывает. Указание К. Марстрандера на рун. *horna* (I, 29, 89) с огласовкой *o* лишено доказательной силы, ибо в данном случае и в готском наблюдалась в позиции перед *-r* огласовка *o*, ср. готск. *kaurn* ‘зерно’. В связи с огласовкой *u* обращает на себя внимание *kurne* на брактее из Чюрко (II, 28).

⁹⁹ См. об. этом: O. von Friesen. *Rö-stenen i Bohuslän...*, стр. 48–52; I. Lindqvist. *Gatdrar*. Göteborg, 1923, стр. 150–158; E. Wessén. Указ. соч., стр. 5–16; E. Elgqvist. *Studier rörande Njordkultens spridning...*, стр. 100–116; E. Kroman. Указ. соч., стр. 185–190.

¹⁰⁰ J. Brønsted. Указ. соч., III, стр. 271–273; DRI, стр. 854–857; H. Jankuhn. *Nydam und Thorsberg*. Neumünster, 1952, стр. 35–37; E.G. Oxenstierna. *Die Nordgermanen*. Stuttgart, 1957, стр. 66–104.

¹⁰¹ О последних остатках герулов см. в работе: N. Lukman. *De sidste heruler*. «Festskrift til L. Hammerich». København, 1952, стр. 179–189.

¹⁰² C.J.S. Marstrander. *De gotiske runeminnesmerker*, стр. 99.

¹⁰³ H. Kuhn. Указ. соч., стр. 2.

Предположение О. фон Фрисена о том, что в данном слове графема *u* обозначала фонему *o* (см. ч. II, разд. IV, s.v. *kurne*), — мало вероятно для столь раннего времени. Если здесь не усматривать описку, столь характерную для многих брактеатов, то в огласовке *u* можно усматривать колебание в дистрибуции *o* и *u* перед *r*.

В одном отношении, однако, герульская ономастика может дать неожиданные выводы, а именно в сопоставлении с рунической лексикой. Э. Вессен¹⁰⁴ обращал внимание на то, что герульское имя *hariso* (см. §9) имеет соответствие в рун. *hariso* (I, 37), а герульское имя *άλουήθ* — в рун. *alawid* (II, 24). Наконец, само имя герулов, уже начиная с С. Бугге¹⁰⁵, многими исследователями¹⁰⁶ сопоставляется с рун. *erilaR* ‘мастер рунического письма’. Соотношение имени герулов и рун. *erilaR* требует особого рассмотрения. Ниже приводятся все надписи, где встречается слово *erilaR*.

1. Надпись из Братсберга (I, 11): *ekerilaR* ‘Я, эриль’.
2. Надпись из Бю (I, 14): *ēkirilaRhroRaR̄hroReRor̄teṑataRinaṑutalaifudR* ‘Я, эриль; Х. сын Х. сделал этот жертвенный камень?...?’
3. Надпись из Ерсберга (I, 41): *I ubaRhite:ḥarabanaR II hait III ekerilaR IV runoRwaritu...* ‘называюсь, Х. называюсь, я эриль начертил руны...’
4. Надпись из Крагегуля (I, 48): *ekerilaRasugisalasasmuhahaitegagaginugahelijahagalawijubig...* ‘Я, эриль А. (есмь), У. называюсь...’.
5. Надпись из Линдхольма (I, 51): *ekerilaRsawilagaRhateka...* ‘Я, эриль С.? называюсь...’
6. Надпись из Росселанна (I, 74): *ekwagigaRirilaRagilamudon* ‘Я, В. эриль А’.
7. ? Надпись из Розвадува (I, 75); *krlus?* ‘Я, эриль?’
8. Надпись из Веблунгсна (I, 104): *ēkirilaRwiwilan* ‘Я, эриль В’.
9. Надпись на брактеате из Эскаторпа (совпадает с надписью на брактеате из Весбю): *fahiduuuilalduuigaRēerilaR* (неясно) ‘...эриль...’

Оставляя в стороне надпись из Этельхема (I, 24) *mrla*, которую некоторые исследователи читают как *ekerila* (см. ч. II, разд. IV),

¹⁰⁴ E. Wessén. Указ. соч., стр. 39–40; ср. также: E. Kroman. Указ. соч., стр. 189.

¹⁰⁵ S. Bugge. Norges Indskifter med de ældre Runer. Indledning, стр. 192–193.

¹⁰⁶ S. Bugge. Указ. соч., стр. 192–193; O. von Friesen. Rō-stenen i Bohuslän..., стр. 45–81; C.J.S. Marstrander. De gotiske runeminnesmerker, стр. 95; C.J.S. Marstrander. Rosselandsteinen. «Universitetet Bergen Årbok», 1951, стр. 23–24; E. Elgqvist. Studier rörande Njordkultens spridning..., стр. 118–135; M. Schönfeld. Указ. соч., стр. 80; M. Olsen. Kårstad-ristningen. «Bergens Museums Årbok», №1, 1929, стр. 59–62; W. Krause. Runeninschriften..., стр. 476; H. Arntz, H. Zeiss. Указ. соч., стр. 426–430.

и надпись из Розвадува, восемь надписей из Норвегии, Дании и Швеции содержат обозначение рунического мастера: *erilaR*. Необходимо выяснить, как соотносится *erilaR* с именем герулов к с термином социальной структуры исл. *jarl*. Данный вопрос, являвшийся предметом многочисленных контроверз, имеет давнюю историю¹⁰⁷. В настоящее время можно утверждать, что с фономорфологической точки зрения не вызывает возражения соположение рун. *erilaR*, исл. *jarl* и имени герулов. О. фон Фрисен, возражая против соположения *erilaR* с исл. *jarl*, указывал на то, что *jarl* можно было бы рассматривать как производную форму от *erilaR* с закономерным преломлением по аналогии форм мн. числа: **erilaR > iarlaR* и т.д. Именно из мн. числа данная форма с преломлением проникла в ед. число, в результате чего образовались две лексические единицы: **eril* (ср. рун. *erilaR*) и *jarl*. Но, замечал О. фон Фрисен, данное объяснение мало вероятно, потому что *erilaR* невозможно свести к *jarl*, ибо последнее предполагает праформу **erlaz*. Рун. *erilaR* закономерно должно было бы дать после перегласовки *e > i*: **irilaR* (данная форма давалась О. фон Фрисеном под звездочкой)¹⁰⁸. Кроме того, полагал О. фон Фрисен, данное объяснение мало вероятно, ибо трудно было ожидать, что в таком слове, как *jarl* ‘ярл’, обозначавшем повелителя или владыку, формы мн. числа могли одержать перевес над формами ед. числа. Поэтому, заключал О. фон Фрисен, *erilaR* и исл. *jarl* несводимы к единой форме и данное соположение должно быть отвергнуто. Данное объяснение О. фон Фрисена не является удовлетворительным. Форма *irilaR*, дававшаяся О. фон Фрисеном под звездочкой, реально засвидетельствована в рунических надписях: Росселани (I, 74) *irilaR*; в надписях из Бю (I, 14) и Веблунгснеса (I, 104) точно так же читается *irilaR*, а не *eirilaR*, как то принимал О. фон Фрисен, рассматривая ошибочно написание *eirilaR* как «компромиссную форму»¹⁰⁹. Что касается формы мн. числа в слове *jarl* ‘ярл’, то Х. Шпербер на основании произведенного анализа пришел к выводу, что в древнеанглийской и древнеисландской поэзии мн. число от др.-англ. *eorl* и др.-исл. *jarl* встречается чаще, чем формы ед. числа¹¹⁰. Что касается чередования *-ila* и *-ula* в *erilaR* и в имени герулов лат. *eruli*, греч. *ἔρουλοι*,

¹⁰⁷ Основную литературу по данному вопросу см. в ч. II, разд. I, с. v.

¹⁰⁸ O. von Friesen. *Rö-stenen i Bohuslän...*, стр. 75.

¹⁰⁹ Там же, стр. 75; против чтения *ei* в *eirilaR* в I, 14 и I, 104 см. аргументацию Э. Салбергера в работе: E. Salberger. *Die Runogramme der Goldbrakteaten von Väsby und Åskatorp*. «Kungliga Humanistiska Vetenskapliga i Lund Årsberättelse», 1955–1956, III.

¹¹⁰ H. Sperber. *Till Tolknigen av Rö-stenens Inskrift*. «Arkiv», Bd. 65, 1950, H. 3/4, стр. 148–149; J. de Vries. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*, стр. 290. Последний также указывает на то, что влияние мн. ч. *jarlar* невероятно, однако почему это представляется невозможным, не объясняется.

объяснение О. фон Фрисена¹¹¹ представляется весьма правдоподобным: лат. форматив *-ilus* служил для обозначения прилагательных и весьма ограниченного количества существительных, которые как правило имели форматив *-ulus*. Рун. *erilaR* было адаптировано римлянами в соответствии с нормами латинского языка, благодаря чему *-ila* было заменено *-ula*. Уже из латинского языка данное слово попало в греческий язык. Подводя итоги всему изложенному, представляется возможным рассматривать **erilaz*, **erulaz* и **erlaz* как фонеморфологические варианты, из которых в общегерманском были представлены лишь **erilaz* и **erlaz*. Есть серьезные основания для предположения, что рун. *erilaR* уже рано потеряло непосредственную связь с именем герулов и приобрело характер определенного социального термина. В настоящее время не представляется возможным точно определить содержание данного термина. Возможно, что имя герулов стало нарицательным обозначением для занимавшихся руническим мастерством, обозначением рунического мастера вообще. Если в известной мере допустимо рассмотрение герулов скорее как предтеч позднейших викингов, как представителей военной касты, чем как четко очерченное этническое образование, и в герулах усматривать идеальных передатчиков рунического письма и других культурных ценностей¹¹² с юга Европы до Скандинавии, то тогда можно извлечь известные данные из «Песни о Риге» (из Старшей Эдды), где указывается на то, что знание рун было принадлежностью высших кругов тогдашнего общества:

43. Enn Konr ungr kunnir rúnar
ævinrúnar oc aldrúnar...¹¹³

Кон юный ведал волшебные руны,
целебные руны, могучие руны...¹¹⁴

45. Hann við Ríg iarl rúnar deildi,
...oc þá eiga gat
Rígr at heita, rúnar kunna.

В знании рун с Ярлом Ригом он спорил...

Тогда приобрел он право назваться

Ригом и ведать могучие руны.

¹¹¹ O. von Friesen. Rø-stenen i Bohuslän..., стр. 79 (данное объяснение восходит, по словам О. фон Фрисена, к проф. О. Лагеркранцу).

¹¹² S. Bugge. Norges Indskrifter med de ældre Runer. Indledning, стр. 186–218. — Следует указать на то, что Барди Гвюдмундссон в своей книге «Происхождение исландцев» (Barði Guðmundsson. Uppruni Íslendinga. Reykjavík, 1959, стр. 207–208, 227–228), не всегда критически используя источники, сильно преувеличивает значение герулов и приходит к необоснованному выводу об участии герулов в создании исландского этнического единства и исландской культуры.

¹¹³ Эдда цит. по изд.: G. Neckel, H. Kuhn. Edda, I. Text. Heidelberg, 1962, стр. 286.

¹¹⁴ Русский перевод цит. по изд.: Старшая Эдда, перевод А. И. Корсуна под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М.–Л., 1962, стр. 164.

Одновременно указывается также на то, что знание рун было связано как раз с сословием ярлов; соположение рун. *erilaR* и исл. *jarl* получает с этой стороны неожиданное освещение. Теперь, в свете всего вышеизложенного, можно поставить вопрос о том, что можно извлечь из связи рун. *erilaR* с именем герулов, их вероятном посредничестве в распространении рунического письма, в отношении языковой принадлежности старших рунических надписей.

§ 10. Даже в том случае, если можно будет доказать наличие тесных связей между старшими руническими надписями и герулами, вопрос о языковой принадлежности старших рунических надписей ещё не будет решен и после того, как будет окончательно доказано скандинавское или восточногерманское происхождение герулов. Определение герульских языковых особенностей как переходного диалекта, находящегося между скандинавским и западногерманским ареалами (точка зрения З. Гутенбруннера, см. выше, § 9), также не помогает решению поставленного вопроса, не говоря уже о бездоказательности подобного предположения. Решение данного вопроса зависит прежде всего от выяснения важных хронологических проблем. Как уже указывалось в § 6, в первые века до н.э. и в первые века н.э. скандинавский языковой ареал ещё не оформился как самостоятельная диалектная группа. После вычленения восточногерманского ареала из общегерманского состояния, что можно отнести примерно к I в. до н.э. или, самое позднее, к I в. н.э., образовалось два ареала: восточный и западный. Примерно в IV–V вв. начинается раскол западного ареала в связи с вычленением и стабилизацией ингвеонской языковой группы. Именно появление и оформление ингвеонского ареала означало одновременно размежевание западногерманского и скандинавского ареалов. Таким образом, о скандинавском языковом ареале можно говорить лишь начиная с V–VI вв. н.э. Именно в этот период протекают процессы, столь характерные для скандинавского языкового развития, частично отраженные в рунических надписях переходного периода: в надписи из Эггьюма (I, 17), в надписи из Сетре (1,78), в надписях группы Бьеркеторп–Стентофта (I, 9, 86).

Как было показано в § 7, руническое письмо возникло в I–II вв. н.э. под влиянием одного из южноевропейских или североиталийских алфавитов и постепенно распространялось на север вплоть до Скандинавии. Древнейшие рунические надписи, найденные в Дании: надпись из Химлингойе (I, 38), надпись из Верлёсе (I, 105), надпись из Несбьерга (I, 57); в Швеции: надпись из Гордлёсы (I, 31); в Норвегии: надпись из Эвре Стабю (I, 67), — относятся (прежде всего на основании археологических данных) к концу II в. и к первой половине III в. н.э. Если даже не предполагать наличия ещё более древних надписей, относящихся к первой половине II в. или к концу I в. н.э., что вполне допустимо,

нельзя не прийти на основании вышеизложенного к выводу, что данные надписи в языковом отношении допускали только одно определение: они могли относиться к восточному либо к западному ареалу. Никакого иного ареала в то время ещё не существовало; поэтому причисление данных надписей к скандинавским лишь по их пространственной принадлежности является для II–III вв. анахронизмом. Собственно скандинавский языковый ареал, как уже было указано выше, оформился и получил самостоятельное развитие лишь после вычленения ингвеонской диалектной группы. Последнее обстоятельство имело решающее значение как для скандинавского, так и для всего западногерманского ареала и потому требует особого рассмотрения.

§ 11. Миграции германских племен, имевшие место в конце I тысячелетия до н.э. и в первые века н.э., начиная с III–IV вв. приняли особенно интенсивный характер. Ютландский полуостров, густо заселенный в первые века н.э., по свидетельству античных авторов¹¹⁵, в IV–V вв. пустеет, что было, несомненно, связано с переселением англвов, ютов и части саксов в Англию¹¹⁶. Возможно, что данное обстоятельство явилось поводом для колонизации Дании со стороны скандинавских племен, преимущественно данов. Часть ютов, не переселившихся вместе с англами в Британию, постепенно смешалась с данами, дав основание датскому народу и датскому языку. Не исключена возможность, что при образовании датской народности известную роль сыграли герулы, которых некоторые исследователи рассматривают как своего рода субстрат в этническом и языковом формировании датской народности¹¹⁷. Именно к этому периоду относится стабилизация ингвеонского ареала. Формирование ингвеонской диалектной группы явилось вторым крупным членением германской языковой общности. С этой поры совокупность диалектных особенностей, охватываемая термином «западногерманский ареал», противопоставленный другой совокупности диалектных особенностей, именуемой «восточногерманский ареал», уступает место новым диалектным группировкам: скандинавскому ареалу — с одной стороны, группе немецких диалектов (в широком смысле этого слова) — с другой стороны.

¹¹⁵ S. Gutenbrunner. *Germanische Frühzeit in den Berichten der Antike*. Halle, 1939, стр. 97–110; R. Much. *Die Germania des Tacitus*. Heidelberg, 1959, стр. 320–361.

¹¹⁶ H. Jankuhn. *Die Besiedlungsgeschichte Sudostschleswigs im ersten nachchristlichen Jahrtausend*. В кн.: S. Gutenbrunner, H. Jankuhn, W. Laur. *Völker und Stämme Südostschleswigs im frühen Mittelalter*, стр. 23–27.

¹¹⁷ E. Wessén. Указ. соч., стр. 5–16, 39–41; N. Lukman Skjoldunge und Skilfinge, стр. 125–145; Barði Guðfmdsson. Указ. соч., стр. 207–209, 227–228; E. Elgqvist. *Vad svioniska ortnamn vittnar om grundandet av det danska väldet*. «Arkiv», Bd 74, 1959, H. ¾, стр. 161–172.

Многое в комплексе вопросов, связанных с ингвеонской диалектной группировкой, и в настоящее время остается неясным. Это касается прежде всего самого состава ингвеонской группы в этническом и языковом отношении. Если в настоящее время теория Ф. Вреде¹¹⁸, согласно которой ингвеонский языковой ареал некогда охватывал все западногерманские языки, не получила поддержки у современных исследователей¹¹⁹, то всё же открытым остается вопрос о том, в какой мере фризский язык исконно относился к ингвеонской группе. Решение данного вопроса зависит от определения места очага ингвеонских новообразований: находился ли он в области фризов или в Англии и насколько древними являются эти инновации. Р. Мух¹²⁰ и Х. Кун¹²¹ выражают сомнение в исконной принадлежности фризов к ингвеонской группе преимущественно на том основании, что большинство ингвеонских инноваций — повышение $a > a_e$ и $\bar{a} > \bar{a}_e$ (\bar{e}), развитие $\bar{a} > \bar{o}$ перед носовым согласным, выпадение n перед b , s и отчасти f , ассимиляция согласных перед гласными переднего ряда — относится ко времени не ранее IV–V вв., а некоторые явления, например ассимиляция согласных, относятся лишь к IX–X вв. Х. Кун¹²², основываясь на интенсивности распространения ассимиляции согласных, приходит к выводу, что центром ингвеонского излучения была Англия, именно её юго-восточная часть. П. Йёргенсен¹²³ был, несомненно, прав, указывая на то, что ингвеонская проблема — это прежде всего проблема древнезападногерманской диалектологии и диалектографии и что различные ингвеонские инновации имели различную степень иррадиации: некоторые из них охватывали значительную территорию, иные впоследствии оттеснялись, что особенно явно видно на примере ассимиляции в древнесаксонском; ср. в топонимах, в хартиях Оттона Великого, относящихся к 936 г.: *Salbete* вместо **Salbeke*, *Querubetzi* вместо **Querubeki*¹²⁴. Ассимиляция имела небольшое распростра-

¹¹⁸ F. Wrede. *Ingwäonisch und Westgermanisch*. «Zeitschrift für deutsche Mundarten», Bd 19, 1924, стр. 270–283.

¹¹⁹ H.F. Rosenfeld. *Ingwäon. he, hi und das germanische Demonstrativpronomen*. «Zeitschrift für Mundartforschung», Bd 23, 1955, H. 2, стр. 75–76.

¹²⁰ R. Much. Указ. соч., стр. 24–25.

¹²¹ H. Kuhn. *Das Problem der Ingwäonen*. «Philologia Frisica» (Frysk Filologekongres). Grins, 1957, стр. 19–20; Он же. *Friesisch und Nordsee-germanisch*. «Us Wurk», Jg. 4, 1955, №3/4, стр. 39.

¹²² H. Kuhn. *Zur Gliederung der germanischen Sprachen*. — *ZfdA*, Bd 86, 1955, H. 1, стр. 23–24. Подробную историю вопроса до 40-х годов XX в. см. в работе: H.T.J. Miedema. *Paedwizers fan de Fryske filology*. Ljouwert/Leeuwarden, 1961.

¹²³ P. Jørgensen. *Das Problem der Ingwäonen*. «Philologia Frisica» (Frysk Filologekongres), Grins, 1957, стр. 13.

¹²⁴ H. Kuhn. *Zur Gliederung der germanischen Sprachen*, стр. 43; H. Wesche. *Zetazismus in niedersächsischen Flurnamen*. В сб.: «Indogermanica. Festschrift für W. Krause». Heidelberg, 1960, стр. 230–248.

нение в древнесаксонском, а затем, она была вытеснена исконными формами без ассимиляции. Э. Рут¹²⁵ также настаивает на позднем, ступенчатом характере ассимиляции.

Не менее спорным является вопрос об исконной принадлежности древнесаксонского к ингвеонской группе. Исследователи конца XIX и начала XX в. исходили из того, что ингвеонские особенности ряда германских племен, обитавших у Северного моря, сложились до переселения англов и ютов в Англию, т.е. в первые века н.э., а возможно, даже раньше¹²⁶. С этой точки зрения не подлежало сомнению, что саксы входили в ингвеопскую группу точно так же, как и фризы. Но, как показали исследования последних двух десятилетий, в настоящее время вряд ли можно сомневаться в том, что большинство ингвеонских инноваций относится к IV–VII вв., т.е. ко времени после переселения англов, ютов и части саксов в Англию. Анализ распространения ассимиляции ясно показал, что её наибольшее распространение наблюдалось в древнеанглийском языке (на юго-востоке Англии), значительно слабее она была представлена на севере Англии, причем в отношении древнеанглийского приходится говорить не об ассимиляции в собственном смысле слова, а о палатализации заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда. Лишь в конце древнеанглийского периода, т.е. примерно к X в., наблюдается полная ассимиляция¹²⁷. В древнефризском языке ассимиляция была также широко представлена, причем, в отличие от древнеанглийского языка, она характеризовалась дальнейшим развитием шипящего в свистящий; ср. др.-фризск. *tzettel* ‘котел’, *tzierka* (варианты: *tserka*, *ziurke*) ‘церковь’; в древнесаксонском языке представлены лишь отдельные случаи ассимиляции. Исходя из этих данных Х. Кун¹²⁸ полагает, что ингвеонская иррадиация, начавшаяся в V в. и исходившая из Англии и Фрисландии, постепенно охватила и саксонский диалект, однако полностью ингвеонским древнесаксонский никогда не был и не стал. Этим объясняется то, что ингвеонские особенности не смогли укрепиться в саксонском и под напором франкского влияния постепенно исчезли. К сходным выводам по поводу ингвеонского влияния на древнесаксонский приходят В. Фёрсте¹²⁹ и Г. Кордес¹³⁰. Неко-

¹²⁵ E. Rooth. Nordseegermanische Beiträge. «Filologiskt Arkiv», Bd 5. Stockholm, 1957, стр. 1–18.

¹²⁶ Th. Siebs. Geschichte der friesischen Sprache. Straßburg, 1901 (Grundriß der germanischen Philologie, Bd I).

¹²⁷ A. Campbell. Old English grammar. Oxford, 1959, стр. 173–179.

¹²⁸ H. Kuhn. Zur Gliederung der germanischen Sprachen, стр. 36–37.

¹²⁹ W. Foerste. Die Herausbildung des Niederdeutschen. «Festschrift für L. Wolff». Neumünster, 1962, стр. 9–27.

¹³⁰ G. Cordes. Zur Frage der altsächsischen Mundarten. «Zeitschrift für Mundartforschung», Jg. 24. 1956, H. 2, стр. 77–78; Он же. Zur altsächsischen Mundartfrage und zur Lautverschiebungsgrenze. — Там же. Jg. 27, 1959, H. 1, стр. 3/4.

торые исследователи объясняют незначительную ингвеонизацию древнесаксонского тем обстоятельством, что между фризским и саксонским не наблюдалось значительного языкового контактирования¹³¹. Фризский историк и археолог П. Булес в своем исследовании «Фрисландия до XI века» обращает особое внимание на это обстоятельство¹³². В настоящее время не приходится сомневаться в том, что ингвеонский языковой ареал, оформившийся в IV–V вв. н.э., лишь по имени связан с ингвеонским союзом племен, описанным, наряду с иствеонским и эрминонским племенным союзом, Тацитом и Плинием. Данные культовые объединения племен были совершенно отличны от позднейших диалектных группировок германского ареала. Известно, что в состав ингвеонского плененного союза входили различные континентально-германские и скандинавские племена. Р. Мух¹³³ обращает внимание на шведских конунгов из рода Юнглингов, а также на свидетельство древнеанглийской рунической песни: *Ing wæs ærest mid Éastdenum /zesewen seczum* (v. 67) 'Герои впервые узрели Инга у восточных данов'. В отношении иствеонов (или, иначе, истрионов) Х. Розенфельд¹³⁴ приводит ряд обоснованных соображений в защиту взгляда, согласно которому союз иствеонских (истрионских) племен первоначально включал в себя многие негерманские элементы и лишь в историческое время данный племенной союз был постепенно ассимилирован германцами. Не удивительно, что при отсутствии у германцев единой политической и государственной организации подобные культовые союзы племен были недолговечны и под напором миграционных движений первых веков нашей эры распадались, уступив место новым группировкам племен уже на иной основе.

Э. Шварц¹³⁵ справедливо указывал на то, что ингвеонская диалектная группа («германцы района Северного моря») занимала промежуточное положение между севером и югом. Однако не приходится согласиться с Э. Шварцем в том, что первоначально ингвеонская диалектная группировка была ближе к северогерманскому (или скандинавскому) ареалу. Подвергая критическому рассмотрению тот материал, который, по Э. Шварцу, должен был подтвердить вышеуказанное положение, Х.Ф. Розенфельд¹³⁶

¹³¹ Э. Рут, однако, принимал значительно более мощное воздействие ингвеонского ареала на древнесаксонский (E. Rooth. *Saxonica*. «Beiträge zur niedersächsischen Sprachgeschichte». Lund, 1949, стр. 23–49). Критику положений Э. Рута см. в работе: F. Maurer. *Nordgermanen und Alemannen*. Bern–München, 1952, стр. 48–49.

¹³² P.C.J.A. Boeles. *Friesland tot de elfde eeuw*. 's-Gravenhage, 1951, стр. 216–218.

¹³³ R. Much. Указ. соч., стр. 24–27.

¹³⁴ H. Rosenfeld. *Name und Kult der Istrionen (Istwäonen), zugleich Beitrag zu Wodankult und Germanenfrage*. — *ZfdA*, Bd 90, 1960, H. 3.

¹³⁵ E. Schwarz. *Goten, Nordgermanen, Angolsachsen*, стр. 200.

¹³⁶ H.-F. Rosenfeld. *Zur sprachlichen Gliederung des Germanischen*.

приходит к обоснованному выводу о том, что ингвеонская диалектная группировка никогда не принадлежала к скандинавскому ареалу, а относилась (во всяком случае древнеанглийский и древнесаксонский с несомненностью об этом свидетельствуют) к западному ареалу. В связи с этим нельзя согласиться с Шварцем и в том, что «ингвеонский следует рассматривать как самостоятельный германский язык»¹³⁷. На основании интерпретации, данной комплексу изоглосс, который обозначается как ингвеонская диалектная группировка, на основании того, что в данную группировку входили различные племена, а также на основании того, что степень охвата ингвеонскими изоглоссами перечисленных племен (англов, фризов, готов, отчасти саксов) была различной и в пространственном и в хронологическом отношении, ингвеонскую диалектную группировку более целесообразно рассматривать в том же плане, что и западногерманскую языковую общность: в плане известного языкового единства, возникающего в результате языкового общения на определенной, территории различных племен или племенных группировок. В этом смысле западногерманское языковое единство является по отношению к ингвеонской диалектной группировке и к континентально-германским диалектам таким же вторичным образованием, каким в свою очередь ингвеонский ареал был по отношению к культовому союзу ингвеонских племен¹³⁸. Ингвеонский язык как самостоятельное образование никогда не существовал.

Наброшенная выше картина первого и второго членения германской языковой общности может быть дополнена соображениями, содержащимися в работе В. Арнта¹³⁹, в которой проблема членения германской языковой общности рассматривается на основе анализа лексики германских языков с помощью метода глоттохронологии. Выводы, к которым приходит Арнт, сводятся к следующему. Миграции восточногерманских племен в начале н.э. положили конец лексическому единству общегерманского языка. Северо-западный ареал германской языковой общности примерно около III–IV вв. н.э. подвергся дальнейшей дифференциации после того, как был прерван лексический контакт между формирующимся северогерманским ареалом и германским ареалом района Эльбы, постепенно захватывавшим юг, а затем между северогерманским ареалом и германским ареалом района Северного моря (т. е. ингвеонским); последний постепенно дал южное (цен-

«Zeitschrift für Phonetik und aligeiaeine Sprachwissenschaft», 8 Jg., 1956, H. 5/6.

¹³⁷ E. Schwarz. Goten, Nordgermanen, Angelsachsen, стр. 269.

¹³⁸ Ср. сходные положения в работе: С. Karstien. Historische deutsche Grammatik. Heidelberg, 1939, стр. 19; см. также: А. Campbell. West Germanic problems in the light of modern dialects. «Transactions of the Philological Society», 1947.

¹³⁹ W. Arndt. Указ. соч., vol. 35, 1959, №2.

тральногерманский) и западное (германский района Везера–Рейна) ответвления. С этого времени северогерманский ареал получил независимое развитие и лишь фризский язык находился в продолжительном контакте с северогерманским¹⁴⁰. Для западногерманского ареала в последующие два столетия было характерно общее развитие фонологической и лексической систем, а также ряд общих инноваций. В работе В. Арнта заслуживает внимания включение материала лексики в анализ проблем, связанных с членением германской языковой общности, и применение новых лексикостатистических приемов исследования, уже давших ценные результаты в применении к другим языковым семьям.

Всё вышеизложенное позволяет определить языковые особенности старших рунических надписей как отображение языкового состояния между первым и вторым членением германской языковой общности, точнее, как отображение языкового состояния западного ареала германской языковой общности. Причина того, что именно данный ареал явился основой формирования языковых особенностей старших рунических надписей, кроется, по всей вероятности, в том, что распространение рунического письма западным путем (см. об этом выше) имело более значительные последствия, чем распространение рунического письма восточным путем. В настоящее время исследователь не располагает данными, позволяющими установить культурно-исторические, этнологические, социальные и другие факторы, предопределившие выбор именно западного пути. Несомненно лишь одно: старшие рунические надписи, за исключением весьма немногочисленных «готских» надписей, не отображают языковых особенностей восточного ареала. Таким образом, в языковом состоянии старших рунических надписей следует усматривать своеобразное литературное койне, первый в истории германских языков литературный вариант. Особенности рунического койне требуют более детального рассмотрения.

§ 12. Вплоть до VI–VII вв. руническое койне в языковом отношении отличалось исключительным единообразием. Для языка старших рунических надписей, уже по самому своему назначению

¹⁴⁰ О фризско-скандинавских связях см.: E. Wadstein. *Friesische Lehnwörter im Nordischen*. «Skrifter utg. av Kungliga Humanistiska Vetenskaps Samfundet i Uppsala», 21, 3. Uppsala, 1922; Он же. *Zu den alten Beziehungen zwischen Friesland und Skandinavien*. «It Beaken. Meidielingen fen de Fryske Akademy», 2, 1939; L. Hammerich. *Über das Friesische*. «Acta Jutlandica», IX, 1, 1937 («Mélanges H. Pedersen»); C. Borchling. *Die Friesen und der skandinavische Norden*. «De iepening fen de Fryske Akademy». Assen, 1938; F. Askeberg. *Norden och kontinenten i gammal tid*. Uppsala, 1944; E. Öhmann. *Der friesische Plural auf -ar, -er*. В кн.: «Festschrift für L. Wolff». Neumünster, 1962, стр. 29–32; T. Feitsma. *Sproglige berøringen mellem Frisland og Skandinavien*. «Sprog og Kultur», Bd 23, 1963, H. 3/4; H. Kuhn. *Der Name der Friesen*. «It Beaken», Jg. XXV, 1963, № 4.

имевшего известный наддиалектный отпечаток, в высокой степени был показателен не столько архаический, сколько скорее архаизирующий, подчеркнуто традиционный характер. Конститутивными признаками языка старших рунических надписей являются:

1) значительная стиливая замкнутость надписей и обязательное присутствие в них трафаретных формул и типичных фразеологизмов: ekerilaRrunoRwaritu (I, 41) ‘я, эриль, выписываю руны’, ... dagastiRrunofaihido (I, 20)... ‘(по имени такой-то) руны нарисовал’; ... warAit runAR þAiAR (I, 40)... ‘(по имени такой-то) выписал эти руны’; ekerilaRsawilagaRhateka (I, 51) ‘я, эриль [возможно, по имени такой-то] называюсь’; ekwagigaRirilaR agilamudon (I, 74) ‘я (по имени такой-то) эриль Агиламунды’; ekerilaRasugisalasumuhahaite (I, 48) ‘я, эриль Ансугислы [возможно, есмь], называюсь по имени...’; ēkirilaRwiwilan (I, 104) ‘я, эриль Вивилы’; ekhagustaldARþewaRgodagas (I, 101) ‘я, по имени такой-то, [служилый человек, дружинник?] такого-то’; bosowraetrana (I, 27) ‘по имени такой-то выписал руны’; ... ekhagustadaRhl̥aaiwidomaguminino (I, 44)... ‘я, по имени такой-то, похоронил моего сына’; hagiradaR [i?] tawide (I, 84) ‘(по имени такой-то) сделал’;

2) наличие особой сакральной лексики: alu, auja, erilaR, laþu, laukaR, raginaku(n)do, ungangiR, ginugahelija ?, gudija, hAidRruno ?, lina, uþArAbAsbA (о данных словах см. ч. II, разд. IV, s.v.);

3) особые приемы германской поэтической техники: дистрибуция кратких и долгих слогов в слове, наличие германской аллитерации в некоторых надписях: ek hlewagastiRholtijaRhornatawido (I, 29) ‘Я, Хлевагастиз из рода Холтиев, рог сотворил’; hadulaikaR ekhagustadaR hlaaiwido magu minino (I, 44) ‘Хадулайказ. Я, Хагуста(ль)даз, похоронил моего сына’ (см. об этом гл. V, § 2.1);

4) определённые приёмы рунической палеографии: выпуск руны *n* перед гоморганным смычным согласным, вставные гласные, выписывание одной руны на стыке двух гоморганных фонем, употребление связанных (или вписанных) рун (см. об этом гл. III).

Все это вместе взятое обусловило неповторимо унифицированный, единообразный наддиалектный характер рунического койне. Это не исключало, однако, возможности вкрапления отдельных локальных особенностей; так, в сочетании $n + g$ в ряде надписей руна \diamond обозначала η : uþwinaR (I, 3), birnggu (I, 65), mairlþu, возможно, mārilingu (I, 93), но в надписи из Рейстада руна *n* была выписана перед (g): iuþingaR (I, 71); обозначение рунического мастера представлено двумя вариантами: erilaR и irilaR (см. ч. II, разд. IV, s.v.); в надписи на брактеате из Дарума (II, 9) форма niujila соответствует форме niuwila в надписи на брактеате

из Сконагер Несбьерга (II, 25); форме *ana* в надписи из Мейербу (I, 54) соответствует форма *an* в надписи на брактее из Чюрко (II, 28); форме *harija* в надписи из Скоэнга (I, 79) соответствует форма *harja* в надписи из Вимосе (I, 109). Необходимо, однако, оговорить, что в ряде случаев речь может идти не только о локальных особенностях, но и об определенных приемах палеографической техники различных мастеров рунического письма, а также об известной хронологической последовательности вышеприведенных фонеморфологических или графических вариантов. Так, не подлежит сомнению, что форма *irilaR* (I, 44, 74, 104) является по огласовке первого слога более поздней, чем форма *erilaR* (I, 11, 41, 48, 51; II, 3). Тем не менее в общем единичные случаи варьирования (с какой бы точки зрения мы их ни рассматривали: локальной, хронологической или палеографической) не могли нарушить единообразного облика рунического койне. Лишь начиная с VII–VIII вв., под напором новых диалектных членений, стабилизации, дальнейшего развития и преобразования скандинавского, ингвеонского и «немецкого» ареалов, постепенно изменился и языковой характер старших рунических надписей. Рунические надписи более поздней, так называемой переходной эпохи, выполненные старшим руническим алфавитом (24-значным футарком) и найденные на территории Скандинавии, не оставляют уже никакого сомнения в их принадлежности к скандинавскому ареалу. Так, в надписях группы Бьеркеторп–Стентофта из Листеры (Швеция, приблизительно VI–VII вв.) обнаруживаются специфические скандинавские особенности: ср. форму *bAriutiþ* ‘разрушит’ на камне из Стентофты и форму *bArutR* с тем же значением на камне из Бьеркеторпа; ср. также такие формы, как *hAruwolAfR*, *hAriwolAfR*, обнаруживающие явления синкопы, на камне из Стентофты (I, 86). Если во II и в III в. н.э. языковые особенности старших рунических надписей, отражавшие языковой статус западного ареала германской языковой общности, не могли резко противопоставляться языковым особенностям восточного ареала, ибо диалектные различия в германском языковом мире не носили в то время глобального характера, то в последующие столетия картина значительно изменилась.

Различия между языковым статусом старших рунических надписей и языковыми особенностями различных языковых ареалов всё возрастали, традиционный, все более архаизирующий характер языкового облика рунических надписей становился все более явственным. Вряд ли можно сомневаться в том, что мастера рунического письма в VI в., высекая в Швеции: *ekerilaRunoRwaritu* (I, 41), в Норвегии: *ekirilaRwiwilan* (I, 104), *ekirilaRhroRaRhroReR* (I, 14), лишь по традиции воссоздавали привычные формулы и языковые формы, давно уже вышедшие из живого употребления. Традиции рунического письма передавались от мастера к мастеру, от одной школы к другой, и надди-

алектный характер рунического койне как раз облегчал задачу передачи и усвоения рунического письма среди различных германских племен на огромной территории от Западной Норвегии до Балканского полуострова. Исходя из своей теории о том, что руническое письмо распространялось среди различных германских племен преимущественно герулами (см. об этом § 9), С. Бугге¹⁴¹ справедливо подчёркивал: «Так как норвежские рунические надписи, относящиеся ко времени до эпохи викингов, чаще всего вырезывались людьми, которые не жили постоянно на том месте, где найдены надписи, и так как иные из этих надписей были вырезаны людьми из племени герулов, то данные надписи не могут свидетельствовать о той языковой форме, которая была в употреблении в том месте, где были найдены надписи». В свете вышеизложенного не представляется возможным согласиться с Э. Хардингом¹⁴², который указывал на то, что «так называемые архаизмы или традиционные написания не существуют в наших праскандинавских надписях, ибо повсюду писали так, как говорили». Если бы это положение было верным, отвечающим действительному положению вещей, то старшие рунические надписи III–VI вв., разбросанные в Норвегии, Дании, Швеции и на континенте, должны были бы отразить многочисленные языковые сдвиги в различных ареалах, не говоря уже о том, что они не могли бы иметь столь характерного для них единообразного стиля. Язык старших рунических надписей был, как уже указывалось выше, первым германским литературным вариантом и как всякий литературный язык он имел наддиалектный характер. Х. Хайнрихс¹⁴³ с основанием указывает в своей интересной работе на то, что уже в общегерманскую эпоху наблюдалась социальная стратиграфия языка. Он подчёркивает, что в общегерманскую эпоху наблюдались явления, которые или никогда не проникали в «высший слой» (*sprachliche Hochschicht*) языка, или проникали в него лишь в редких случаях. «То, что мы называем „общегерманским“, является во всём существенном литературным языком (*Hochsprache*), так сказать общегерманским литературным языком. И этот „общегерманский литературный язык“ был языком поэзии, культа, права, рунических надписей и общения». Независимо от Х. Хайнрихса к сходным положениям в отношении социальной стратиграфии общегерманского языка приходит Х. Кун¹⁴⁴, который указы-

¹⁴¹ S. Bugge. Norges Indskrifter med de ældre Runer. Indledning, стр. 214.

¹⁴² E. Harding. Språkvetenskapliga problem i ny belysning, H. 2. Lund, 1938, стр. 5.

¹⁴³ H. Heinrichs. Überlegungen zur Frage der sprachlichen Grundsicht im Mittelalter. «Zeitschrift für Mundartforschung», Bd 28, 1961, H. 2, стр. 149; ср. также: Он же. Sprachschichten im Mittelalter. «Nachrichten der Giessener Hochschulgesellschaft», Bd 31, 1962, стр. 107.

¹⁴⁴ H. Kuhn. Angelsächsisch *cōp* ‘Kappe’ und Seinesgleichen. В кн.: «Festgabe für L. Hammerich». Kopenhagen, 1962, стр. 124.

вает на то, что определённые согласные фонемы и сочетания согласных фонем, особенно долгие согласные фонемы, были в общегерманском принадлежностью «низших» языковых слоев (*sprachliche Unterschicht*) и что задачей является описание «вульгарно-германского» языка наподобие вульгарной латыни. Исходя из совершенно иных предпосылок, причисляя «герульский язык» к скандинавскому ареалу и указывая на то, что даже в том случае, если в районе Тондерна (Северный Шлезвиг) около 400 г. н.э. уже не обитали герулы, В. Краузе¹⁴⁵ также подчеркивает, что на всей территории от Сконе (руническая надпись на пряжке из Гордлёсы) до Южной Ютландии (руническая надпись на золотом роге из Галлехуса) господствовал, возможно, герульский язык, который был своего рода *lingua Franca* рунических надписей.

Таким образом, язык старших рунических надписей, или руническое койне, можно рассматривать как промежуточное звено между общегерманским языком, познаваемым лишь на основе реконструкции, и древнейшими литературными языками различных германских народностей. В этом же неповторимое своеобразие и познавательная ценность языка старших рунических надписей.

¹⁴⁵ W. Krause. *Runica III*. — *NGAW*, Jg. 1961, №9, стр. 262.

Глава III

СООТНОШЕНИЕ ФОНЕМ И ГРАФЕМ В РУНИЧЕСКОМ

Основополагающими для решения вопроса о принципах построения относительной хронологии древнейших рунических надписей является двусторонний, взаимно дополняющий и взаимно контролирующий друг друга анализ языковых и палеографических конститутивных признаков самих рунических надписей. Тем самым первоочередной задачей является создание основ рунической палеографии. В рунологической литературе содержится огромный материал и множество наблюдений общего и частного характера относительно палеографических особенностей отдельных рунических надписей, однако в рунологии до сих пор отсутствует обобщающая работа, где было бы дано изложение всех палеографических данных древнейших рунических надписей в тесной увязке с определением их языкового статуса, с выяснением различных приемов рунического письма в различных ареалах германского языкового мира, их меняющейся функциональной значимости в различные периоды развития германских языков, степени их консервативности и выявления зависимости их модификаций от происходивших в языке мощных преобразований. До сих пор остаются мало изученными проблемы, связанные с выяснением степени воздействия античных палеографических норм (греческая и латинская, а также этрусская эпиграфика, греческий и латинский курсив) на некоторые приемы рунической графики, что имеет большое значение не только для вопроса о происхождении рунического письма, но и для выяснения возможности наличия различных школ рунического письма в Скандинавии и на континенте, прежде всего для решения вопроса о соотношении фонем и графем в руническом койне. В порядке предварительной постановки вопроса о возможных очертаниях рунической палеографии можно указать на следующий круг проблем, которые, естественно, не исчерпывают всего многообразия данной дисциплины.

1. ВОПРОС О КОЛОМЕТРИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ

Для греческой эпиграфической литературы характерно наличие двух принципов: колометрического и стихометрического¹, т.е. выделение не отдельных слов, а отрезков предложения и целых предложений при помощи пунктированных знаков или пустого пространства между колонами. Стихометрическим колон является в том случае, если он выделен в отдельную строку. Известно, что в готских рукописях, хотя и не равномерно, выдержан колометрический принцип, но в Codex Carolinus проводится стихометрический принцип². На определенную связь готской и рунической графики уже давно обращено внимание³, и в этой связи несомненный интерес представляет постановка вопроса о том, в какой мере в рунических надписях проводился колометрический принцип. Вначале может показаться, что мастера рунического письма, стараясь наиболее экономно использовать поверхность камня, кости, металла или дерева, выписывали всю надпись, которая замыкалась естественными границами предмета. Однако в ряду случаев наблюдалось выделение отдельных слов пунктированными знаками (например, в надписи на золотом роге из Галлехуса), или колонов, особенно на брактеатах: ср., например, в надписи на Зееландском брактеате: hariuhahaitika. farauisa. gibuaaja; на брактеате из Сконе № 19: laʀulauKaR. gaKaRalu; ср. с этим сплошное написание на брактеате из Весбю: uiigaReerilaR fahiduuilald; ср. также сплошное написание на камне из Нурдгуглена: ekgudijaungandiRi xx, но колометрический принцип написания на камне из Танюма: ʀrawijan. haitinaRwas. Обращает на себя внимание одновременно сплошное (верхняя строка) и колометрическое написание на камне из Нулебю: I ru-pofahiraginakudotojeka; II unafou : suhurah : susihehwatin : III hakudo. Совершенно отчетливо стихометрический принцип проходит в надписи на камне из Къелевига: I hadulaikaR II ekhagustadaR III hlaaiwidomaguminmo; на то, что здесь проходил именно стихометрический принцип, указывает большое свободное пространство камня, который вполне позволил бы уместить три строчки в две. Уже этот далеко не полный материал убеждает в том, что в рунических надписях, несомненно, наблюдалось наличие колометрического принципа, проводимого, однако, неравномерно,

¹ См. об этом в работах: W. Larfeld. Griechische Epigraphik. München, 1913; W. Schubart. Griechische Paläographie. München, 1925; P. Lehmann. Lateinische Paläographie. München, 1927; H. Foerster. Abriß der lateinischen Paläographie. Bern, 1949.

² W. Braune, E. Ebbinghaus. Gotische Grammatik. Tübingen, 1961, стр. 11; O. von Friesen och A. Grape. Om Codex Argenteus, dess tid, hem och öden. Uppsala, 1928, стр. 99.

³ J. Blomfield. Runes and the Gothic alphabet. «Saga-Book of the Viking Society», vol. XII, pt. III–IV, 1942, особенно стр. 209–231.

и это позволяет поставить вопрос (так же как и в отношении других особенностей рунической графики, о чём см. ниже) о том, являлся ли данный принцип конститутивной чертой рунической графики, или он был характерен лишь для некоторых ареалов (или даже лишь для некоторых мастеров рунического письма) и постепенно распространялся из определенного очага, захватывая новые ареалы, но не будучи в состоянии утвердиться повсюду. Следовательно, данный вопрос может стать частью более широкой проблемы о наличии нескольких центров рунической письменности в Скандинавии и на континенте и о возможном (в свете современных данных пока ещё совершенно гипотетическом) воздействии одной рунической «школы» на другую «школу» или о возможном излучении из определенного центра «рунической культуры». Любопытной и инструктивной параллелью к колометрическому принципу, наблюдаемому в некоторых рунических надписях, является использование различных цветов или различной окраски в рунических надписях эпохи викингов. С. Янссон⁴, обращая внимание на это обстоятельство и на находку фрагментов рунической надписи в церкви в Чёпинге (на острове Эланд в 1953–1954 гг.), указывает: «Как показывает руническая находка из Чёпинга, цвета использовались попеременно, так что, например, нечётные слова выписывались красной краской, а четные слова — черной краской. Этот приём обозначения словораздела должен был значительно облегчить дешифровку надписи. В одном случае я был в состоянии показать, что рунический мастер не механически чередовал цвета в каждом слове, но использовал различные цвета для различных членов предложения (подчеркнуто С. Янссоном. — Э. М.). Так, если подлежащее включало два слова (например, *ƿæiR brøðr* ‘те братья’), для обоих слов использовался тот же цвет, в то время как следующий за подлежащим предикат (*letu gæisa* ‘воздвигли’), тоже включающий два слова, имел иной цвет и т.д. Следовательно, раскраска надписи служила не только для украшения, но и для понимания надписи»⁵.

2. ПРОБЛЕМА ВСТАВНЫХ ГЛАСНЫХ В РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ

Явление сварабхакти, или вставных гласных, лишь спорадически встречается в древнейших рунических надписях, но можно заметить известное возрастание данного явления в рунических надписях переходного периода (особенно в группе Бьеркеторп–Стентофта) и особенно в рунических надписях эпохи викингов⁶. Вставные гласные встречаются как правило в сочетании соглас-

⁴ Sven B.F. Jansson. The runes of Sweden. London, 1962, стр. 153–155.

⁵ Там же, стр. 153–154.

⁶ DRI, стр. 1003–1005.

ного с сонантом *r* или *l* и, в единичных случаях, в других сочетаниях. Графически вставной гласный обозначается рунами: *a*, *q*, *e*, *u*. Ниже следуют примеры: *asugisalas* (Крагегуль), *harabanaR* (Ерсеберг), *waritu* (там же), *haraRaR* (Эйдсвог), *worahto* (Тюне), *witadahalaiban* (там же), *bAriutiþ*, *herAmAlAsAR*, *felAheka*, *HAriwolAFR* (Стентофта), *uþArAbAsbA*, *hAerAmAlAusR*, *ArAgeu*, *fAlAhAK* (Бьеркеторп), *AfatR* *hAriwulafa* *hApuwulafR* *hAeruwulafiR* (Истабю), *hederA* (Стентофта), *hAiderA* (Бьеркеторп), *huwAR* (Эггьюм). Остальные случаи палеографически неясны (*haga* — Крагегуль; ? *ogumalaibaR* — Мюклебюстад). Поскольку вставные гласные встречаются не только в рунической графике, но характерны и для других германских⁷ языков, а также являются нередким явлением в античной эпитафике⁸, то представляется необходимым выяснить вопрос о том, следует ли отнести явление вставных гласных к конститутивным признакам рунической графики или его следует рассматривать как одну из характерных черт графической типологии многих древних языков, лишь частично отложившейся в принципах рунической графики. Это обстоятельство чрезвычайно важно для выяснения того, в какой мере вставные гласные являются принадлежностью языка и в какой мере они являются принадлежностью определенной графической системы, а это вплотную подводит к постановке центрального для рунологии вопроса о том, в какой степени язык древнейших рунических надписей фиксирует реальные языковые отношения и языковое состояние, синхронное древнейшим руническим надписям. Во всяком случае обращает на себя внимание, что в различных рунических надписях в одних и тех же сочетаниях то наблюдались, то могли отсутствовать вставные гласные; ср. *warait* (Истабю), но *wraita* (Рейстад), *wraet* (Фрайлаубергсхайм); *fAlAhAk* (Бьеркеторп), но *walhakurne* (Чюрко); *harabanaR* (Ерсеберг), но *arbija* (Тюне). Это не может не свидетельствовать о наличии различных школ рунического письма, а также возможно, о двух противоположных тенденциях в рунической графике: консервативной тенденции и новаторской тенденции, упорно пробивавшей себе дорогу и в конце концов завершившейся преобразованием 24-значного футарка.

⁷ Для скандинавских языков см.: А. Noreen. *Altnordische Grammatik*, I. Halle, 1923, стр. 140–141; для древневерхнемецкого см.: Н. Reutererona. *Svarabhakti im Althochdeutschen bis ca. 1250*. Heidelberg, 1920; W. Braune, W. Mitzka. *Althochdeutsche Grammatik*. Tübingen, 1961, стр. 65–67.

⁸ W. Larfeld. Указ. соч.; E. Schwyzer. *Griechische Grammatik*, Bd. I. München, 1953, стр. 253; F. Sommar. *Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre*. Heidelberg, 1948, стр. 138–141.

3. ПЕРЕДАЧА СОЧЕТАНИЯ «НОСОВОЙ + ГОМОРГАННЫЙ СОГЛАСНЫЙ» В РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ

В данном сочетании в древнейших рунических надписях наблюдается в большинстве случаев обозначение лишь одного согласного, ср.: wadaradas (Сауде), Kunimudiu (Чюрко), agilamudon (Росселанн), witadahalaiban (Тюне), ladawarijaR (Тервикен А.), raginakudo (Нулебю), rAkinukutu (Спарлэса), asmut (Сельвесборг); остальные случаи палеографически неясны: hnabudas (Бё), sairawidaR (Рё), возможно, также wíduhudaR (Химлинггойе 2). Однако в ряда случаев носовой согласный получает графическое обозначение, ср.: ungandiR (Нурдгуглен), iufingaR (Рейстад), awimund (Веймар). Обращает на себя внимание двойной способ передачи данного сочетания в надписи из Эггьюма: gAlande, но suemade. Особо следует отметить отсутствие графического обозначения носового перед *h* и *s*, ср.: haha (Мейебру), asugasdiR (Мюклебюстад), asugisalas (Крагегуль). Не подлежит сомнению, что среди перечисленных примеров можно выделить два хронологических среза: графическое необозначение носового перед *h* и *s* передает более раннее состояние, необозначение носового перед гоморганными согласными (передне- и заднеязычными) передает более позднее состояние. Оставляя здесь в стороне вопрос о том, можно ли приписать руническому койне наличие ряда носовых гласных фонем (это требует особого рассмотрения), следует указать на то, что, так же как и в предшествующем случае (см. пункт 2), остается неясным, в какой мере в данной графической особенности следует усматривать конститутивный признак рунической графики и в какой степени следует принимать во внимание типологию графики ряда древних языков. Так, можно отметить сходные графические приемы в греческой эпиграфике⁹: в надписях из Памфилии и Кипроса носовой перед гоморганным согласным не обозначается; ср. греч. диал. $\upsilon\phi\eta$ вместо $\upsilon\mu\phi\eta$, $\tau\epsilon\delta\epsilon$ вместо $\pi\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon$, $\alpha\delta\rho\iota$ вместо $\acute{\alpha}\nu\delta\iota$ и пр. Х. Кронассер¹⁰ указывает на сходное явление в клинописной графике хетто-лувийских языков, где носовой перед соответствующим согласным часто не обозначается; ср. в лувийском: wandaniyanza и одновременно wadaniyanza ‘блестящий’; ср. в хеттских топонимических обозначениях: Zi-ip-la-ta, но одновременно Zip(pa)landa; ср. каппадокийский топоним Puruṣhatum, в хеттской передаче Puruṣhanda. Р. Кент¹¹ указывает на то, что «носовые согласные перед смьчными и спирантами не обозначались на письме в древнеперсидском языке..., но

⁹ W. Larfeld. Указ. соч.

¹⁰ H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache, Lief. I. Wiesbaden, 1962, стр. 90.

¹¹ R. Kent. Old Persian grammar. Texts. Lexicon, New Haven, 1953, стр. 39 (§ 111).

присутствие носовых доказывается транслитерациями в других языках или этимологическими соображениями: др.-перс. Ka^mpaⁿda ‘область в Мидии’, элам. qa-um-pan-taš; др.-перс. Ka^mbūjiya ‘Камбиз’, элам. kán-bu-ši-ia; др.-перс. Viⁿdafarna ‘Интаферн’, элам. mi-in-da-rañ-na; др.-перс. Hiⁿduš ‘Синд’, элам. hi-in-du-iš; др.-перс. aθaⁿga ‘камень’, авест. asəngā-, др.-перс. aⁿtar ‘внутри’, санскр. antár ‘внутри’, ‘в’, ‘между’.

Следовательно, и в данном случае возникает вопрос, не следует ли данную графическую особенность древнейших рунических надписей рассматривать с точки зрения тех традиционных приемов графики ряда древних языков, которые перешли к руническим мастерам и продолжали долгое время консервироваться в различных областях, чтобы затем уступить место иным графическим принципам, или же следует усматривать в чередующихся написаниях согласного с носовым и без носового наличие двух противоборствующих тенденций, одна из которых восходит к традиционной графической системе, завещанной руническим мастерам, а другая отражала особенности самого рунического койне. Данный вопрос теснейшим образом связан с одной из центральных проблем рунологии, с соотношением графем и фонем в языке рунических надписей.

4. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГРАФЕМ В ДРЕВНЕЙШИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ

Из всего комплекса проблем о соотношении графем и фонем в рунических надписях в данной работе представляется возможным остановиться лишь на вопросе о функциональной значимости графем.

В рунических надписях эпохи викингов, выполненных 16-значным футарком, многие руны полифункциональны: так, руна Π обозначает, или может обозначать, *u, o, y, ø, w*, руна Γ обозначает *i, e, æ*, руна Υ обозначает *k, g, nk, η*, руна \uparrow обозначает *t, d, nt, nd* и т.д. В настоящее время является общепризнанным, что младший рунический алфавит явился продуктом весьма длительного развития¹² и что он, распространяясь из определенного центра, лишь постепенно, как бы ступенчато, вытеснял 24-значный футарк. В этом отношении весьма показательны рунические надписи переходного периода, в которых на старший рунический алфавит насаивается младший или в которых монофункциональные руны выступают как полифункциональные. Так, в рунической надписи из Эггьюма руна Υ обозначает *k*, но в слове *fokl* она обозначает *g*; в прочих случаях *g* обозначается при

¹² Н. Andersen. Det ungre Runealfabets Oprindelse. «Arkiv», Bd 62, 1947, стр. 203–227.

помощи руны Х. Если следовать чтению Лис Якобсен¹³, то в той же надписи и следует транслитерировать как *el*, а *tu misurki* как *do misyrki*; ср. также *laṭ-land*. В надписи на пряжке из Странда *siklislAhli* М. Улсен читает: *sigli's na (uḁa) hlé*, где *k-g* и *i-e*¹⁴. С другой стороны, руна *ᚷ* может обозначать *b* и *p*; ср. в надписи из Бьеркеторпа *spA-spa*, а в надписи из Эггьюма *warb-warp*, *KAlba-Køira*. Закономерным представляется вопрос о полифункциональности графем в древнейших рунических надписях, во всяком случае в надписях до переходного периода. Так, О. фон Фрисен¹⁵ оставлял открытым вопрос о том, что в формах *wurte* и *kurne* (брактеат из Чюрко) и следует читать как *o*; тот же исследователь предлагает читать *haukoḁuR* (Вонга), как *haugoḁuR*. Поскольку, как уже указывалось выше (см. § 5, 3), сочетание «носовой+гоморганный согласный» может в рунических надписях обозначаться графически при помощи лишь одного согласного, то полифункциональным оказывается написание *-ig*. В слове *laiṙigaR* (надпись из Мёгедала) оно может также передавать **laiṙingaR*, ср. *IuṙingaR* (Рейстад) с выписанными рунами *n* и *g*; ср. *Igiṙon* (Стенстад), которое может быть прочитано как **Ingijon*, а также написание *iḁ* в слове *skipaleubaR* (Шерчинд), которое может быть прочитано как *skinṙaleubaR*.

От решения данного вопроса зависит не только анализ графем и фонем в древнейших рунических надписях, но и в значительной степени им предопределяется установление относительной хронологии данных надписей. В настоящее время рунолог не располагает данными для окончательного решения поставленного вопроса, однако представляется необходимым указать на то, что это станет возможным не только после того, как будут открыты новые рунические надписи в 24-значном футарке, и особенно будут открыты надписи переходного периода, но задача будет облегчена, когда в распоряжении рунолога будет детальное описание рунической типологии, включающее не только графемы, но и все рунические аллографы, образцом чего может служить исследование О. фон Фрисена¹⁶ о руне *j*. К сожалению, вплоть до настоящего времени это — единственная работа, и предстоит произвести подобное же описание всех остальных рун. Кроме того, решение дан-

¹³ Lis Jacobsen. Eggjum-Stenen. Forsøg paa en filologisk Tolkning. København, 1931.

¹⁴ M. Olsen, H. Shetelig. Runekammen fra Setre. «Bergens Museums Årbok», 1932, 1932, стр. 72.

¹⁵ O. von Friesen. De germanska, anglofrisiska och tyska runorna. В сб.: «Runorna» («Nordisk Kultur», VI). Oslo-København-Stockholm, 1933, стр. 44.

¹⁶ O. von Friesen. Rö-stenen i Bohuslän och runorna i norden. «Uppsala Universitets Årsskrift», 1924, №4, стр. 117-140. В отношении хронологии важно указание К. Марстрандера в работе: E. Skjelsvik og E. Straume. Austrheimstemen i Nordfjord. «Universitetet i Bergen Årbok», 1957, №1, Hist.-Antikvar. rekke, 1957, стр. 19, прим. 34.

ного вопроса зависит также от того, насколько исследователь будет учитывать совокупность палеографических и языковых особенностей надписей, подвергая их взаимному контролю. Наглядным примером подобной методики исследования может служить работа Х. Андерсена¹⁷ о рунической надписи на медальоне из Свартеборга. Большинство рунологов выводит *ssigaduR* данной надписи из **SigihǫuR*¹⁸. Х. Андерсен полагает, что *ssigaduR* является бессмысленным набором рун, подтверждением чему служит фонеморфологический анализ надписи. Двойное написание рун противоречит всей рунической палеографии, согласно принципам которой гоморганные гласные и согласные на стыке морфем, а также двойные согласные выписываются один раз. С точки зрения относительной хронологии окончание *-uR* предполагает языковое состояние рунического койне, т.е. может относиться к эпохе не позже VII.; ср.: *WaruR* (Тумстад), но *sunR* (Спарлеса). Но в таком случае сочетание *igi* должно было сохраниться, ср. *sigimaRaR* (Эллестад). Кроме того, фонема *h* в руническом койне обозначала глухой спирант (с аллофоном в виде звонкого спиранта) и сохранялась в интервокальной позиции¹⁹, ср.: *swabaharjaR*. *fahido* (Рё), *hariuha* (Зееландский брактат), *faihido* (Эйнанг). Следовательно, могла произойти контракция *-igi-* в сочетании **SigihǫuR* > **Siga*, но в таком случае окончание *-uR* должно было измениться в *-R*. Таким образом, совместный палеографический и языковый анализ заставляют поставить под сомнение реальность рунического *ssigaduR*. В связи с интерпретацией надписи на медальоне из Свартеборга следует остановиться ещё на двух особенностях рунической палеографии: на комбинированных и символических рунах.

5. КОМБИНИРОВАННЫЕ РУНЫ

Наряду с выписыванием отдельных рун, в рунических надписях наблюдается составление рун в одно графическое целое, что иногда вызывалось небольшим размером поверхности, на которую наносились руны. Ср., например, в надписи из Братсберга²⁰; *ᚼᚱᚱᚱ* (*ekerilaR*). Собранный материал позволяет выделить наиболее типичные модели комбинированных рун, но остается открытым вопрос, в какой мере рунолог должен считаться в случае ошибоч-

¹⁷ H. Andersen. Svarteborg-medaljonens indskrift. «Arkiv», Bd 76, 1961, стр. 51–60.

¹⁸ См.: E. Harding. Språkvetenskapliga problem i ny belysning, H. I. Lund, 1937, стр. 21; S. Gutenbrunner. Historische Laut- und Formenlehre des Altisländischen. Heidelberg, 1951, стр. 32, прим.: E. Noreen. Några urnordiska inskrifter. «Arkiv», Bd 60, 1945, стр. 146.

¹⁹ S. Einarsson. The value of initial *h* in Primitive Norse Runic inscriptions. «Arkiv», Bd 50, 1934, стр. 134–147.

²⁰ M. Olsen. Runespennen fra Bratsberg i Gjerpen. «Viking», 1937.

ного написания с наличием комбинированных рун. Интерпретация, даваемая подобному явлению Э. Нореном²¹, не безупречна, и она не встретила поддержки у большинства исследователей. Ниже следуют отдельные примеры, приводимые Э. Нореном: haiwidaR (Амле), где руна ƒ (a) читается Э. Нореном как комбинированная руна — la, т. е. *hlaiwidaR; hateka (Линдхольм), где Э. Норен предлагает рассматривать ƒ (a) как комбинированную руну ai или ↑ (t) как комбинированную руну it; hagustadaR (Кьёлеви), где Э. Норен ƒ Ɔ (ad) рассматривает как комбинированную руна -ald, т. е. *hagustaldaR. Ненадежность подобной интерпретации с палеографической точки зрения усугубляется тем обстоятельством, что в рунической надписи из Бю комбинированная руна Ɔ (ek), с точки зрения рунической типологии вполне соответствующая комбинированной руне Ɔ (ek) в надписи из Братсберга (см. выше), не может быть прочитана как ek (irilaR hroRaR hroReR orte Ɔat aRina...), ибо глагол выступает не в 1-м, а в 3 л. (orte), а это по языковым соображениям²² не позволяет сочетать ek и orte. В свете вышеизложенного вполне оправдано следующее положение Х. Андерсена²³: «Остаётся неясным, в какой степени следует считаться с забывчивостью, небрежным или ошибочным написанием или наличием комбинированных рун; для выяснения данного вопроса необходим систематический анализ графики всех древнейших рунических надписей».

6. СИМВОЛИЧЕСКИЕ РУНЫ

Ещё более неясным является вопрос о том, в какой мере следует принимать для древнейших рунических надписей наличие символических рун, т. е. рун, которые выписываются графически, но имеют функциональную значимость своего собственного имени²⁴. Так, в 1916 г. О. фон Фрисен доказал²⁵, что в надписи на камне из Стентофты Х*ŷ (gaf j) руна j обозначала ее название: jāra (āra). В надписи на камне из Нурдуглена: ekgudijaungandiRih В. Краузе²⁶ предложил читать две последние руны как символические руны *iss и *hagala в соответствии с названиями данных

²¹ E. Noreen. Указ. соч., стр. 145–150; см. также: H. Arntz. Handbuch der Runenkunde. Halle, 1944, стр. 80–81.

²² Соображения В. Краузе не являются убедительными, см.: W. Krause. Runeninschriften im älteren Futhark. Halle, 1937, стр. 139–561; см. об этой форме в работе: E. Salberger. Die Runogramme der Goldbrakteaten von Väsby und Åskatorp. «Kungl.-Hum. Vetensk. i Lund Årsberättelse», III, 1955–1956, стр. 127–129.

²³ H. Andersen. Lindholmen amulettens indskrift endnu en gang.— N. och B., Årg. 44, 1956, Н. 1–4, стр. 190, прим. 21.

²⁴ См. прим. 33 к стр. 63.

²⁵ O. von Friesen. Lister- och Listerbystenarna i Blekinge. «Uppsala Universitets Årsskrift», 1916, Programm 2, стр. 48–49.

²⁶ W. Krause. Указ. соч., стр. 76/498.

рун. Однако Э. Салбергер²⁷ предложил иное, и при этом более убедительное, объяснение, согласно которому две последние руны данной надписи следует читать как *IM* (*im*), что с палеографической точки зрения не вызывает возражений. В таком случае надпись получает ещё более осмысленный характер и руническое койне обогащается формой *verbum substantivum*, весьма важной для морфологии германских языков.

Ещё более неопределённым является сочетание \times (*ga*), повторенное трижды, которое М. Улсен²⁸ рассматривает как символические руны, обозначающие **gibu auja* (ср. Зееландский брактат), а В. Краузе²⁹ — как символические руны, обозначающие **gabu* и **ansuR*. О. Нурдланд, однако, предлагает иную интерпретацию данного графического сочетания³⁰, которое, по его мнению, обозначает повелительную форму глагола «идти». Весьма проблематично также наличие символической руны \times (*ofala*) ‘достояние’, ‘неотчуждаемая собственность’, ‘имущество’ в надписи из Торсбьерга: *o WlþufewaR...* и в надписи на кольце из Пьетроассы: *gutaniowihailag*, принимаемое Х. Арнцем³¹ и В. Краузе³². Для выяснения данного вопроса сам материал рунических надписей явно недостаточен и представляется необходимым привлечь палеографические данные ряда древних языков с целью установления общей типологии символических графических обозначений.

Вопрос о символических рунах был критически рассмотрен Ф. Аскебергом³³. Указывая на то, что методика чтения отдельных рун как символических (например, чтение руны *o* как слова *ofala* ‘имущество’, ‘собственность’) открывает дорогу самым фантастическим построениям, Ф. Аскеберг отверг гипотезу Ф. Альтгейма и Э. Траутмана³⁴, согласно которой североиталийские наскальные изображения обнаруживали поразительные совпадения со скандинавскими наскальными изображениями³⁵.
Сходство

²⁷ E. Salberger. Runinskriften från Nordhuglen. «Arkiv», Bd 65, 1950, стр. 1–16.

²⁸ M. Olsen. Norges Indskrifter med de ældre Runer, Bd II. Christiania, 1904–1917, стр. 625.

²⁹ W. Krause. Указ. соч., стр. 61/483.

³⁰ O. Nordland. Det vonde haglet og runeteiknet *hagall*. «Maal og Minne», 1951, Н. 3–4, стр. 103–108.

³¹ H. Arntz, H. Zeiss. Die einheimischen Runendenkmaler des Festlandes. Leipzig, 1939, стр. 52–97.

³² W. Krause. Указ. соч., стр. 594.

³³ F. Askeberg. Norden och Kontinenten i gammal tid. Uppsala, 1944, стр. 40–42.

³⁴ F. Altheim, E. Trautmann. Vom Ursprung der Runen. Frankfurt a. Main, 1939; Они же. Kimbern und Runen. Berlin–Dahlem, 1942.

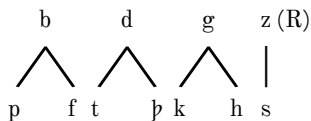
³⁵ О скандинавских наскальных изображениях см.: O. Almgren. Hällristningar och kultbruk. Stockholm, 1926–1927; о североиталийских наскальных изображениях см.: E. Norden. Alt-Germanien. Leipzig, 1934, стр. 241–249; F. Altheim. Geschichte der lateinischen Sprache. Frankfurt a. Main, 1951.

простирались на символические руны (o, j, y). На этом основании авторы заключали, что кимвры во время своего похода через Альпы в 102–101 гг. до н.э., обнаружив североиталийские наскальные изображения, поразились их сходству со скандинавскими наскальными изображениями и символическими рунами и здесь, в Валь Камоника, сочетая фонетические и символические знаки, создали рунический алфавит, или футарк. Ф. Аскеберг, опираясь на работу А. Нурдена³⁶, подчеркивал, что данная гипотеза основана на ошибочном толковании как самих наскальных изображений, так и символических рун, и приходил к следующему заключению: «Ошибочным является прием объяснения функции рун не только как буквенных знаков, но и как магических символов. В магических целях руны могли без труда приспособиться к очень старой традиции, в которой символические знаки выполняли довольно непонятную для нас функцию. При помощи рун было создано новое средство выражения, заменившее старые символические знаки, однако не наблюдалось, чтобы известные идеограммы наскальных изображений (солнечное колесо, след ноги, рука, крест и т. п.) могли повлиять на возникновение футарка, который всей своей структурой выдает свое происхождение от одного из южно-европейских алфавитов. Не только история алфавита является доказательством этого положения, но оно непосредственно следует из внутренней организации футарка, которая четко показывает, что было обнаружено стремление как можно точнее передать фонетическую систему определенного древнегерманского диалекта. Буквенная магия, рунические имена и порядок следования рун являются вторичными явлениями»³⁷.

7. ФОНЕМЫ И ГРАФЕМЫ

§ 1. Общегерманский футарк позволяет восстановить фонемный состав рунического койне. Фонологический строй складывался из трех подсистем:

- а) подсистема гласных: a, e, i, o, u ;
- б) подсистема сонантов: j, w, r, l, m, n ;
- в) подсистема согласных:

³⁶ A. Nordén. Die Frage nach dem Ursprung der Runen im Lichte der Val Camonica-Funde. «Berichte zur Runenforschung», Bd. I, 1939, H. 1, стр. 25–34.

³⁷ F. Askeberg. Указ. соч., стр. 41–42.

В 24-значном футарке была представлена графема \mathfrak{l} , обозначающая, по всей вероятности, \bar{e} , и графема \mathfrak{F} , обозначающая сочетание фонем iy . Данные графемы в старших рунических надписях имели маргинальный характер, очень ограниченное применение и, являясь с фонологической точки зрения избыточными³⁸, постепенно вышли из употребления. К этому следует добавить, что фонема p занимала не только в старших рунических надписях, но и в общегерманском особое место. Это было вызвано специфическим характером слов лексик, в основном аффективной, в которых употреблялась данная фонема³⁹. Функциональная нагрузка фонемы p в аффективной лексике была очень велика, что было вскрыто Х. Куном⁴⁰. Но аффективная лексика как правило остаётся за пределами литературной нормы, и не удивительно, что в руническом койне, которое было первым германским литературным вариантом, фонема p имела очень ограниченное применение⁴¹. Подобно графеме \mathfrak{l} \bar{e} , фонема p употреблялась преимущественно в рунических алфавитах, т.е. футарках. Её употребление в надписи на пряжке из Фонноса точно неопределимо, ибо остается неясным, в какой мере данная надпись допускает осмысленное толкование или представляет набор бессмысленных рун⁴². Подобно графемам \mathfrak{l} и \mathfrak{F} фонема p также постепенно вышла из употребления, и в рунических надписях переходного периода она уже не встречается. В надписи из Эггьюма (I, 17) общегерманский футарк состоит из 21 руны⁴³ (здесь отсутствуют: \mathfrak{l} , \mathfrak{F} , p). Таким образом, в общегерманском футарке можно выделить:

- а) центральную систему: $a, e, i, o, u, j, w, r, l, m, n, b, f, d, t, \beta, g, k, h, s, z, (R)$;
- б) маргинальную систему: $\mathfrak{l}, \mathfrak{F}, p$.

§2. В области подсистемы гласных фонем обращает на себя внимание: 1) наличие пятифонемного состава гласных (a, e, i, o, u); 2) отсутствие обозначения для количественных различий у гласных. Эти характеристики требуют особого рассмотрения.

1. Пятифонемный состав гласных, отраженный в руническом письме, характерен для скандинавского и западногерманского ареалов и контрастно противопоставлен иной конфигурации глас-

³⁸ М. Стеблин-Каменский приводит аргументы в защиту этой точки зрения в работе: М. Steblin-Kamenskij. Noen fonologiske bet-raktnlnger over de eldre runer. «Arkiv», Bd 77, 1962, № 3/4, 6.

³⁹ См. об этом в работе: Н. Kuhn. Anlautend p - im Germanischen. «Zeitschrift für Mundartforschung», Bd 28, 1961, H. 1.

⁴⁰ См.: Н. Kuhn. Vor- und frühgermanische Ortsnamen in Norddeutschland und in den Niederlanden. «Westfälische Forschungen», Bd 12, 1959, стр. 5–44; Он же. Angelsäcksisch $cōp$ ‘Kappe’ und seines gleichen. «Festgabe für L. Hammerich», 1962, стр. 113–124.

⁴¹ Н. Arntz. Указ. соч., стр. 90; DRI, стр. 966.

⁴² S. Bugge. Norges Indskrifter med de ældre Runer, Indledning. Christiania, 1905–1913, стр. 50.

⁴³ М. Olsen, H. Shetelig. Указ. соч., стр. 75.

ных фонем в восточногерманском ареале⁴⁴. Тем самым западный ареал с пятифонемным составом, отражённым в руническом койне, противопоставлен восточному ареалу (протоготский характеризовался трёхфонемным составом). Пятифонемный состав рунического койне, так же как и западного ареала, является дальнейшим развитием общегерманского языка, для которого можно постулировать наличие четырех гласных фонем (*a, e, i, o/u*)⁴⁶.

2. Наличие долгих гласных фонем в руническом койне не подлежит сомнению, что доказывается этимологическими соображениями. Ср. *ǣ*: готск. *gasts*, д.-в.-н. *gast*, др.-англ. *giest*, др.-исл. *gestr*, рун. *-gastiR* ‘гость’ (I, 7, 29, 90); *ā*: готск. *meriþa* ‘известие’, ‘слух’, др.-сакс. *mārian* ‘объявлять’, ‘извещать’, д.-в.-н. *māri* ‘знаменитый’, рун. *mariR* (I, 96), ‘славный’, ‘знаменитый’; готск. *und-redan* ‘предоставлять’, ‘доставать’, д.-в.-н. *rātan* ‘советовать’, др.-сакс. *rādan* ‘советовать’, рун. *frawaradaR* (I, 54); ср. далее *ō*: готск. *haur̥n* ‘рог’, д.-в.-н. *horn*, др.-англ. *horn*, исл. *horn* ‘рог’, рун. *horna* (I, 29, 89) и *ō̄*: готск. *tawida* ‘сделал’, рун. *tawido* (I, 29); *ī*: готск. *ist*, д.-в.-н. *ist* ‘есть’, рун. *ist* (I, 106); *ī̄*: готск. *lein* ‘полотно’, д.-в.-н. *līn*, др.-англ. *līn*, др.-сакс. *līn* ‘лён’, рун. *līna* (I, 25). В то же время, за исключением графемы *l*, долгота гласного в рунических надписях не обозначалась. Причину необозначения долготы гласного можно усматривать в фонологических факторах. М. Стеблин-Каменский⁴⁶ указывает на то, что в том случае, когда система кратких и долгих гласных является асимметричной⁴⁷, количественные различия между гласными фонемами обнаруживают тенденцию к дефонологизации, иными словами, подсистема гласных с количественными и качественными различительными признаками стремится к подсистеме лишь с качественными различительными признаками. Но можно усматривать причину необозначения количества гласных и в других факторах, прежде всего в палеографических особенностях рунического письма. Так как связь рунического письма с южноевропейскими (особенно с североиталийскими) алфавитами не подлежит сомнению, то представляется более чем вероятным, что отсутствие специального обозначения количества гласных фонем в руническом письме являлось традиционным, т.е. наследием графических особенностей южноевропейских алфавитов. В пользу этого предположения говорят многие данные. Так, в отношении древнегреческого Э. Швицер⁴⁸ указывает на то, что «греческий алфавит в течение долгого времени обозначал у гласных только тембр

⁴⁴ Э. Макаев. Понятие общегерманского языка. «Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания», М., 1961, стр. 59–60.

⁴⁵ Там же, стр. 60.

⁴⁶ М. Steblin-Kamenskij. Указ. соч., стр. 4.

⁴⁷ Об асимметрии системы долгих и кратких гласных фонем в общегерманском см.: Э. Макаев. Указ. соч., стр. 59–60.

⁴⁸ E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 743.

(*a, e, i, o, u*), но не количество; точно так же не обозначалось различие в долготе согласных». Аналогично этому М. Лойман⁴⁹ отмечает в отношении латинского языка, что «в древнейших надписях отсутствует двойное написание геминированных или долгих согласных». Что касается гласных, то, как отмечает М. Лойман⁵⁰, двойное написание долгих гласных встречается лишь как исключение в надписях между 135 и 75 гг. до н.э. В готском алфавите, основанном на греческом алфавите, количество гласных фонем также не обозначалось⁵¹. Следовательно, отсутствие обозначения долготы у гласных в руническом письме не столько отвечало тенденциям фонологического развития в отдельных германских ареалах, сколько являлось традиционной графической особенностью, свойственной прототипу рунического письма. Если это верно, то тогда становится понятным, что графема $\mathfrak{I} \acute{e}$, обозначавшая долгий гласный, не могла долго удержаться в руническом письме, ибо она нарушала общий графический принцип отражения подсистемы гласных, где количество гласных не обозначалось⁵². Таким образом, три руны — $\mathfrak{k} p$, $\mathfrak{I} \acute{e}$, $\mathfrak{F} \eta$, — занимая маргинальное положение в руническом алфавите, были обречены на постепенное исчезновение. Преобразование старшего, 24-значного, футарка в младший, 16-значный, футарк подготавливалось в недрах общегерманского футарка. Развитие могло пойти в дальнейшем или по линии увеличения рунических знаков, что имело место в англо-фризском ареале, или по линии уменьшения рунических знаков, что привело к созданию 16-значного младшего футарка, или, наконец, по линии замены рунического письма латинским алфавитом. Последний путь оказался наиболее эффективным в истории письменности у различных германских народов.

* * *

Таковы контуры рунической палеографии, которая должна послужить основанием для построения принципов относительной хронологии рунических надписей, выполненных 24-значным футарком. Естественно, что в рамках данной главы не могли получить освещение все относящиеся сюда вопросы, которые должны стать предметом других специальных исследований. Следует ещё

⁴⁹ M. Leumann. Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1963, стр. 50.

⁵⁰ Там же, стр. 48.

⁵¹ W. Braune, E. Ebbinghaus. Gotische Grammatik. Tübingen, 1961, стр. 9–13; см. также: J. Marchand. Vowel length in Gothic. «General Linguistics», vol. I, 1955, № 3.

⁵² Вопрос о происхождении и функциональной значимости графемы $\mathfrak{I} \acute{e}$ остается неясным. С. Бугге предполагал, что графема \mathfrak{I} передавала долгий закрытый \acute{e} (S. Bugge. Указ. соч., Bd I, стр. 137–142); О. фон Фрисен

раз подчеркнуть, что дальнейшее совершенствование рунологии в значительной степени будет зависеть от строгости приемов и методики исследования, которые будут в состоянии обеспечить анализ древнейших рунических надписей, соответствующий современному уровню разработки лингвистических и филологических дисциплин.

полагал, что 1 обозначала открытый *ě*, что согласовывалось с его теорией о происхождении рунического письма из греческого курсива. Графему 1 О. фон Фрисен выводил из греч. *ε*, что вряд ли возможно (O. von Friesen — «Nordisk Kultur», 1933, VI, стр. 9); В. Краузе полагал, что графема 1 обозначала средний звук между *e* и *i* (W. Krause. Указ. соч., стр. 426); Х. Арнтц принимал, что 1 обозначала вначале *ei*, а затем *ē* и, наконец, *ī* (H. Arntz. Указ. соч., стр. 90; ср. также: DRI, стр. 952).

Глава IV ПРОБЛЕМЫ РУНИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ

§1. Значительную часть лексики древнейших рунических надписей, выполненных 24-значным руническим алфавитом — футарком, составляют имена собственные¹. Филологическая (включая палеографическую) и этимологическая интерпретации древнейшей рунической ономастики имеют принципиальное значение не только для характеристики рунической лексики, для выяснения вопроса о соотношении рунической и общегерманской лексики, но и для рунологии в целом, а также для сравнительной грамматики германских языков и древнейшей истории германских племен. Столь большое значение рунической ономастики в значительной мере обусловлено тем обстоятельством, что известный ее слой находит себе соответствие в более или менее хорошо засвидетельствованных западногерманских именах собственных, но в то же время не имеет ясных параллелей в древнескандинавской ономастике. Данное положение вещей требует особого объяснения.

§2. Краткая история вопроса. Первым, кто обратил внимание на вышеуказанное обстоятельство, был С. Бугге², который указывал на то, что руническая ономастика значительно отличается от древнескандинавской ономастики, а в то же время некоторые имена собственные, засвидетельствованные в древнейших рунических надписях, встречаются на континенте среди западногерманских и восточногерманских племен. Однако дальше этого наблюдения С. Бугге не пошел, и лишь О. фон Фрисен³ дал впервые в истории рунологии детальное обоснование данного положения на широкой основе археологического, исторического и линг-

¹ Полный список рунических имен собственных см. ч. II, разд. II.

² S. Bugge. Norges Indskrifter med de ældre Runer, Bd I. Christiania, 1903, стр. 12.

³ O. von Friesen. Rönstenen i Bohuslän och runorna i Norden under folkvandringstiden. «Uppsala Universitets Årsskrift», 1924.

вистического материала. Оставляя в стороне аргументацию О. фон Фрисена (см. об этом подробнее в § 5), ограничимся указанием на то, что О. фон Фрисен отмечал особенно тесный контакт между рунической и западногерманской (особенно франкской) ономастикой, что свидетельствовало, по его мнению, о контактировании скандинавских и западногерманских племен в районе нижнего Рейна в первые века н.э. и что он связывал с распространением рунического письма среди германских племен (в герулах О. фон Фрисен усматривал «культуртрегеров» рунической письменности). В своей монографии, посвященной руническому камню Рё в Бугу-слене, О. фон Фрисен приводил следующий ономастический материал, находящий себе соответствие в западногерманской ономастике, но не имеющих параллелей в за-свидетельствованных древнескандинавских именах собственных⁴:

рунический		западногерманский
alawid		др.-франкск. Alawit
alawin		др.-франкск. Alwini
aluko (f)		др.-сакс. Aluco (m)
a(n)sugisalaR		др.-франкск. Ansigisil
frawaradaR		бавар. Frorat
frohila		др.-франкск. Froilo
*goda(da)gaR		др.-англ. Godæg
hadulaikaR		алем. Hadaleih
hagusta(l)daR		д.-в.-н. Hagustalt
harja		др.-франкск. Herio
iupingaR		д.-в.-н. Eodunc
*kunimu(n)duR		д.-в.-н. Cunimunt
la(n)dawarijaR		д.-в.-н. Lantwari
niuil(a), niuwila		д.-в.-н. Niwilo
saligastiR		др.-франкск. Saligast
sig(ih)aduR		др.-франкск. Sichaus
leubaR		др.-франкск. Liuf
wiwila		др.-франкск. Vivilo

О. фон Фрисен полагал, что тот слой рунической ономастики, который уверенно можно обозначить как собственно скандинавский слой имен собственных, четко проступает лишь начиная с эпохи викингов. Построение О. фон Фрисена встретило, однако, возражения со стороны некоторых скандинавистов. В специальном исследовании, посвященном анализу древнескандинавских имен собственных в «Landnámabók», Ф. Йонссон⁵ пытался опровергнуть положение о наличии водораздела между рунической

⁴ Там же, стр. 109–110.

⁵ F. Jónsson. Oversigt over det norsk (=islandske) navneforråd for år 900. «Aarbøger», 1926, стр. 175 и сл.

и древнескандинавской ономастикой. Не отрицая того факта, что значительное количество древнейших рунических имен собственных действительно не встречается в древнескандинавских источниках, Ф. Йоунссон полагал всё же, что рунический ономастический материал слишком фрагментарен и не допускает далеко идущих выводов; к тому же многие рунические имена могли исчезнуть в древнескандинавский период, а новые имена могли появиться, ибо в ономастике постоянно наблюдается известная флуктуация. Кроме того, следует быть всегда осторожным в отношении приурочения определенного имени к тому или иному германскому племени, ибо мы почти ничего не знаем о частотности некоторых имен собственных у различных германских племен и о том, в какой мере они были свойственны одному или нескольким племенам.

Положения Ф. Йоунссона были развиты А. Янсенем в работах 1947⁶ и 1954⁷ гг. В работе 1947 г., посвященной анализу древней западноскандинавской ономастики, А. Янсен приводил к выводу, что гипотеза О. фон Фрисена о влиянии континентально-германской ономастики на скандинавскую является ошибочной, ибо материал позволяет обнаружить существенное сходство в рунических и древнескандинавских именах собственных. В работе 1954 г., специально посвященной анализу рунической ономастики, А. Янсен подробно рассматривает весь материал О. фон Фрисена и приходит к выводу, что лишь в отношении небольшого количества имён можно утверждать их континентально-германское происхождение (hagustaldaR, iufingaR, kunimunduR, la(n)dawarijaR, swabaharjaR, woduridaR). Что касается значительного большинства рунических имен, заключал А. Янсен, то они являются или общегерманскими, или чисто скандинавскими. Что касается влияния континентально-германской ономастики на скандинавские имена собственные, то оно, действительно, имело место, по мнению А. Янсена, но значительно позднее, лишь в эпоху средневековья⁸.

В монографии, посвященной дешифровке и интерпретации рунического камня из Росселанна, К. Марстрандер, заново пересматривая материал рунической ономастики, приходил к выводу, что из 63 рунических имен 14–15 имён собственных встречается в скандинавских источниках более поздней поры, чем эпоха переселения народов, в то время как в западногерманских источниках встречается 33–35 имен, иначе говоря, 23% — в скандинавском, 56% — в западногерманском⁹. Обращая внимание на то, что эти статистические

⁶ A. Janzén. De fornvästnordiska personnamnen. Oslo–København–Stockholm, 1947, стр. 27–28 («Nordisk Kultur», Bd VII).

⁷ A. Janzén. The provenance of Proto-Norse personal names, I–II. «Names», vol. II, 1954, № 2, 3.

⁸ Там же, стр. 192.

⁹ C. J. S. Marstrander. Rosselandasteinen, «Universitetet i Bergen Årbok», № 3, 1951, стр. 36–40.

данные требуют к себе особенно осторожного подхода, ибо приходится считаться с тем, что континентально-германские источники и по времени, и по количеству значительно превосходят современные им скандинавские источники и что значительный слой имен собственных мог также исчезнуть, как исчезли такие рунические слова, как *erilaR*, *hlaiwa*, *taujan*, — К. Марстрандер подчеркивал, что то обстоятельство, что некоторые рунические имена собственные не представлены в скандинавских источниках IX в., ещё не говорит о том, что они не были в употреблении в V в. Такие имена, как *HagiradaR*, *SigimariR*, *WidugastiR*, кроме рунических надписей, не засвидетельствованы в Скандинавии, но их модели не являются изолированными. Тем самым, полагал К. Марстрандер, не следует слишком односторонне расценивать западногерманское влияние на руническую ономастику. «И всё же 56% заставляют призадуматься. Резонно предположить, что столь значительное процентное соотношение объясняется сильным западногерманским влиянием на рунические имена собственные. Это влияние может восходить не только к эпохе переселения народов — оно было действенным и в это, и в более позднее время, — но его корни относятся к значительно более раннему периоду. Старое скандинаво- и западногерманское культурное единство в районе Северного и Балтийского морей по существу никогда не прекращалось»¹⁰. Б. Нерман, исходя из иных предпосылок, также подчеркивал различие между ономастикой эпохи переселения народов и ономастикой эпохи викингов. Собственно, Б. Нерман выделял «гаутский слой ономастики» (*götanamnskick*) и «свейский слой ономастики» (*sveanamnskick*). Указывая на связь рунической ономастики с континентально-германской, Б. Нерман усматривал причину этой связи в тесном контакте Скандинавии с континентом в эпоху переселения народов. «Конец эпохи переселения народов и разрыв в сношениях с югом, а также гибель гаутов имели следствием в отношении скандинавской ономастики её более изолированное и самостоятельное развитие. Ономастика в Швеции отныне в существенной мере характеризуется наличием «свейского слоя»¹¹. Положения Б. Нермана не получили поддержки у большинства исследователей; следует указать, однако, на то, что несомненно плодотворной была мысль Б. Нермана о том, что различие между ранней и позднескандинавской ономастикой может объясняться иной диалектной основой и иным характером связей Скандинавии с континентом в более ранний и в более поздний период.

Анализ всего материала имен собственных в древнейших рунических надписях будет дан в другой работе, поэтому ограни-

¹⁰ Там же, стр. 40.

¹¹ B. Nerman. *Studier över Sväriges hedna litteratur*. Uppsala, 1913, стр. 14.

чимся здесь лишь отдельными замечаниями. Не подлежит сомнению, что приёмы моделирования в рунической и в скандинавской ономастике во многом схожи, и это заставляет говорить об их известной преемственности. Но в то же время не приходится отрицать, что всё же существует известный разрыв между определенным слоем рунических имён собственных и древнескандинавскими именами и что данный слой получает наиболее убедительное объяснение лишь в том случае, если допустить значительное западногерманское влияние. Проверкой правильности данного положения является ономастический материал рунических надписей, открытых в последние два десятилетия. Можно указать на имена трех редакторов «Салической правды»: Saligast, Widugast, Bodogast. Эти имена, более или менее широко представленные на континенте во франкских и южнонемецких источниках, совершенно неизвестны в Скандинавии, но представлены в древнейших рунических надписях, ср.: SaligastiR (Берга, Швеция), WidugastiR (Сунде, Норвегия). Обнаруженный в 1950 г. рунический камень из Росселанна (Норвегия) содержит имя Agilamu(n)don, не засвидетельствованное в Скандинавии в виде данного сложного образования, но соответствующее д.-в.-н. Egilmunt, ср. также имя собственное Widuhu(n)daR на пряжке из Химлингойе II (Дания) со вторым компонентом hundaR, совершенно неизвестным в Скандинавии, но засвидетельствованным в древневерхнегерманских источниках. Следовательно, материал новооткрытых рунических надписей также подтверждает наличие определенного слоя имён собственных, обнаруживающего тесные связи с западногерманской ономастикой. Это может быть интерпретировано в том смысле, что язык древнейших рунических надписей (или руническое койне) сложился на основе диалектов, относившихся к скандинаво-западногерманскому ареалу, а рунические надписи эпохи викингов, а также древнейшие скандинавские письменные памятники по своей языковой принадлежности отражают уже иные диалектные членения и являются свидетельством формирования и развития собственно скандинавского диалектного континуума, уже отграниченного от прочих германских ареалов. Тем самым материал рунической ономастики, даже при самом осторожном подходе к нему, является хотя и косвенным, но весьма значительным и красноречивым подтверждением нашей гипотезы о западногерманско-скандинавской диалектной основе рунического койне.

§3. Интерпретация рунического имени собственного hariuha, засвидетельствованного в надписи на Зееландском брактее №61.2 (hariuhahaitika : farauisa : gibuaaja), представляет большие затруднения. Первый компонент имени hariuha этимологически совершенно прозрачен: hari 'войско' широко представлено в общегерманской ономастике. Загадочным остается второй компонент данного имени — *-uha*. Чрезвычайно важно выяснить, встречается ли данное имя ещё где-либо в рунических надписях,

а также в континентально-германской и древнескандинавской ономастике. Как было показано К. Марстрандером, данное имя встречается также в рунической надписи на древке копья из Крагегуля: $\acute{e}k\acute{e}rilaRasugisalsam\acute{u}h\acute{a}h\acute{a}ite...$ (остальная часть надписи, не поддающаяся до настоящего времени удовлетворительной интерпретации, не имеет для данной работы принципиального значения и поэтому здесь выпускается). К. Марстрандер предлагает в *muha* выделить *m*, в котором он усматривает усеченную форму *verbum substantivum* **-im*, а *-uha* интерпретировать так же, как и в Зееландском брактеате¹². Однако материал, где засвидетельствовано имя *-uha*, возможно, не ограничивается данными двумя надписями. Но перед тем как можно будет приступить к обследованию материала, необходим небольшой экскурс исторического характера.

§ 4. Вышеприведённые надписи на брактеате № 61.2, найденном в Зееланде и на древке копья из Крагегуля, найденном в Фюнене, относятся примерно к IV–VI вв. Основания археологического, исторического и этнографического характера заставляют предполагать, что некогда на датских островах, возможно, вплоть до IV в. и даже несколько позже, обитали герулы, которые покинули данную территорию, по всей вероятности, при вторжении данов. Иордан указывает на то, что «*Suetidi, cogniti in hac gente reliquis corpore eminentiores: quamvis et Dani, ex ipsorum stirpe progressi, Herulos propriis sedibus expulerunt, qui inter omnes Scandiae (Scandiae) nationes nomensibi ob nimia proceritate, affeciant proecipium*»¹³. ‘Светиды, известные в этом племени как превосходящие остальных (величиною) тела, хотя и даны, вышедшие из того же рода — они вытеснили герулов с их собственных мест, — пользуются среди всех племен Скандии славой по причине своего исключительного роста’. Прокопий из Кесарии пишет о герулах, что когда эрулы были побеждены в бою лангобардами и должны были уйти, покинув места жительства отцов, то один из них... поселился в странах Илирии, остальные же не пожелали нигде переходить через реку Истр, но обосновались на самом краю обитаемой земли. Предводительствуемые многими вождями царской крови, они прежде всего последовательно прошли через все славянские племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область, достигли страны так называемых вар-

¹² C. J. S. Marstrand. De nordiske runeinnskrifter i eldre alfabet, I. «Viking». Oslo, 1952, стр. 26–30.

¹³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 68 (русск. пер.), стр. 134 (лат. оригинал). Об интерпретации данного места у Иордана см. в работах: E. Elgqvist. Studier rörande Njordkultens spridning bland de nordiska folken. Lund, 1952, стр. 100–116; Он же. Vad svioniska ortnamn vittnar om grundandet av det danska väldet. «Arkiv», Bd 74, 1959, Н. 3/4; A. Stender-Petersen. Jordanes beretning om Goternes udvandring. «Kural», Aarhus, 1957, стр. 68–80.

нов. После них они прошли через племена данов (*παρέδρομον*), причём жившие здесь варвары не оказывали им никакого противодействия. Отсюда они прибыли к океану, сели на корабли, пристали к острову Фуле и там остались. Далее Прокопий добавляет: «Так живут обитатели Фулы. Из них самым многочисленным племенем являются гауты, у которых и поселились пришедшие сюда Ἐροῦλων οἱ ἐπὶ γλύται (дословно ‘эруды-новопришельцы’) эрулы»¹⁴. Герулы на протяжении своих далёких странствий продолжали сохранять тесные связи со Скандинавией, что находило себе выражение не только в том, что, испытывая необходимость в конунге, они отправили делегацию в Скандинавию (на остров Фулу) и что, избородив Европу, они вернулись к себе на родину в Скандинавию, но и в ряде обрядов и церемоний (например, сакральное убийство своего конунга Охона, весьма близкое к сакральному убийству свееми своих конунгов, как то описывается в «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусоном)¹⁵. Более углубленное рассмотрение герульской проблемы в связи с руническим обозначением *erilaR* см. гл. II, § 9–10. Большинство рунологов при интерпретации рунического имени *uha* отмечают его полную неясность (подробности в § 9). К. Марстрандер отмечает, что имя *uha*, кроме рунических надписей, нигде не представлено в германских языках¹⁶. В то же время К. Марстрандер считает возможным присоединиться к С. Бугге, который усматривал наличие *-uha* и составе имени герульского конунга Свартуа (т. е. Swart+uha)¹⁷; ср. у Прокопия: «Поэтому, послав в Византию, они (т. е. герулы — Э.М.) просили императора дать им короля, который был бы ему угоден. Император тотчас же послал им в качестве короля одного из эрулов, давно уже жившего в Константинополе, по имени Свартуа»¹⁸. Тем самым руническое имя *hariuha* лишается своей изоляции, ибо Swartuha обнаруживает ту же модель. Ещё более соблазнительно соположение *-uha* и имени герульского конунга ὄχος (вариант ὄχων). О нём Прокопий сообщает следующее: «Проявляя по отношению к своему королю (имя ему было ὄχος) чисто зверское и достойное безумных отношение, эрулы внезапно без всякой вины убили этого человека, не выставя никакой другой причины, кроме той, что в дальнейшем они хотят жить без царей»¹⁹. Вряд ли можно сомневаться в том, что в данном случае речь идет вовсе не о вероломстве герулов, а о сакральном убийстве своего

¹⁴ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 209–210, 212.

¹⁵ См. изд.: Heimskringla, Bd I. Ed. F. Jónsson. København, 1893, стр. 30.

¹⁶ C.J.S. Marstrander. Rosselandssteinen, стр. 24.

¹⁷ Там же, стр. 24.

¹⁸ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 212 (перевод приводится с исправлением грубых ошибок). Там же, стр. 209.

конунга, который, как то полагали многие германские племена и как то было очень широко распространено именно в Скандинавии, был повинен в неурожайных годах и должен был искупить эту вину своей смертью. Ср. в «Саге об Инглингах» рассказ о том, что конунг свеев Домальди отличался тем, что во время его правления наблюдались неурожайные годы. Так как многочисленные жертвоприношения были бесполезны, конунг был убит. Та же участь постигла конунга свеев Олава Третельгья, который из-за неурожайных годов был сожжён в своем доме и принесён в жертву Одину.²⁰

§ 5. Что касается имени герульского конунга ḥχος, необходимо прежде всего указать на то, что в различных изводах «Войны с готами» Прокопия из Кесарии представлены два варианта: ḥχος и ḥχω. К. Цейсс²¹ и Р. Мух²², давая выдержки из Пройопия, следовали рукописям, где содержится чтение ḥχω. М. Шёнфельд²³ на основании того, что, по его мнению, лучшая рукопись (Codex Vaticanus graecus, 1690) содержит ḥχος, а не ḥχω, признал, что данное имя имеет негерманский облик. Мнение М. Шёнфельда разделяет де Фрис²⁴, указывающий на то, что ḥχος «выглядит как негерманское имя». И. Линдквист²⁵ полагает, что «ḥχος является германским именем», и связывает его с др.-англ. Нёс, др.-исл. Hoekingr, д.-в.-н. Huohhing. Данное объяснение в принципе возможно, однако оно не лишено известных натяжек: согласно данному объяснению следует принять, что начальное *h* германского имени было опущено, а германское *k* было транслитерировано в виде *χ*, в то время как германское долгое *ō* было заменено кратким *ō*. Кроме того, в скандинавском ареале Hoekingr представлено лишь в производных образованиях, и вероятно, что данное имя этимологически связано с др.-исл. haukr ‘ястреб’. Более вероятным представляется иное объяснение имени ḥχος (или ḥχω).

§ 6. Мы полагаем, что есть основания для соположения герульского имени ḥχος и ḥχω и рунического имени uha. Для проверки правильности данного соположения необходимо установить, возможна ли была передача германского *u* при помощи греческого *o*. Начальное герм. *u* возможно было передать в греческом языке византийской эпохи лишь при помощи *ou*, или *ω*, или *o*. Греческое *u* было для передачи герм. *u* совершенно не пригодно, ибо оно уже

²⁰ Heimskringla, Bd I, стр. 75–76; см. также: J. de Vries. Das Königtum bei den Germanen. «Saeculum», Bd VII, 1956, № 3.

²¹ K. Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837.

²² R. Much. Realexikon der germanischen Altertumskunde, Bd II, s.v.

²³ M. Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911, стр. 176.

²⁴ J. de Vries. Über das Wort «Jarl» und seine Verwandten. «La Nouvelle Clío», vol. VI, 1954, стр. 466.

²⁵ J. Lindquist. *Galdrar*. «Göteborgs Högskolas Årsskrift», Bd I, 1923, стр. 143.

давно было делабиализовано и совпало с *i*. Но и диграф *ou* в начальной позиции был мало пригоден для передачи герм. *u*, ибо он как правило передавал германское сочетание *w+Voc.*, ср. племенное обозначение *Varni* (Иордан), *Ὀὔαρνοι* (Прокопий). Ср., далее, готск. *Ὀὔλφριδα*, скирское имя собственное *Ἰονόουλος* — V в. (где он соответствует герм. *-wulfaz), остготское имя собственное *Γουνδουλφ* или *Ἰλδουλφ* — VI в. (что соответствует герм. *gund(a)wulfaz* или **Hild(a)wulfaz*); готск. *Ἐρίουλος* — IV в.; герульское имя собственное *Ὀὔλιγαγγος* — VI в.; хаттское имя собственное *Ὀὔκρόμιρος* — I в. (< герм. -wōkraz, ср. готск. *wokrs*)²⁶. Ср. также передачу имени германского племени ругиев как *Rogorum* у Иордана (Гетика, лат. текст, стр. 178) и *Ρογοί* у Прокопия. Следовательно, передача герм. *Uha* в виде **Ουχος* (или *Ἰουχων*) была бы двусмысленной, ибо могла обозначать *Wuha*. Греческая графема *ω* в византийскую эпоху передавала долгое, открытое *o*; тем самым герм. *u* наиболее адекватно передавалось при помощи греч. *o*, и потому соположение *Uha/ῶχος* с палеографической точки зрения безупречно. Перед тем как будет дана попытка этимологического объяснения *Uha/ῶχος*, представляется необходимым подвергнуть анализу германский ономастический материал. К тому же следует предварительно оговорить, что вышеприведённые соображения палеографического характера с настоятельной необходимостью требуют специального монографического исследования всех способов передачи германских имен собственных греческими и латинскими авторами. Материал, содержащийся во вступлении к словарю М. Шёнфельда, слишком фрагментарен и несистематичен и в настоящее время сильно устарел. Весьма желателен подробный анализ всех вариантов в различных изводах рукописей (т. е. учет всех *lectiones faciliores* et *difficiliores*) с попыткой установления различных скрипториев и известной эволюции в системе передачи германских имен. Это позволит в сравнительной грамматике германских языков более объективно и обоснованно поставить вопрос об удельном весе и соотношении внутрисистемных звуковых чередований и разного рода субституций в различные периоды развития германских языков.

§ 7. Руническое имя *Uha*, возможно, встречается в двух загадочных словах рунической надписи из Стентофты: *niuhAborumR/niuhagestumR hAβuwoAafR gaf j/* ... (дальнейшая часть выпускается). В рунологической литературе представлены две интерпретации *niuhAborumR* и *niuhagestumR*: 1) О. фон Фрисен²⁷, И. Линдквист²⁸, В. Краузе²⁹ членят данные слова на *niuhA-(a)-borumR*,

²⁶ Материал приводится по словарю М. Шёнфельда (см. прим. 23) и в работе: G. Schramm. *Namenschatz und Dichtersprache*. Göttingen, 1957.

²⁷ O. von Friesen. *Lister- och Listerbystenarna i Blekinge*. «Uppsala Universitets Årsskrift», 1916, Program 2.

²⁸ I. Lindquist. *Galdrar*, стр. 151–118.

²⁹ W. Krause. *Runeninschriften im älteren Futhark*. Halle, 1937.

-gestumR и соответственно интерпретируют: «Новым поселенцам, новым иноземцам X. дал урожайный год»; 2) К. Марстрандер³⁰ членит данные слова по-иному, на niuhA(a)borumR, -gestumR, и соответственно интерпретирует: «Девяти высоким сыновьям, девяти высоким гостям X. дал урожайный год». Обе интерпретации наталкиваются, однако, на ряд значительных затруднений. При первой интерпретации приходится принимать, что руническая графема *h* является аннулятором гиата (Hiatustilger). В Краузе³¹ указывается на то, что написание niuhA(a) следует рассматривать как компромисс между протоскандинавской формой *niuja-* и более поздней формой *nú(a)*, причем *h* такого же свойства, как и в имени собственном *frohila* в надписи на брактеате из Дарума. Однако вопрос о рунической графеме *h* в функции аннулятора гиата остается открытым. Соположение с *frohila* не является убедительным, ибо К. Марстрандер предлагает чтение *Frodila*³². Остальные случаи с *h* в той же функции ещё более сомнительны: *maria*³³ (Вимосе, Дания) допускает различную интерпретацию. Э. Хардинг³⁴ обращает внимание на то, что связующий гласный в niuhA(a)borumR, -gestumR в надписи Переходного периода должен был бы отпасть, ср. в той же надписи из Стентофты: *hAriwolAfR* < **harja-*. Ещё более решительно высказывается Х. Андарсён³⁵: «Не может быть никакого сомнения в том, что форма *niuha* должна быть отвергнута в скандинавской филологии (... en form *niuha* helt må avvises i nordisk filologi); мы имеем дело с числительным *niu*». При второй интерпретации приходится принимать, что *hA*borumR и *hagestumR* являлись сильноударными формами, о чём свидетельствует проходящая аллитерация с *h*, следовательно, гласные, обозначаемые графемами *A* и *a*, находились в ударной позиции. Но, как отмечают К. М. Нильсен³⁶ и Э. Мольтке³⁷, в периоде I.2., к которому относится данная руническая надпись, графема *a* служит как правило для обозначения эпентетического гласного, а также для конечного гласного [ср. в надписи из Истабю: *AfatR hAriwulafa* (*hAþuwulafR*) *hAeruwulafir warAit runAR þAiAR*], в то время как графема *A*

³⁰ C.J.S. Marstrander. De nordiske runeinnskrifter..., I, стр. 116–127.

³¹ W. Krause. Runica. III. — KGAW, 1961, №9, стр. 273–274.

³² C.J.S. Marstrander. Rosselandssteinen, стр. 36.

³³ C.J.S. Marstrander. De nordiske runeinnskrifter..., I, стр. 374.

³⁴ E. Harding. Språkvetenskapliga problem i ny belysning, Н. 3. Lund, 1939, стр. 57–58.

³⁵ H. Andersen. Urnordisk *gestumR* og dens betydning for i-omlyden. В кн.: «Festskrift til P. Skautiup». Aarhus, 1956, стр. 11.

³⁶ K. M. Nielsen. Svarabhaktivokal. В кн.: L. Jacobsen, E. Moltke. Danmarks Runeinnskrifter. Text. København, 1942, стр. 1003–1005.

³⁷ E. Moltke. Lousgård-perlens runeinnskrift. В кн.: «Festskrift til P. Skautrup». Aarhus, 1956, стр. 4.

обозначает ударный неносовой гласный (примеры см. выше). Следует, однако, оговорить, что в надписях из Стентофты и Бьеркеторпа проведена всяду графема *A*, за исключением *niuhagestumR* из Стентофты, в чем можно усмотреть попытку, ещё несовершенную (ибо в той же надписи *niuhAborumR* имеет графему *A*), разграничить ударный и безударный гласный. Поэтому можно предположить, что гласные в *hAborumR*, *hagestumR* не находились в ударной позиции. Кроме того, объяснение К. Марстрандера³⁸ рунических *niu hAborumR*, *niu hagestumR* как девяти демонов злаков, которые в течение девяти лет приносили стране Хадувольфа урожайные годы, вряд ли может рассматриваться как убедительное с семасиологической точки зрения. Поэтому не является бесполезной новая интерпретация данной рунической надписи.

§8. На основании приведенной аргументации мы предлагаем следующее членение и интерпретацию первых строк надписи из Стентофты: *niu+uhAborumR*, *niu+uhagestumR*³⁹; перевод: ‘девяти сыновьям (конунга) Уха, девяти иноземцам (конунга) Уха Хадувольф дал урожайный год’. Палеографически данная интерпретация не может вызвать возражений, ибо в рунических надписях известен принцип написания одного гласного или согласного на морфемном стыке двух гомоганных фонем⁴⁰, ср. в надписи на камне из Мейебру: *frawaradaR ana haha islaginaR* (*is+slaginaR* в интерпретации О. фон Фрисена)⁴¹, ср. в надписи на камне из Снольдевеа: *kunuAltstAin* (т.е. *kunwalts+stAin*)⁴²; ср. в надписи из Нестер-Мари 2: *uk[u]þ(s)* (т.е. *uk+kuþ*)⁴³.

Что касается культурно-исторических предпосылок для подобной интерпретации, то, по весьма правдоподобному предположению И. Линдквиста⁴⁴, в *niuhAborumR*, *niuhagestumR* следует усматривать тех самых герулов, которые после поражения в битве с лангобардами вернулись к себе на родину в Скандинавию, но, поскольку их земли уже были заняты данами, основались в Сконе в ближайшем соседстве со своими единоплеменниками гаутами, о чем повествует Прокопий из Кесарии. В этом плане можно осмыс-

³⁸ C.J.S. Marstrand. De nordiske runeinnskrifter..., I, стр. 114–153.

³⁹ Следует указать на то, что уже О. Бремер предлагал членение: *ni+uha+gestumR*, не давая, правда, никакого обоснования (О. Bremer. Die Aussprache des *R* der urnordischen Runeninnschriften. В кн.: «Festschrift H. Pipping». Helsingfors, 1924, стр. 46); в нотации О. Бремера: *ni uha zestumz*.

⁴⁰ E. Moltke. Ortografi. В кн.: L. Jacobsen, E. Moltke. Указ. соч., стр. 896–897.

⁴¹ O. von Friesen. De germanska, anglofrisiska och tyska runorna. («Nordisk Kultur», Bd VI). Oslo–København–Stockholm, 1933, стр. 27–28.

⁴² DRI, стр. 298–302.

⁴³ DRI, стр. 440–441.

⁴⁴ I. Lindquist. *Galdrar*, стр. 119–133.

лить указание надписи на то, что Хадувольф дал сыновьям Уха урожайные годы, и в то же время становятся более ясными причины сакрального убийства самого конунга Уха.

Всё вышеизложенное весьма гипотетично, и его истинность или ложность будет обнаружена в ближайшие годы. Во всяком случае рунолог не имеет никакого основания отказываться от попытки использовать руническое имя uha и включить данный материал в качестве одного из звеньев в общегерманскую проблематику, и потому не приходится согласиться с презрительным замечанием Э. Мольтке о том, что «научные воззрения на рунические надписи на брактеатах и основы их интерпретации несколько изменились с тех пор, как С. Бугге в 1905 г. забавлялся руническими надписями с именем uha»⁴⁵.

§9. Что касается этимологической интерпретации рунического имени uha, то в настоящее время исследователь не располагает достаточным материалом для анализа его этимологического состава. С. Бугге⁴⁶ предложил сопоставить руническое имя uha с д.-в.-н. Ūo, Ūwo, которое могло означать то же самое, что и д.-в.-н. hūwo ‘филин’, ‘сова’. В своем обзоре рунической ономастики К. Марстрандер⁴⁷ даёт это соположение под знаком вопроса, а в другом месте той же работы он указывает на то, что данное имя, кроме рунического, нигде не засвидетельствовано. Де Фрис⁴⁸ приводит в своем словаре объяснение С. Бугге, добавляя еще др.-исл. ugla ‘сова’. Другие исследователи предпочитают ограничиться указанием на неясность данного образования; так, О. фон Фрисен подчёркивает, что «все рунические надписи, в которых С. Бугге читает uha, являются весьма неясными в отношении интерпретации. Поэтому сомнительным является и сложное слово hariuha»⁴⁹. В. Краузе указывает на то, что «второй компонент данного сложного слова неясен по своему значению»⁵⁰. Л. Якобсен и Э. Мольтке⁵¹ указывают в своём корпусе датских рунических надписей, что имя hariuha неизвестно, а в отношении его этимологии отсылают к С. Бугге. Но с объяснением С. Бугге не представляется возможным согласиться. Дело в том, что материал общегерманской ономастики вообще не обнаруживает случаев,

⁴⁵ E. Moltke. Lindkaer-Brakteaten. «Aarbøger», 1957, стр. 132. Э. Мольтке имеет в виду работу: S. Bugge. Bidrag til Tolkning af danske og tildels svenske Indskrifter med den længere Räkkes, Runer, navnlig på Guldrakteate. «Aarbøger», 1905.

⁴⁶ S. Bugge. Norges Indskrifter med de ældre Runer, Bd I, стр. 247.

⁴⁷ C.J.S. Marstrander. Rosselandssteinen, стр. 37.

⁴⁸ J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961, стр. 632.

⁴⁹ O. von Friesen. Rö-stenen i Bohuslän och runorna i Norden under folkvandringstiden, стр. 90.

⁵⁰ W. Krause. Runeninschriften im älteren Futhark, стр. 55/477.

⁵¹ DRI, стр. 535–536.

где в одночленных именах или где в качестве одного из компонентов двучленных имен собственных могло бы выступать обозначение совы или филина. А. Янсен⁵² даёт в своём обзоре древнескандинавской ономастики перечень всех птиц, которые могли входить как прозвища в состав древнескандинавских имен, но в этом списке нет ни совы, ни филина. Лишь в эпоху позднего средневековья, не раньше XIII в., в датской ономастике засвидетельствовано имя Ugle⁵³. Быть может, есть известные основания связать этимологически руническое uha с общегерманской основой *ugg-* ‘бояться’, ‘наводить страх’, представленной с различными ступенями чередования во всех германских языках: ср. др.-исл. *ugga* ‘бояться’, *ugg* ‘страх’, ‘ужас’, новонорв. *ugg* ‘бич’, ‘острие’, ‘стрекало’, шв. (диал.) *ugg*, *ugg* ‘страшный’, ‘ужасный’. Дальнейшие примеры с различной огласовкой корня, а также возможные индоевропейские соответствия приводят в своих словарях А. Йоханнесон⁵⁴ и де Фрис⁵⁵. Возможно, что геминация в *ugg* — экспрессивного характера, что вообще показательно для слов данного семантического поля. В чередовании *h/g* можно было бы усматривать рефлекс закона Вернера, хотя следует оговорить, что при наличии огласовки *u* следовало бы ожидать наличие звонкого, а не глухого варианта. Во всяком случае с семасиологической точки зрения данное соположение лучше всего подходит к руническому имени *uha*, и тем самым всю надпись *hariuhahaitika farauisa gibauauja* можно было бы перевести: ‘Я прозываюсь Гроза войска; мне ведомо опасное. Приношу счастье’.

§ 10. В качестве кратких выводов можно установить:

1. Материал древнейшей рунической ономастики позволяет выделить слой имен собственных, не представленных в древнескандинавских источниках, но находящихся себе соответствие в континентально-германской ономастике. Следовательно, можно утверждать, что наблюдается известный водораздел между древнейшей рунической и древнескандинавской ономастикой.

2. Анализ рунического имени *hariuha* приводит к выводу, что оно не является изолированным образованием, как то принимается подавляющим большинством рунологов, но находит себе определенные параллели как в других рунических надписях, в том числе и более позднего времени, так и в континентально-германской ономастике.

3. Интерпретация рунического имени *hariuha* может пролить определенный свет на весьма спорную и неразрешенную геруль-

⁵² А. Janzén. Указ. соч. («Nordisk Kultur», Bd VII).

⁵³ Н. Hornby. Fornavne i Danmark i middelalderen. Personnavne. Oslo–København–Stockholm, 1947, стр. 207. («Nordisk Kultur», Bd VII).

⁵⁴ А. Jóhannesson. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1956, стр. 12–14.

⁵⁵ J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch, стр. 632.

скую проблему и на герулов как распространителей рунической письменности.

4. В то же время данный анализ говорит о необходимости проведения детального и в широком объеме исследования всех возможных способов передачи греческими и латинскими авторами германских имен собственных.

5. Не исключена возможность, что руническое имя *hariuða* в своем втором компоненте этимологически связано с общегерманской основой *ugg-*, и в таком случае данное имя перестает быть изолированным образованием и с этимологической точки зрения.

Глава V

СТРУКТУРА СЛОВА В ЯЗЫКЕ СТАРШИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

§ 1. В литературе по германистике вплоть до настоящего времени уделялось мало внимания описанию и анализу особенностей структуры слова в древних германских языках, исследованию их просодических (или супrasegmentных) особенностей, а также возможности на основе внутренней и сравнительной реконструкции воссоздать структуру слова и его просодические отличительные признаки в общегерманскую эпоху. В данной главе предпринята попытка описания просодических, фономорфологических и ритмических характеристик слова в языке древнейших рунических надписей. Характеристика вышеозначенных особенностей с неизбежностью будет носить фрагментарный характер, так как материал древнейших рунических надписей в ряде случаев лишает исследователя возможности дать исчерпывающий анализ, а явно недостаточная разработанность проблем, связанных с выяснением структуры слова в индоевропейских и германских языках¹, весьма затрудняет построение дедуктивной теории (хотя бы в плане рабочей гипотезы), которая могла бы отвечать требованиям полного, внутренне непротиворечивого и наиболее экономного описания выбранного исследователем объекта.

Оформление слова как особой структурной единицы в руническом койне имеет ряд отличительных признаков, позволяющих дать интерпретацию данной структурной единице как со сравнительно-исторической, так и с типологической точки зрения.

Ритмико-акцентная характеристика рунического слова определялась следующими конститутивными признаками: а) наличием

¹ Небольшая, но любопытная работа Х. Пиппинга (H. Pipping. Sandhieischeinungen in Runeninschriften. «Neuphilologische Mitteilungen», Bd XI, 1909, H. 8) посвящена руническим надписям эпохи викингов и не затрагивает темы данной работы.

и строгим соблюдением принципов германской аллитерации, маркировавшей начальные элементы (гласные и согласные) ударного слога (следует, однако, оговорить, что данный принцип распространялся лишь на метрически релевантные отрезки в руническом койне, т. е. на поэтические отрезки); б) наличием определенной организации слогов в слово, в которой в порядке возрастающей шкалы можно выделить следующие фазы: слог (или, чаще всего, элемент фонетического слова), акцентно равный нулю, акцентно-слабый слог, акцентно-полусильный слог (по терминологии А. Кока, *infortis*) и акцентно-сильный слог; в) наличием гласных полного образования, а также долгих и кратких гласных в акцентно-сильных и в акцентно-слабых слогах, дистрибуция которых имела структурную релевантность не только для метрики, но и для системы языка. Представляется необходимым более подробно остановиться на данной особенности.

§ 2. В отношении метрики (или поэтических отрезков) следует иметь в виду, что дистрибуция кратких и долгих слогов (долгих, естественно, *naturā et positione*) в составе рунического слова в общем следует принципам метрической схемы, элементы которой для индоевропейского поэтического языка постулировались Ф. де Соссюром, Я. Вакернагелем, К. Марстрандером и Ф. Шпехтом².

Как было впервые обнаружено Ф. де Соссюром³, для индоевропейского поэтического языка было характерно чередование долгих и кратких слогов и тем самым стремление избегать скопления кратких слогов. Если обратиться к руническому койне, то возможно обнаружить в некоторых рунических надписях соблюдение общиндоевропейских принципов; ср. в надписи на Золотом роге из Галлехуса: *ek hlewagastiR holtijaR horna tawido* 'Я, Хлевагастиз из рода Холтиев, рог сотворил'; ср. в надписи из Къелевига: *hadulaikaR. ek hagustadaR h̄laaiwido magu minino* 'Хадулайказ. Я, Хагуста(ль)даз, похоронил моего сына'⁴. Можно, следовательно, полагать, что в руническом койне сохранялись некоторые приёмы структурного оформления слова, характерного для индоевропейского поэтического языка.

² F. de Saussure. Une loi rythmique de la langue grecque. «Recueil des publications scientifiques de F. de Saussure». Geneve, 1922; J. Wackernagel. Das Dehnungsgesetz der griechischen Komposita. «Kleine Schriften». Göttingen, [б.г.]; Он же. Indogermanische Dichtersprache. «Philologus», 95, 1943; C.J.S. Marstrander. Über den Charakter des ältesten germanischen Rhythmus. —NTS, IV, 1930; Fr. Specht. Zur indogermanischen Sprache und Kultur. — KZ, LXIV, 1–2, 1937. О соотношении метрики и акцентологии см. также: A. Schmitt. Musikalischer Akzent und antike Metrik. Münster, 1953.

³ См. указанную выше, в прим. 2, работу Ф. д. Соссюра.

⁴ См.: A. Heusler. Deutsche Versgeschichte, I. Berlin, 1956, стр. 86; Он же. Die altgermanische Dichtung. Darmstadt, 1957, стр. 73, 84, 87–88; W.P. Lehmann. The development of Germanic verse form. Austin, 1956, стр. 77–80.

В отношении системы языка дистрибуция долгих и кратких слогов в составе слова имела существенные последствия для тех фonomорфологических процессов, которые описываются как закон Зиверса–Эджертонa. Следует указать на то, что рефлексы данного закона в рунических надписях до сих пор не привлекали внимания исследователей, а в то же время в руническом койне наблюдается ряд отклонений от действия данного закона, требующих особого объяснения. Так, чередование *i* и *ij*, регулируемое структурой предшествующего долгого или краткого слога, в рунических надписях представляет следующую картину: а) после долгого слога — *i*: *gaunijaR* (Эвре Стабю); *þirbijaR* (Бармен); *makia* (Ви); *holtijaR* (Галлехус); *arbija*, *arbijano* (Тюне); б) после краткого слога — *j*: *aljamarkiR* (Корстад); *harja* (Ви); *ganja* (Дамсдорф); *swabaharjaR* (Рё). Однако в ряде случаев общая закономерность нарушена; ср. *gudija* (Нурдуглен); в краткости предшествующего слога не приходится сомневаться; ср.: готск. *gudja*, др.-исл. *godí* ‘священнослужитель’, ‘жрец’; *auja* (брактеат из Скодборга и Зееланда), *harijan* (Скоэнг); *wajemariR* (Торсбьерг); *ladawarijaR* (Тервикен); *stainawarijaR* (Рё); *tojeþa* (Нулебю; чтение неясно). На основании вышеприведённого материала можно было бы прийти к выводу, что закон Зиверса–Эджертонa вообще не действовал в руническом койне. К этому выводу действительно приходит В. Краузе⁵, указывая на то, что «написания *-ja* и *-ija*- произвольно чередуются в прасеверных надписях; ср. *SwabaharjaR* : *StainawarijaR* на камне из Рё. Данные написания не основаны на старом звуковом законе, как это раньше принималось». Таким образом, В. Краузе считает, что чередование *-ia* и *-ija*- является принадлежностью графической, а не фonomорфологической системы рунического койне. Вряд ли, однако, можно согласиться с утверждением о том, что закон Зиверса–Эджертонa, действовавший во всех германских языках, не был отражен в руническом, получая в то же время отражение в рунической графике. Случаи типа *harja*, *alja*, с одной стороны, и *arbijano*, *gaunijaR* — с другой, с непреложностью указывают на эффективность данного закона в руническом койне. Следовательно, объяснения требуют такие формы, как *stainawarijaR* и *gudija*. Что касается *stainawarijaR*, то А. Янсен указывал на возможность считать в данной форме *-ij-* субститутом *-j-*⁶. При этом остаётся неясным, имеет ли А. Янсен в виду графические особенности данной надписи или разделяет точку зрения В. Краузе. Исходя из соображений этимологического характера, Э. Хардинг предполагает, что *stainawarijaR* нужно транскрибировать следую-

⁵ W. Krause. Runeninschriften im älteren Futhark. Halle, 1937, стр. 570/148.

⁶ A. Janzén. De fornvästnordiska personnamnen. («Nordisk kultur», VII). Stockholm–Oslo–København, 1947, стр. 101.

щим образом: *stainawārijaR*⁷; второй компонент данного сложного слова сближался Э. Хардингом с д.-в.-н. *wāri* ‘верный’, др.-исл. *værr* ‘спокойный’, ‘дружеский’. Быть может, в том же направлении следует искать объяснения *ladawarijaR* (Тервикен). С другой стороны, вполне возможно, что в формах типа *gudija*, *wajemariR*, *harijan* речь идёт об известных палеографических приемах мастеров рунического письма, созданных по моделям долгосложных образований и лишь графически обобщенных в других образованиях. Колебания типа *aljamarkiR*, *harja*, *harijan* свидетельствуют, по всей вероятности, о наличии различных школ (и, следовательно, различных традиций) мастеров рунического письма, различных традиций рунической палеографии. На основании вышеизложенного можно лишь отчасти согласиться с категорическим утверждением К. Марстрандера: «Совершенно неверно, что написание *-ija-* обязательно предполагает наличие предшествующего долгого слога»⁸. Если закон Зиверса–Эджертона вообще не действовал в руническом койне, то тогда остается совершенно непонятным, чем было вызвано чередование *-ja-* и *-ija-* в многочисленных вышеприведенных примерах. К. Марстрандер прав в том, что в рунических надписях рефлексы данного закона не получали однозначного графического отображения. Сам К. Марстрандер взвешивает возможность интерпретации *gudija* как *gundija*, но в таком случае данная форма не может быть выведена из **gunþija*, ибо др.-норв. *Gunni* предполагает *gunþi*. Следовательно, пестрота в графическом отображении рефлексов закона Зиверса–Эджертона в руническом койне свидетельствует не об эффективности или неэффективности данного закона в языке рунических надписей, но о том, что собственно лингвистическая сторона проблемы в данном случае отягощена соображениями палеографического характера.

§3. К вопросу о готском *þrije*. Особого рассмотрения требует вопрос о руническом числительном *þrijoR* (Тюне) ‘три’ (им.п. мн.ч. ж.р.) и готской форме *þrije*. В сравнительной грамматике германских языков форма готского род.п. числительного ‘три’ *þrije* не получила удовлетворительного объяснения⁹. На фонологическом уровне следовало бы ожидать **þriddje* с закономерным рефлексом закона Хольцмана; ср. готск. *twaddje* ‘два’, др.-исл. *tveggja*, д.-в.-н. *zweio*, общегерм. *twajjōn* и др.-исл. *þriggja* ‘три’, д.-в.-н. *drīo*, общегерм. *þrijjōn*. Остаётся неясным

⁷ E. Harding. *Språkveteuskapliga problem in ny belysning*, I. Lund, 1937, стр. 52 и сл.

⁸ C.J.S. Marstrand. *Rosselandssteinen*. «Universitetets i Bergen Årbok». 1951, стр. 29; Он же. *De nordiske runeinnskrifter i eldre alfabet*, I. «Viking». Oslo, 1952, стр. 41.

⁹ Ср.: E. Kieckers. *Handbuch der vergleichenden gotischen Grammatik*. München, 1960, стр. 174–175; W. Krause. *Handbuch des Gotischen*. München, 1953, стр. 178.

отсутствие симметричного построения в готском языке: готск. *twaddje*, но *þrije* при др.-исл. *tveggja*, *þriggja*. Объяснение данной аномалии в готском языке, предложенное Р. Траутманом¹⁰, является совершенно неудовлетворительным. Р. Траутман исходит при анализе готск. *þrije* и др.-исл. *þriggja* из германских акцентных отношений, считая вместе с Ф. Бехтелем, что действие закона Хольцмана сказывалось лишь в том случае, когда акцент падал на слог, следовавший за *i* и за *u*. Не говоря уже о том, что данная интерпретация наталкивается на ряд непреодолимых затруднений, как раз в отношении готск. *þrije* индоевропейский материал, приводимый Р. Траутманом, свидетельствует против его объяснения; ср. др.-исл. *þriggja*, греч. *τριῶν*; ср. готск. *þrije*, др.-инд. (вед.) *trīnām*. Р. Траутман в данном случае не учитывает литовской формы, но лит. *trijū*¹¹ в согласии с данными древнеиндийского¹² и греческого языков свидетельствует об окситонезе в общиндоевропейском.

В этом плане вряд ли доказательно указание Р. Траутмана на то, что готск. *þrije* возникло из герм. **trīōn* (очевидно, **þrīō?*). Поэтому представляется желательным найти ему иное объяснение.

Весьма instructивным представляется нам сравнение с древнеисландским языком и соположение формы количественного и порядкового числительного. Ср. др.-исл. *þriggja* ‘три’ и *þridja* ‘третий’ (род.п.). Следовательно, формы количественного и порядкового числительного были чётко дифференцированы. Иначе обстояло дело в готском языке, где засвидетельствованы следующие формы порядкового числительного ‘три’¹³: м.р. им.п. *þridja*, д.п. *þridjin*, вин.п. *þridjan*, ж.р. им.п. *þridjo*, ср.р. (в наречной функции) *þridjo* ‘в-третьих’. Форма род.п. мн.ч. **þridje* не засвидетельствована, но её структурное оформление не вызывает никаких сомнений. В том случае, если бы в готск. *þrije* оказался реализованным рефлекс закона Хольцмана, мы должны были бы иметь одну и ту же форму **þriddje* (и **þridje*) для количественного и порядкового числительного. То, что фонологическое развитие *-jj* в др.-исл. (*~ggj*) и в готск. (*-ddj*) имело различные последствия, объясняет наличие формы с рефлексом закона Хольцмана в др.-исл. *þriggja* и отсутствие формы с рефлексом закона Хольцмана в готск. *þrije*. Следовательно, ведущими здесь оказались морфологические факторы, которые определили структурный облик готск. *þrije*, являющегося на уровне фонологии аномальным

¹⁰ R. Trautmann. Germanische Lautgesetze in ihrem sprachgeschichtlichen Verhältnis. Kirchhain, 1906, стр. 48.

¹¹ J. Endzelynas. Baltų kalbų garsai ir formos. Vilnius, 1957, стр. 142.

¹² J. Wackernagel – A. Debrunner. Altindische Grammatik, III. Göttingen, 1930, стр. 346.

¹³ M. Jellinek. Geschichte der gotischen Sprache. Berlin–Leipzig. 1926, стр. 141.

образованием, но совершенно оправданным образованием на уровне морфологии.

§ 4. Характеристика слова как особой структурной единицы в руническом койне может определяться конститутивными признаками одного (именно лексического) уровня, а также определенным набором констант различных уровней; руническое слово характеризуется на уровне фонемике значительной автономностью слога, на уровне морфемике — предельной четкостью морфемной членности, наличием прозрачных морфемных швов, что имеет следствием значительное сокращение морфемных пограничных сигналов, которые становятся избыточными. Абсолютное начало и абсолютный конец рунического слова (т. е., по Вайнриху, переход от паузы к ритмической группе и переход от ритмической группы к паузе¹⁴) характеризовались в основном набором одних и тех же фонем, однако с некоторыми существенными ограничениями.

Фонема-графема *R* имела следующую дистрибуцию: 1) она допускалась в абсолютном исходе слова, а также 2) в интервокальной позиции, но была 3) недопустима в начале слова, 4) допускалась после согласного, но не перед согласным. Ниже даются примеры на все вышеуказанные позиции: 1) rauniĵaR (Эвре Стабу); laukaR (Флёксанн); halaR (Стенстад); sijosteR (Тюне); erilaR (Линдхольм); frawaradaR, slaginaR (Мейебру); runoR (Чюрко); haukoĵuR (Вонга); 2) HraRaR (Рё); aRina (Бю); hroRaR (Бю); haraRaR (Эйдсвог); 4) tAitR (Твейто); ... alhR (Маглемосе; чтение неясно); AfatR (Истабу). На основе дистрибутивного анализа фонему-графему *R* в руническом койне можно рассматривать — в терминах Трубецкого¹⁵ — как ограниченный односторонний отрицательный сигнал, т.е. как сигнал, отрицающий начало слова. Э. Салбергер¹⁶ предлагает интерпретировать руническую фонему-графему *R* как показатель словораздела (Worttrennungsmidizium). Автор указывает на то, что примерно в 110 словах *R* встречается в исходе слова и примерно в пяти словах — в интервокальной позиции. Но именно наличие *R* в интервокальной позиции заставляет отдать предпочтение данному выше объяснению.

Значительные затруднения представляет анализ *h* в руническом койне. Несмотря на имеющееся небольшое, но обстоятельное исследование С. Эйнарсона¹⁷, посвященное фонеме *h* в руниче-

¹⁴ Н. Weinrich. Phonologie der Sprechpause, «Phonetica», VII, 1961, стр. 5.

¹⁵ См.: Н.С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 317–318.

¹⁶ E. Salberger. Die Runogramme der Goldbrakteaten von Väsby und Äskatorp. Lund, 1956, стр. 130–131.

¹⁷ St. Ejnarsson. The value of initial *h* in Primitive Norse Runic inscriptions. «Arkiv», Bd 50, Н. 1–2, 1934; см. также: М. Kristensen. Folkemål of Sproghistorie. København, 1933, стр. 65–78; Н. Andersen.

ских надписях, остаётся невыясненным наличие аллофонов у данной фонемы и их распределение в различных позициях. Кроме того, во многом неясно соотношение фонемы *h* и графемы *H* в руническом, поскольку в отдельных случаях есть основание полагать, что графема *H* выступала, или во всяком случае могла выступать, в виде аннулятора гиата (*Hiatustilger*). Если можно согласиться с С. Эйнарссоном в том, что в абсолютном начале слова фонема *h* обозначала *x*, то её реализация в исходе слова остается неясной; ср. *aih* (Мюклебюстад; интерпретация представляет большие затруднения); *eiñ* (Оверхорнбек; написание и интерпретация неясны); в этой связи следует указать на то, что остается совершенно неясным, в какой мере в руническом сакральном слове *alu* следует принимать отпадение конечной фонемы *h*, как то в категорической форме постулируется В. Краузе¹⁸. Ещё более неясным является вопрос о *h* как аннуляторе гиата. Примеры, приводимые В. Краузе — *marihai* (Ви; со знаком вопроса у В. Краузе); *frohila* (брактеат из Дарума); *susihe* (Нулебю; со знаком вопроса у В. Краузе); *niuha*—*niuha* (Стентофта), — все без исключения допускают столь различную интерпретацию, что не представляется возможным использовать данный материал в отношении графического обозначения гиата в рунических надписях¹⁹. Не представляется также возможным установить, какие аллофоны *h* были реализованы в рунических надписях в интервокальной позиции; ср.: *haha* (Стрём); *faihido* (Эйнанг); *fahi* (брактеат из Осума); *fahido* (Рё); *hariuha* (брактеат из Зееланда). Можно только предполагать на основании дальнейшей истории фонемы *h* в скандинавских, а также и в других германских языках (но не на основании самого рунического материала), что, по всей вероятности, в руническом койне первоначально дистрибуция фонемы *h* была одинаковой в любой позиции, а в дальнейшем, возможно, в рунических надписях переходного периода (т. е. в VII–IX вв.) в интервокальной позиции и в позиции абсолютного начала слова утвердился аллофон *h* данной фонемы, а в позиции перед или после согласного и в абсолютном исходе слова — аллофон *x* данной

Om tiden for assimilationen af *ht* til *tt*. «Arkiv», Bd 75, N. 1–4, 1960, стр. 250–251.

¹⁸ W. Krause. Runeninnschriften..., стр. 663.

¹⁹ О *marihai* см.: С. J. S. Marstrander. De nordiske runemnskrifter..., I, стр. 37–44; L. Jacobsen, E. Moltke. Danmarks Runeindskrifter. Text. København, 1942, стр. 243–244; о *frohila* см.: С. J. S. Marstrander. Rosselandssteinen, стр. 36 (предлагается чтение *frodila* с ошибочным написанием *d* и сопоставляется с д.-в.-н. *Fruotilo*). В. Краузе (W. Krause. Runica, III. — NGAW, 9, 1961, стр. 274), по всей вероятности, не принимает предположения К. Марстрандера, ибо по-прежнему настаивает на том, что *h* в *Frohila* является аннулятором гиата; о *susihe* см.: E. Svärdröm. Västergötlands runinskrifter, 3. Uppsala, .1958, стр. 92–100 (даётся чтение *susih*); о *niuha/niuha* см.: С. J. S. Marstrander. De nordiske runeinnskrifter..., I, стр. 114–132.

фонемы. Именно в этом переходном периоде дистрибуцию аллофонов *h* и *x* можно рассматривать как сигналы маркировки конца/начала слова или, как их называет Трубецкой²⁰, в качестве афонематических пограничных, сигналов, взаимно отрицающих начало или конец слова: *h* можно рассматривать как ограниченный односторонний отрицательный сигнал в отношении конца слова, а *x* — как тот же сигнал в отношении начала слова.

В связи с дистрибуцией фонем *h* и *R* в руническом слове и их использованием в качестве пограничных сигналов неизбежно встаёт вопрос о позиции нейтрализации в руническом слове. К сожалению, относящийся сюда материал древнейших рунических надписей настолько фрагментарен, что не представляется возможным сделать какие-либо общие выводы на основе данного материала. Можно указать лишь на следующие формы: Alawid (брактеат из Скюдборга)²¹; birg (Упедал; чтение и интерпретация данной формы и всей надписи в целом до сих пор остаются неясными; последняя попытка интерпретации данной надписи, принадлежащая Х. Андерсену²², вряд ли может рассматриваться как дающая окончательное решение вопроса). На основании позднейших данных, относящихся к истории скандинавских языков, можно заключить, что процесс оглушения конечных звонких согласных ещё не наступил в руническом койне: первые примеры оглушения конечных согласных встречаются лишь в рунических надписях переходного периода; ср. wArb, ob, laṭ, fokl (рунический камень из Эггьюма). Единственным примером нейтрализации контраста глухой–звонкий в конечной позиции могли бы являться gibu (брактеат из Зееланда); gAf (Стентофта), который можно было бы сопоставить с готским; giban ~ gaf. Но данный рунический пример оказывается призрачным, ибо форма gAf засвидетельствована в рунической надписи переходного периода²³. Не приходится объяснять, что рунические надписи эпохи викингов, выполненные младшим руническим алфавитом, ничего не дают в отношении проблемы нейтрализации, ибо в них контраст глухих–звонких согласных оказался иррелевантным в самой системе графики. Следовательно, и с этой точки зрения можно прийти к выводу о том, что абсолютное начало и абсолютный конец рунического слова характеризовались примерно одним и тем же набором фонем (см. выше).

§ 5. Цементирование морфем, допускающих свободное вычленение в иерархически высшей структурной единице — слове,

²⁰ См.: Н.С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 302–303.

²¹ О данном имени см.: E. Wessén. De nordiska folkstammarna i Beowulf. Stockholm, 1927, стр. 40; A. Janzén. The provenance of Proto-Norse personal names II. «Names», II, 1954, № 3, стр. 173.

²² H. Andersen. Opedalstenen. — NTS, XIX, 1960.

²³ М. Кристенсен (M. Kristensen. Указ. соч., стр. 76–77) считает возможным отнести процесс оглушения звонких спирантов в конечной позиции к эпохе древнейших рунических надписей («tidlig urnordisk»).

могло идти различными путями в языках, в которых один и тот же набор фонем и некоторых супрасегментных признаков мог быть в акцентно-сильных и акцентно-слабых слогах. В руническом слове акцентно-сильные и акцентно-слабые слоги имели один и тот же набор фонем, и можно смело полагать, что некоторые супрасегментные черты, особенно долгота, характеризовались одинаковой дистрибуцией в акцентно-сильных и акцентно-слабых слогах; ср.: *fino*, *saligastiR* (Берга); *vidugastiR* (Сунде); *alu* (брактеат из Дарума); *faihido* (Эйнанг); *aluko* (Ферде); *tawido* (Галлехус); *runoR* (Ерсберг); *magu*, *minino*, *hlaiwido* (Къелевиг); *ha(i)teka* (Линдхольм); *frawaradaR* (Мейебру); *runo*, *fahi*, *raginaku(n)do* (Нулебю); *ungandiR* (Нурдгуглен); *swestar minu liubu meR wage* (Упедал); *satido* (Рё); *igijon* (Стенстад); *-hAborumR*, *-hagestumR* (Стентофта); *leþro* (Строруп); *þrawijan*, *haitinaR* (Танум); *kunimu(n)diu wurte runoR an wallhakurne* (Чюрко); *wajemariR* (Торсбьерг); *wiwaR after woduridewita(n)dahalaiban worahto* (Тюне); *la(n)dawarijaR* (Тервикен); *agila-mu(n)don* (Росселанн); *haukoþuR* (Вонга); *makia* (Ви).

В руническом койне цементирование морфем в слово осуществлялось на основе контрастного противопоставления главного и второстепенного ударения при доминанте главного ударения. В данной акцентной оппозиции маркированным членом было главное ударение, а немаркированным членом — второстепенное ударение. В рунических поэтических отрезках маркированность главного ударения находила выражение и поддержку в принципах германской аллитерации. С этой точки зрения языковые единицы, имевшие в отношении акцентной структуры лишь второстепенное ударение (так называемые служебные слова, предлоги), в руническом койне являлись частью фонетического слова и не могли рассматриваться как структурно оформленные самостоятельные единицы. Возможно, что в отдельных случаях их несамостоятельность находила даже графическое отображение; ср. *ni s solu sot* (Эггьюм); если следовать конъектуре К. Марстрандера²⁴, то в надписи *ek erilaR asugisalas muha haite* (Крагегуль) следует читать: *uha haite*, а (m) является графическим сокращенным выражением вспомогательного глагола *em/im.

Столь значительная роль акцентного фактора в цементировании морфем в руническое слово, несомненно, связана с использованием весьма ограниченного набора морфемных и словесных пограничных сигналов. Это находит объяснение как в особенностях самой германской акцентной системы (наличие фиксированного ударения, закрепленного как правило на первом слоге слова, наличие значительного количества слогов с гласными полного образования и имевших подвиды второстепенного ударения, в связи с чем

²⁴ C.J.S. Marstrander. *De nordiske runeinnskrifter...*, I, стр. 30–31.

акцентный рисунок слова приобретал решающее значение в самой организации слова), так и в особенностях морфемного состава рунического слова, представлявшего структуру, которая могла иметь значительное количество слогов: трех-четырёх-пятисложные структуры слова — обычное явление в руническом койне; ср.: *agilamu(n)don* (Росселанн); *wita(n)dahalaiban* (Тюне); *frawaradaR* (Мейебру); *kunimu(n)diu* (Чюрко); *stainawarijaR* (Pë); *hlewagastiR* (Галлехус). Тем самым организующие функции акцентного фактора в руническом слове вырисовываются со всей определённой.

§ 6. Представляет большую познавательную ценность сопоставление приёмов морфемного цементирования в руническом слове с приёмами, употребляемыми в других языках и языковых семьях. Подобное соположение не только помогает контрастно оттенить приёмы морфемной спайки в подлежащем описанию языке, но даёт одновременно возможность определить типологию структуры слова в данном языке. Описывая явления морфемной спайки в более крупные единицы, И. А. Бодуэн де Куртене отмечал, что гармония гласных в туранских языках служит, так сказать, цементом, соединяющим или связывающим слоги в слова. В ариоевропейских языках эту роль соединения слогов в слове играет прежде всего ударение.

Оформление слова как особой структурной единицы в древнеиндийском языке имеет ряд отличительных черт, полярно противоположных приёмам морфемной спайки в руническом слове. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в индийской грамматической традиции, во всяком случае в некоторых её проявлениях, в качестве основной единицы языка исследовалось предложение²⁵, а слово рассматривалось как нечто вторичное, производное по отношению к предложению, как то, что искусственно вычленялось из предложения или ритмической группы. Бхартрхари в своем трактате «*Vākyapādīya*» указывал на то, что «в звуковой единице её конструктивные признаки не имеют самостоятельного существования точно так же, как звуковые единицы не имеют самостоятельного существования в слове, а слова не имеют существования вне предложения»²⁶. В фонетических описаниях в качестве исходной единицы выбиралась ритмическая (или «дыхательная») группа: *ekarṣāna–bhava*²⁷. Отношение между двумя редакциями ведических текстов — «*Samhitā*», где основной единицей было предложение или ритмическая группа, и «*Pada*», где основной еди-

²⁵ См.: W.S. Allen. *Phonetics in ancient India*. Oxford, 1953, стр. 9. В дальнейшем все цитаты из древнеиндийских трактатов, а также их перевод даются по данной работе; следует иметь в виду также книгу Л. Рену (L. Renou. *Terminologie grammaticale du Sanscrit*. Paris. [1956]).

²⁶ W.S. Allen. *Phonetics in ancient India*, стр. 9.

²⁷ Там же.

ницей было изолированное слово²⁸, в трактате «Ṛk-Prāṭisākhya» выражено следующим образом: *saṃhitā padaḥ prakṛtiḥ*, что делает возможной двоякую интерпретацию: или *saṃhitā* — основа *pada*, или *pada* — основа *saṃhitā*²⁹, однако вряд ли можно сомневаться в том, что индийскими грамматиками именно *saṃhitā* рассматривалась как основа *pada*. В отношении слов как самостоятельных единиц есть прямое указание в трактате «Atharva-prāṭisākhya», где говорится о том, что «изучение изолированных слов предназначено для обучения правилам начала и конца слов (т.е. правилам сандхи), их правильной формы, их тона и их значения»³⁰.

В этой связи следует указать на то, что явления внешнего и внутреннего сандхи (или, в иных терминах, морфемные и словесные пограничные сигналы в древнеиндийском слове) для древнеиндийских грамматистов были принципиально тождественны или, как это выражено в «Ṛk-Prāṭisākhya»: *apratyāmuṣye padavac sa padyān* («в случае, если это не относится к противоположному, части слова следует анализировать так же, как слова»)³¹. В трактате «Vājasaneyi-prāṭisākhya» то же самое выражается так: *avagrahaḥ padāntavat* («правила, применимые к изолированным словам, относятся и к морфологическому анализу»)³². В то же время принципиально важно, что с точки зрения типологической классификации, предложенной Н. С. Трубецким³³, к языкам, в которых морфемные и словесные пограничные сигналы тождественны, можно отнести руническое койне, в котором морфемные и словесные пограничные сигналы в основном того же порядка, но не древнеиндийский, в котором весьма значительной морфемной вариантности пограничных сигналов противостоит ограниченное количество словесных пограничных сигналов. В. Аллен разграничивает в своём обстоятельном и интересном исследовании³⁴ соответственно морфолексические и морфофонематические альтернации и видит причину ограничения словесных пограничных сигналов в известной слабости конечной позиции в древнеиндийском языке. По В. Аллену, это вызвано тем, что конечные отрезки допускают в значительной степени предсказуемость последующих элементов и становятся тем самым избыточными. То, что маркирует древнеиндийское изолированное слово, — это его пограничные сигналы, сигналы абсолютного начала и конца слова. Приходится особо

²⁸ Там же, стр. 10.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 65.

³² Там же.

³³ Н.С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 321–325.

³⁴ W.S. Allen. *Sandhi* («*Jamia linguarum*», XVII). 's-Gravenhage, 1962, стр. 14–19.

подчеркнуть весьма значительное количество и разнообразие пограничных сигналов в древнеиндийском слове³⁵.

Можно без преувеличения утверждать, что структурная оформленность слова в древнеиндийском языке в его изолированном положении создавалась наличием определенных пограничных сигналов; в несомненной связи с этим находится практика индийских лексикографов, исходивших в своих списках или из корня, или из основы, но не дававших исходную форму слова (им.п. ед.ч.), подверженную различным правилам внешнего сандхи. Весьма примечательно, что собственно акцентная характеристика слова (а в политоническом языке, каковым являлся древнеиндийский, таковой была тональная характеристика) играла значительно меньшую роль. Это объяснялось не только тем, что наличие (отсутствие) одного из трёх древнеиндийских тонов (удатты, анудатты, свариты) было сопряжено с характеристикой слога, а не слова и тем самым тональная характеристика не имела и не могла иметь акцентно-организующую или кумулятивную функцию, но и тем, что наличие значительного количества словесных пограничных сигналов сужало функции тональной характеристики слова. Нетрудно заметить, что в этом отношении структура древнеиндийского слова полярно противоположна структуре рунического слова. На основании сравнения двух словесных структур — древнеиндийской и рунической — можно установить следующую закономерность: 1) максимальная акцентная организация слова предполагает наличие минимального количества пограничных сигналов; 2) минимальная акцентная характеристика слова предполагает наличие максимального количества пограничных сигналов.

Подтверждением данного постулата, помимо вышеприведенных соображений, является также то, что в древнеиндийском языке с акцентной точки зрения предложение и слово могли иметь тождественную характеристику³⁶; это положение немислимо и недопустимо в таких языках, как германские, в которых акцент имел словесно-организующие функции и в которых слово получало акцентно иную характеристику, чем ритмическая группа или предложение. Акцентно-структурная организация слова в германских языках, а также, насколько можно судить по поэтическим отрезкам, и в руническом койне, характеризовалась наличием одного главного ударения, противопоставленного всем прочим акцентным типам. Наличие двух (и более) главных ударений уже свидетельствовало о том, что речь идет о структурах иерархически высшего порядка — о словосочетании или о фразе. Первый

³⁵ См.: J. Wackernagel. *Altindische Grammatik*, I. Göttingen, 1957; F. Sommer. *Zum vedischen Sandhi*. «Festschrift für W. Streitberg». Heidelberg, 1924; W.S. Allen. *Sandhi*.

³⁶ J. Wackernagel. *Altindische Grammatik*, I, стр. 292.

слог слова как правило являлся акцентно-кумулятивным центром структуры слова в германских языках; он являлся акцентной доминантой, по отношению к которой все прочие слоги слова с иным акцентным весом располагались в порядке нисходящей градации. Весьма примечательна и в данном случае контрастная характеристика древнеиндийского слова, которое, правда, в довольно ограниченном количестве случаев могло иметь два главных ударения (т. е. два слога с удартой: ср. вед. *étavái* 'идти', *súbhás-ráti* 'господа украшения')³⁷. Более подробно данные вопросы, а также проблема автономности слова рассматриваются в работе автора «Структурное оформление слова в индоевропейских языках» (рукопись).

§ 7. О языке рунических надписей переходного периода (VI–VIII вв.) наблюдаются значительные преобразования структуры слова, что было подготовлено и обусловлено тем, что в силу действия различных фономорфологических факторов автономия слога уступила место контрастному противопоставлению ударных и неударных слогов с иным набором фонем и иной супrasegmentной характеристикой в ударных и безударных слогах; ср.: *hAerAmAlAusR*, *bArutR* (Бьеркеторп; ср. форму *bAriutiþ* в надписи из Стентофты); *hAþuwolAfR*, *hAriwolAfR* (Стентофта); *AfatR* (Истабю); *stAin*, *fiskR*, *fokl* (Эггьом); *orte* (Бю).

Контрастное противопоставление главного и второстепенного ударения, которое в руническом койне было использовано не только при цементировании морфем в слово, но которое также обладало морфемной релевантностью, ибо, структурно оформляя слово, оно одновременно являлось показателем иерархии морфем в составе слова, продолжало сохраняться в языке рунических надписей переходного периода, но отныне уже преимущественно в функции добавочной характеристики на фоне фонемно- и морфемнорелевантного противопоставления ударных и неударных слогов³⁸.

В основе вышеизложенных соображений о структуре рунического слова лежало представление о том, что субстратом тех морфологических и фономорфологических процессов, экспонентами которых выступают морфемные и словесные пограничные сигналы, являются различные антропофонические и фонологические факторы. Известно, что явлениям внутреннего и внешнего сандхи может быть дана интерпретация как в терминах фонологии, так и в терминах морфологии³⁹. Известно также, что могут быть

³⁷ Там же, стр. 287.

³⁸ В данной главе оказались вне рассмотрения два вопроса: явления эпентезы в руническом слове и фономорфологические варианты рунического слова. Эти вопросы рассматриваются в гл. III.

³⁹ См.: I. Lehiste. An acoustic-phonetic study of internal open juncture. «Phonetica», V, 1960 (Suppl.); N. Chomsky, M. Halle, F. Lukoff. On accent and juncture in English. В сб.: «For Roman Jakobson».

такие явления внешнего сандхи, которые не совпадают с морфемными границами⁴⁰ и тем самым настоятельно требуют их интерпретации на уровне антропофонии или фонологии, но материал древнейших рунических надписей настолько фрагментарен, что дает возможность наиболее эффективного анализа преимущественно в фономорфологических и морфологических терминах. К этому остаётся добавить, что автор данной работы склонен разделять взгляд, согласно которому истинная природа пограничных сигналов, независимо от их происхождения, раскрывается лишь на уровне фономорфологии и морфологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Руническое письмо явилось одним из крупнейших культурных завоеваний германских племен на заре эпохи переселения народов. Один из изводов североиталийских алфавитов был переработан проницательным и творчески высокоодаренным основателем рунического письма и приспособлен к фонологической системе германских племенных диалектов. Как это свойственно любому заимствованному алфавиту, руническое письмо с самого начала совмещало в себе два принципа: южноевропейский и германский. С одной стороны, здесь была представлена традиционная графическая система и палеографические приёмы, отражавшие накопленный столетиями и даже тысячелетиями опыт письменной фиксации многочисленных и разносистемных языков Европы и Азии, передаваемый от одного народа другому, а с другой, началась попытка адекватно отразить особенности фонологического строя древних германских диалектов. Такие отличительные признаки рунического письма, как отсутствие обозначения количества у гласных фонем, отсутствие долгих согласных, наличие комбинированных рун, при стыке двух гоморганных фонем обозначение их при помощи одной руны, спорадическое присутствие колометрического принципа, необозначение носового согласного перед гоморганным смычным согласным, — являлись традиционными палеографическими приемами, завещанными южноевропейскими и североиталийскими алфавитами общегерманскому футарку. Очевидно, той же графической традицией объясняется присутствие в руническом письме руны *é* и руны *ŋ*, которые с точки зрения германской фонологической системы были излишни, ибо руна *é* обозначала, по всей вероятности, долгую гласную фонему, в то время как количество гласного, как уже отмечалось, в руническом письме не находило отражения, а руна *ŋ* обозначала или фонему *ŋ*,

⁴⁰ s-Gravenhage, 1956; K. Pike. Interpenetration of phonology, morphology and syntax. «Proceedings of the 8-th International congress of linguists». Oslo, 1958; Ch. Hockett. A course in modern linguistics. New York, 1958.

⁴⁰ См.: W. Moulton. Juncture in modern standard German. «Language», Bd 23, 3, 1947.

или сочетание гласного *i* и фонемы *ŋ*, т. е. *iŋ*. Не удивительно, что данные руны всегда занимали маргинальное положение в руническом письме, имели весьма ограниченное употребление, а руна *ŋ* могла замещаться сочетанием рун *n+g*. За вычетом этих особенностей руническое письмо с удивительной точностью отражало особенности фонологического строя германских языков. Наличие довольно значительного количества графических вариантов отдельных рун в различных германских ареалах, а также хронологически последовательные модификации отдельных рун указывают, по всей вероятности, на то, что распространение рунического письма на континенте и в Скандинавии происходило из нескольких центров, что заставляет предполагать наличие ряда школ рунического письма. В настоящее время не представляется возможным более точное определение различных школ рунического письма. Опыт и некоторые соображения, извлекаемые из замечательного исследования Э. Брате, посвященного шведским руническим мастерам эпохи викингов, не могут быть непосредственно применены к материалу старших рунических надписей. Здесь предстоит ещё большая работа, преимущественно связанная с созданием рунической палеографии, которая позволит более или менее точно определить, что в графике рунического письма следовало отнести к традиционным по своему происхождению негерманским палеографическим приемам и что следовало рассматривать как инновации рунических мастеров, имевших дело не только с завещанными сакральными формулами, руническими штампами и стереотипными фразеологизмами, но и с живым языком или живыми языками, разбросанными на огромной территории. Это позволит поставить вопрос о степени воздействия локальных особенностей на старшие рунические надписи и о различных причинах и условиях постепенного, но неуклонного преобразования рунического письма. Наддиалектный, литературный характер рунического койне не только не снимает, но даже предполагает возможность вкрапления в него отдельных локальных языковых черт. Выяснение данного вопроса тесно связано с другим не менее важным вопросом о том, в какой степени исследователь должен принимать во внимание возможные ошибки, опiski, пропуски и другие небрежности в тексте различных старших рунических надписей. Данный вопрос, на важность которого со всей определенностью указывал еще Х. Андерсен, должен стать предметом специального и обстоятельного исследования. Достаточно указать на то, что отсутствие подобного детального исследования остро ощущается при решении вопроса о том, в какой мере надписи на брактеатах, известные своими многочисленными искажениями, допускают осмысленную интерпретацию и в какой мере в них следует усматривать подчас искаженную до неузнаваемости копию не дошедшего до нас оригинала, который мы в отдельных случаях в состоянии восстановить. Следовательно, задачей первостепенного значения, от которой

зависит будущее рунологии, является создание рунической палеографии, на основе которой можно будет приступить к попытке новой и углубленной интерпретации старших рунических надписей. Рунология, если она не хочет превратиться в скопище беспочвенных и бесплодных фантастических построений, которых в её истории было немало, может и должна стать такой же точной и строгой дисциплиной, каковой является сравнительная грамматика германских языков. Быть может, весь смысл данной книги заключается в положении, неоднократно проходившем на её страницах, что душой рунологии являются палеография и сравнительная грамматика германских языков.

Добавление

Летом 1963 г. сотрудниками Исторического музея в Ольборге были произведены раскопки в районе Нёвлинг (Эстхиммерланд, Ютландия, Дания), причем среди других находок была обнаружена пряжка с рунической надписью⁴¹. Э. Мольтке⁴² посвятил данной находке статью, где приводится снимок пряжки с рунической надписью и дается следующее чтение и интерпретация: *bidawarijaz talgidai*.

Первое слово обозначает имя собственное и может быть прочитано на основании норм рунической графики как *bīdawarijaz* или *bīdawarijaz* или *bindawarijaz*. Второе слово является скорее всего, формой 3 л. ед.ч. прош. вр. глагола **talgjan* ‘вырезать’. Перевод: ‘Б. вырезал (руны?)’. Окончание *-ai* в глагольной форме вместо закономерного окончания *-e* (ср. стр. 112) Э. Мольтке объясняет тем, что рунический мастер в оригинале (на дереве?) выписал небрежно последнюю руну *ᛞ* (e), которую ювелир передал на пряжке в виде *ᛞ* (ai). Хронологическую соотнесенность надписи Э. Мольтке не рассматривает. Возможно, III–VI вв.

⁴¹ O. Marseen. *Lundegaarde-gravpladsen fra yngre romersk jernalder*. «Kuml, 1963», Århus, 1964, стр. 33–36.

⁴² E. Moltke. *Runeindskriften på rosetfibulen fra Nøvling*. «Kuml, 1963». Århus, 1964, стр. 37–41.

Часть вторая

МАТЕРИАЛЫ

Раздел I

КОРПУС ДРЕВНЕЙШИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

А. НАДПИСИ

Условные знаки, употребляющиеся при транслитерации старших рунических надписей

Точка под руной, например цwinaR (I, 3), означает, что сохранившаяся руна допускает различное чтение. Приводится наиболее вероятное чтение.

× Означает пробел в надписи, указывающий на наличие не сохранившейся одной или нескольких рун.

A, B, G, D. Буквы обозначают поверхность (сторону — передняя, боковые, задняя) камня (кости, металла), на которой нанесена руническая надпись.

/ Косая черта обозначает границу строки рунической надписи и перенос на другую строку.

^ Горизонтальная скобка обозначает комбинированные руны [например, aR (I, 11)].

[] Квадратные скобки обозначают конъектуры соответствующих частей рунического слова, допускающих различное толкование.

... Точки означают, что начало или конец рунической надписи не сохранились.

? Знак вопроса означает, что чтение всей надписи и её толкование совершенно неясно.

∴ Вертикальные точки передают употребляющийся изредка словораздел в рунических надписях.

è Обозначает руны L .

№	Название надписи	Текст надписи	Комментарии и перевод
1	Aquincum	a) jlain : kꝛja	Неясно. Попытку истолкования см.: Krause 1962, стр. 439–444; Krause 1964, стр. 357–358
»	»	b) fuþarkgw	Восемь рун старшего футарка
2	Amle	-xiRhaiwidaRþar	Начало надписи не сохранилось. Возможно, ‘... похоронен здесь’
3	Årstad	a) hiwigaR	Неясно; б.м., имя собств. ‘Хивигарь’
»	»	b) saralu	Рун. сакр. слово
»	»	c) uꝛwinaR	Б.м., имя собств. ‘Унгвинарь’ (род.п. ед.ч.)
4	Balingen	dnloamilu	Возможно, два им. собств.: ‘Данило’ и ‘Амилу’
5	Barmen	ekþirbijaRꝛu	Возможно, имя собств., т.е. ‘я, Тирбийаз’. Остальное неясно
6	Belland	keþan	Имя собств. ‘Кетан’ (б.м., род.п. ед.ч.)
7	Berga	a) saligastiR	Имя собств. ‘Салигастиз’
»	»	b) fino	Имя собств. ‘Фин(н)о’
8	Beuchte	a) fuþarzj	Семь рун старшего футарка
»	»	b) buirso	Возможно, имя собств. ‘Бурисо’
9	Björketorp	a) hAidR runoronu/ fAlAhAkhAiderAg/ inArunAR ArAgeu/ hAerAmAlAusR/ utiAR . welAdAude/ sARþAtbArutR	Толкование отдельных слов не совсем ясно. ‘Я спрятал здесь могучие руны. Да будет тот во власти беспокойства и беспутства, да погибнет тот коварной смертью, кто это разрушит!’

№	Название надписи	Текст надписи	Комментарии и перевод
9	Bjorketorp	b) uḫArAbAsbA	‘Зловещее предзнаменование’
10	Bo	hnabūdashlaiwa	‘Могила Хнабда’
11	Bratsberg	ekerilaR	‘Я, эриль’
12	Breza	fuparkgwhnijēpzsteml	Руны старшего футарка
13	Bülach	frifridil/du/ftmḫ	Имя собств. ‘Фрифридиль’
14	By	a) ēkirilaRhroRaR- hroReRortēpataRi- naṽtalaif.ṽdR	‘Я, эриль Хрорарь, сын Хрорера, сделал эту жертвенную плиту’. Конец надписи неясен
	»	b) rmḫè	Неясно
15	Charnay	a) fuparkgwhnijēpzstbem	Руны старшего футарка
		b) uḫḫḫai:īd / dan:īlano	Неясно
16	Dahmsdorf	ranja	Возможно, ‘пронзающий’ (об оружии)
17	Eggjum	a) nissolusotuknisAk- sestAinskorini[sAti]māR- nAkḁanīsnArḫiRniwiltiR- mānRLAgi[ḫ]ā	В толковании надписи много неясного. В интерпретации Лис Якобсен: ‘Камень не был (освещен) солнцем, и нож не коснулся его; (злые) волшебники не должны обнажить (камень), ни обманутые, ни ослепленные (колдовством)’
	»	b) hinwArbnAseu- māRmAdēḫAimkAi- bAibormoḫAhuni- huwARobkāmhAr- siahialātgotnA	‘Тот сотворил навье море (т.е. жертвенную кровь) и смазал им уключины утомленной от просверливания ладьи; кто пришёл сюда в страну коней’

№	Название надписи	Текст надписи	Комментарии и перевод
18	Ellestad	fiskRoR[flAinA]uim suemaðe foklifraḡ- nAilgAlandisAṭumisurki a) ekasigimaraRafs... karaisidoka stainaR	‘Рыба... плывущая’ ‘Птица... поющая... он погиб коварной смертью’ Много неясного, б.м., ‘Я Сигимарирь,... воздвигнул я. Камень’
»	»	b) kkkiiiikk	По всей вероятности, набор магических рун
19	Eidsvåg	haraRaR	Имя собств. ‘Харарарь’
20	Einang	...dagastiRrunofaihido	Начало надписи не со- хранилось. ‘...Дагастиз руны выписал’
21	Elgesem	alu	Рун. сакр. слово
22	Ems	madali ubada	Возможно, имя собств.
23	Engers	leub	‘Мадали’; второе слово неясно
24	Etelhem	mkmrlawrta a	‘Дорогой’, ‘милый’
25	Fløksand	linalaukaRf	Неясно. См. ч. II, разд. IV, s.v.
26	Førde	aluko	Рун. сакр. формула Не совсем ясно. Имя собств. ‘Алуко’? Рун. сакр. слово?
27	Freilaubersheim	bosowraetruna tṗda- lénagoliḡa	‘Босо начертил руны’. Остальное неясно. См. ч. II, разд. IV, s.v. daṑena
28	Friedberg	ṗuruphild	Имя собств. ‘Турутхильд’
29	Gallehus	ekhlewagastiRholti- jaRhornatawido	‘Я, Хлевагастиз из рода Холтиев, рог сотворил’
30	Gammertingen	adṗ	Неясно
31	Gårdlösa	ekunwodw	Не совсем ясно; б.м., ‘Я, Унвод’

№	Название надписи	Текст надписи	Комментарии и перевод
32	Gummarp	ḥaḥuwolAfA sAte štAḥAḥriafff	Возможно, ‘Хатувольфр поставил три руны’
33	Hainspach	lḥsṛ	Неясно
34	Hammeren	uulfpalfē	Неясно
35	Heilfingen	alīsr[i]hl[a]ḥawihu	Неясно
36	Herbrechtingen	fḥae	Неясно
37	Himlingeje I	hariso	Имя собств. ‘Харисо’ (м. или ж.р.?)
38	Himlingeje II	...widuhudaR	Имя собств. ‘Видуху(н)даз’
39	Himmelstadlund	ḥuaido	Неясно, см.: Kгаuse 1937, стр. 496
40	Istaby	AfatR hariwulafa ha- ḥuwulafR hAeruwulafir warAit runAR ḥAiAr	‘(В память) о Харивульфе Хатувильфр, сын Херу- вильфа, выписал эти руны’
41	Järsberg	ubaRhite:ḥarabanaR ḥait ekerilaR runoRwaritu	Возможно, ‘Я называюсь... Храбнар я называюсь, я, эриль, выписываю руны’
42	Kårstad	a) ekaljaḥarkīR	‘Я, чужеземец’
	»	b) baijsR	Неясно
43	Kinneved	siRaluḥ	Неясно
44	Kjølevig	hadulaikaR ekhagustadaR ḥḥaaiwido maguminino	‘Хадулайказ. Я, Хагустадаз, похоронил моего сына’
45	Körllin	alu	Рун. сакр. слово
46	Kowel	tilariḥis	Возможно, ‘нападающий’ (об оружии)
47	Kragehul I	... urna bera ... aau	Неясно Неясно
48	Kragehul II	ekerilaRasugisalas- muhahaitegagaga- ginugahelijahagalawijubig x	‘Я, эриль Ансугислы (есмь?), прозываюсь Уха’. Остальное неясно

№	Название надписи	Текст надписи	Комментарии и перевод
49	Krogsta »	a) mws1ei b) s1ainaR	Неясно Возможно, ‘камень’
50	Kylver	fuparkgwhnijpéztbemblydo sueus	Руны старшего футарка. Об этом слове см. разд. IV, s.v.
51	Lindholm »	a) ekerilaRsawilagaRhateka b) aaaaaaaarrnnn bmuttalu	‘Я, эриль, называюсь Савилагаз (?)’ Возможно, набор магических рун и рун. сакр. слово
52	Lousgård	𐌺𐌺𐌺𐌺	Чтение неясно. См.: Moltke 1956, стр. 1–8
53	Møgedal	laiþigaR	Возможно, имя собств. Лайтигаз
54	Möjebro »	a) frawaradaR b) anahahaislaginaR	Имя собств. Фраварадаз Неясно. В интерпретации Краузе ‘убитый на коне’ (Краузе 1937, стр. 572–573)
55	Mos	gaois	Неясно
56	Myklebostad »	a) asugasði b) Rḷxaiw̄a:aihiþroti- litixorumaḷxib × ×	Имя собств. Ансугасти Неясно. Ср.: Краузе 1937, стр. 548.
57	Næsbjærg	? waraf(au)s(a)	Неясно
58	Nedre Hov	ekad	Надпись сохранилась частично: ‘Я...’
59	Niesdrowitz	?	Ср.: Arntz–Zeiss, стр. 454
60	Noleby	runofahiraginakudotoj × aṇaþou:suhuraḥ:susiḥ × × × tinḥakuþo	Толкование допускает лишь начало надписи: ‘Я нарисовал руны, происходящие от высших сил...’ (см.: Svärdström 1958, стр. 92–100)
61	Nordendorf I	a) logaþore wodaṇ wigifonaR	Не совсем ясно: ‘Логаторе?, Водан, Донар-освячитель?’

№	Название надписи	Текст надписи	Комментарии и перевод
61	Nordendorf I	b) aʷaʎeubwini	Б.м., имя собств. ‘Ава Леубвини’
62	Nordendorf II	ḶḶhr	Неясно
63	Nordhuglen	ekgudijaungandiRim	‘Я, жрец, не подвержен колдовству’. Или имя собств.
64	Nydam	alu	Рун. сакр. слово
65	Opedal	birngguḶoḶoḶswestarinuliubumeRwage	В интерпретации Х. Андерсена: ‘Помоги мне, Вагу, Ингубора, моя милая сестра!’ (см.: Andersen 1960, стр. 393–415)
66	Osthofen	go•••furad•d•ofile	Неясно
67	Øvre Staby	raunijaR	Возможно, ‘испытывающий’ (об оружии)
68	Pallersdorf	a) godahid unja	Имя собств. Годахи(ль)д
»		b) karsiḶoda segun	Имя собств. Арсибода; второе слово, возможно, ‘милость’
69	Pietroassa	gutaniowihailag	Возможно, ‘священное сокровище готов’
70	Rävsal	hAriwulfs•stAinAR	‘Камень Харивульфа’
71	Reistad	iḶpingaR eḶkwakraR:-unnamwraita	Имя собств. Иутингаз. ‘Я, Вакраз, могу писать (руны)’
72	Roes	iḶpin:iudRrAk	Неясно
73	Rö	a) ekhra•aRsatido•tain•anaxxx	‘Я, Храбаз? поставил камень (в память о...)’
»		b) swabahaḶjaR s•ira-widaR stainawarijaR fahido	‘Свабахарьяз, Сайравидаз?, Стайнаварияз, я выписал’
74	Rosseland	ekwagigaRirilaRagilamudon	‘Я, Вагигаз, эриль Агиламу(н)ды’
75	Rozwadów	krlus	Неясно. Ср.: Arntz–Zeiss 1939, стр. 424–430

№	Название надписи	Текст надписи	Комментарии и перевод
76	Saude	wadaradas	Имя собств. ‘Ва(н)дарада’ (род.п. ед.ч.)
77	Schretzheim	a) arogisd	Имя собств. ‘Арогист’
	»	b) alagupleubadedun	‘Алагу(н)т милость сотворили’
78	Setre	a) hAl mAR mAunA	Неясно
	»	b) AlunāAlunānA	Неясно
79	Skääng	harija*leugaR·x	Имена собств. ‘Харийя?’ ‘Леугаз?’
80	Skärkind	skipaleubaR	Имя собств. ‘Ски(н)талеубаз’
81	Soest	rada:idaþa	Имена собств. ‘Рада’, ‘Дата’
82	Sölvesborg	ašmutsunusmurtiwati	‘Асму(н)ду, своему сыну, сделал (Вати?)’
83	Steindorf	...whusiþald	Возможно, имя собств. ‘Хусибальд’
84	Stenmagle	hagiradaR tawide	‘Хагирадаз сделал’
85	Stenstad	igijonhalaR	Не совсем ясно: имя собств. ‘Игийон Хал(л)аз?’
86	Stentofen	a) niuhAborumR niu- hagestumR hAþu- wolAfRgAfj hAri- wolAfR×A××us- nuh×e hideRruno- nofe××hekAhed	‘Жителям Ниухи, гостям Ниухи (т.е. всем членам дружины Ниухи?) Хатуво- лафр̄ дал урожайный год. Хариволафр̄...’ Далее неясно. Предположительное тол- кование см.: Krause 1961, стр. 274–277
	»	b) erAginoronoR he- rAmAlAsAR ArA- geu we!AdudsA- þatbAriutiþ	‘Я спрятал здесь могучие руны. Да будет (тот) во власти бес- покойства и беспутства, кто это разрушит’
87	Straarup	lepro	Имя собств. ‘Летро’

№	Название надписи	Текст надписи	Комментарии и перевод
88	Strand	siklisnAhli	Неясно
89	Strøm	a) watehalihinohorna	Неясно: 'Да окропит рог этот камень' (?)
	»	b) hahasķapinaþuligi	Удовлетворительного толкования нет
90	Sunde	widugastiR	Имя собств. 'Видугастиз'
91	Svarteborg	ssigaduR	Возможно, набор рун
92	Szabadbattyán	marŦsq	Неясно
93	Tanem	mairlŦu	Имя собств.?
94	Tanum	þrawijan·haitinaRwas	Возможно, 'Травия был назван'
95	Tomsad	...an:waruR	Возможно, окончание род.п. ед.ч.; 'могильная насыпь'
96	Torsbjærg I	a) owlþuþewaR	Имя собств. 'Вульгутеваз'
	»	b) niwajemariR	Неясно
97	Torsbjærg II	aisgrh	Неясно
98	Tørviken	ladawarijaR	Имя собств. 'Ла(н)даварийаз'
99	Tune	a) I ekwiwaRafter-- woduri II dewitada- halaiban : worahto b) I × Rwoduride : - staina· II þrijoR- dohtriRdaldidun III arbijaꝛjosteRar- bijano	'Я, Виваз (в память) о Водури-де хозяине? сотворил (руны?)' 'Водуриду камень соорудили три дочери, тризну наследников?'
100	Tveito	tAitR	Имя собств. 'Тайтрь'
101	Valsfjord	ekhagustaldaRþe- waRgodagas	'Я, Хагустальдаз, служилый человек? Годага'
102	Vånga	haukoþuR	Имя собств. 'Хаукотуз'
103	Vatn	rhoAltR	Имя собств. HroaldR Хроальдрь

№	Название надписи	Текст надписи	Комментарии и перевод
104	Veblungsnes	ēkirilaRwiwilan	‘Я, эриль Вивилы’
105	Værløse	alugod	Неясно. Имя собств. ‘Алугод’? Сакральное слово?
106	Vetteland	flagdafaikinaRist- ×××magoRmina- sstaina××faihido	Неясна первая часть надписи: ‘Устрашённый злыми силами? ...камень моего сына. ... нарисовал (руны?)’
107	Vimose I	a) mariha ĵala	‘Знаменитый?’ Имя собств.? Неясно.
	»	b) makia	‘меч’
108	Vimose II	a) taliĵo gis(l)io:wiliRaila	Неясно
	»	b) t(k)ĵis:hl(e)uno:- anx:ir(e)gu	Неясно
109	Vimose III	harĵa	Имя собств. ‘Харĵа’
110	Vimose IV	a) aadagasu	Неясно
	»	b) laasauwija	Неясно
111	Weimar I	a) ida:bigina:hahwar	
	»	b) awimundisdirleobidun	
112	Weimar II	ida:o×××ahahwarĵiuĵ	Им. собств. ‘Ида’ ...‘Хахвар’; ‘милость?’
113	Weimar III	haribrig liubleobhira	Имя собств. ‘Харибриг’
114	Weimar IV	sig×××hibabubo	Первая часть неясна. Им. собств. ‘Хиба’, ‘Бубо’
115	Wurmlingen	idorih	Имя собств. ‘Идорих’

Б. БРАКТЕАТЫ

Ниже приводятся тексты надписей на брактеатах, поддающиеся толкованию. В первой графе даётся сквозная нумерация всех использованных надписей: во второй графе — нумерация брактеатов, соответствующая общепринятой нумерации брактеатов в различных изданиях рунических текстов.

№	№	Название брактеата	Текст	Комментарии и перевод
1	40	Allesø	?lauR	Возможно, сокращ. вместо laukaR
2	29	Års	laukaR	Рун. сакр. слово
3	66	Äskatorp	fahiduuuailalduuigaReerilaR	Возможное толкование см.: Salberger 1956, стр. 113–148.
4	64	Åsum	(e)eikakaRfahi	Возможно, ‘Я, Акарь, сделал (выписал)’
5	—	Bjørnerud	alu	Рун. сакр. слово
6	63	Börringe	laukaRtantuli : al	Рун. сакр. слово, остальное неясно
7	—	Dannenberg	glæaugiRu×××	Возможно, ‘остроглазый’ (толкование Krause 1937, стр. 478–479)
8	9	Darum 1	frohilalaþu	Возможно, имя собств. Фродила и рун. сакр. слово
9	13	Darum 5	niujil alu	Возможно, имя собств. Ниуйила и сакр. слово
10	45	Femø	ekfakaR f	‘Я, Факарь’
11	60	Sjælland 1	lkaR	Возможно, сокращ. вместо laukaR, обычное в брактеатах
12	61	Sjælland 2	hariuhahaitika :- farauisa : gibuauja	‘я прозываюсь Хариуха, мне ведомо опасное, приношу счастье’
13	—	Grumpan	fuparkgw . . . hni-jèpxxtbemljod	Старший футарк
14	—	Gurfile	laþa	Возможно, описка вместо laþu (см. разд. IV, s.v.)

№	№	Название брактеата	Текст	Комментарии и перевод
15	42	Fyn 1	houaR/laḅuxxx	Имя собств.? Рун. сакр. слово
16	49	Højstrup	laḅu	Рун. сакр. слово
17	55	Lellinge	salusalu	Неясно
18	—	Lindkær		Возможно, старший футарк с большими искажениями (см.: Moltke 1957)
19	53	Maglemose	lkaR	Возможно, сокращ. вместо laukaR
20	25	Ølst	(hag) alu	Неясно, рун. сакр. слово
21	—	Overhornbæk	?auḅaḅiteihui- laldtēuiiuoṭwa	Неясно
22	67	Skåne 1	laḅulaukaR • gakaRalu	Рун. сакр. формула; gakaR неясно
23	68	Skåne 2	fuwu	Неясно
24	8	Skodborg	aujaalawinaujaalawin- aujaalawinjalawid	Возможно, ‘счастье Алавин (повторяется трижды), Алавид’
25	16	Skonager	niuwila lḅl	Возможно, имя собств. ‘Ниувила’
26	6	Skrydstrup	laukaRalu	Рун. сакр. слова
27	59	Slangerup	alu	Рун. сакр. слово
28	75	Tjurkö 1	...wurterunoRanwalha- kurne • heldaR- kunimudiu	Сотворил руны на брактеате? Хельдарь для Кунимунда
29	76	Tjurkö 2	ota	Неясно
30	—	Trollhättan	tawol/aḅodu	Неясно. Возможно, искажение, обычное для брактеатов
31	—	Vadstena	fuparkgw : hrijepzs : tbemljo	Старший футарк

Раздел II

СПИСОК РУНИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Настоящий список рунических имен собственных составлен на основе приводимого ниже «Словаря древнейших рунических надписей» (см. разд. IV); расхождения между ним и перечнем рунической ономастики в работах Фрисена (Friesen 1924), Линдквиста (Lindqvist 1947), Марстрандера (Marstrander 1951) и Янсена (Janzén 1954) вызваны неясностью толкования многих слов в рунических надписях и происходящей вследствие этого возможностью причисления одного и того же слова к разряду собственных или нарицательных имен.

agilamudon (I, 74)	fakaR (II, 10)? см. akaR
akaR (II, 4)?	fino (I, 7)
alagup (I, 77)	frawaradaR (I, 54)
alawid (II, 24)	frifridil (I, 13)
alawin (II, 24)	froðila (II, 8)
amīlu (I, 4)	
arogisđ (I, 77)	godagas (I, 101)
arsiboda (I, 68)	godahid (I, 68)
ašmut (I, 82)	
asugasđi (I, 56)	hadulaikaR (I, 44)
asugisalas (I, 48)	hAeruwulafR (I, 40)
awa (I, 61)	hagiradaR (I, 84)
awimund (I, 111)	hagustadaR (I, 44)
	hagustaldar (I, 101)
bigina (I, 111)	hahwar (I, 111)
boso (I, 27)	harabanaR (I, 41)
bubo (I, 114)	haraRaR (I, 19)
buirso (I, 8)	haribrig (I, 113)
	harija (I, 79)?
daða (I, 81)	hariso (I, 37)
daþena (I, 27)	hariuha (II, 12)
	hAriwolAfR (I, 86)

harja (I, 109)?
hApuwolAFA (I, 32)
hApuwulafR (I, 40)
hApuwolAfR (I, 86)
haukokuR (I, 102)
heldaR (II, 28)
hiba (I, 114)
hiwigaR (I, 3)?
hlewagastiR (I, 29)
hnabudas (I, 10)
hraRaR (I, 73)?
hroAltR (I, 103)
hroRaR, hroReR (I, 14)
husibald (I, 83)

ida (I, 112)
iddan (I, 15)
idorih (I, 115)
iduni (I, 111)
igijon (I, 85)
iupingaR (I, 71)

kepan (I, 6)
kunimudiu (II, 28)

ladawarijaR (I, 98)
laipigaR (I, 53)
leob (I, 111)
liub (I, 113)
leuba (I, 77)
lepro (I, 87)
leubwini (I, 61)
leugaR (I, 79)
liano (I, 15)

madali (I, 22)
niujjila (II, 9)
niuwila (II, 25)

rada (I, 81)

saligastiR (I, 7)
sigimaraR (I, 18)
skipaleubaR (I, 80)
stainawarijaR (I, 73)
swabaharjaR (I, 73)

tAitR (I, 100)

þaliR (I)?
þirbijaR (I, 5)
þrawijan (I, 94)?
þuruphild (I, 28)

-ubaR (I, 41)?
-uha (II, 12)
uþwinaR (I, 3)?
unwodw (I, 31)?

wadaradas (I, 76)
wagigaR (I, 74)
wakraR (I, 71)
widugastiR (I, 90)
widuhudaR (I, 38)
wiwaR (I, 99)
wiwilan (I, 104)
wlþuþewaR (I, 96)
woduride (I, 99)

Раздел III
**СПИСОК ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ,
 ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ
 В ДРЕВНЕЙШИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ**

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

**Типы склонения существительных,
 представленные в древнейших рунических надписях**

Основа	Единственное число				Множественное число			
	им.п.	род.п.	дат.п.	вин.п.	им.п.	род.п.	дат.п.	вин.п.
о-осн. м.р.	-aR	-aR	-e	-a	-aR		-umR	-a
о-осн. ср.р.	-a			-a				
jo-осн. м.р.	-jaR			-ia				
jo-осн. ср.р.	-ja			-ja				
i-осн.	-iR	-aR		-i			-umR	
ā-осн.	-u		-u			-o		-oR
u-осн.	-uR	-oR	-iu	-u				
r-осн.	-ar				-iR			
n-осн. м.р.	-a	-an	-an			-na		
						-jano		
n-осн. ж.р.	-o	-(j)on						

а) о-основы

ед. ч. м.р.

им.п.: laukaR (I, 25), frawaradaR (I, 54), hagiradaR (I, 84), wakraR (I, 71), erilaR (I, 11), þewaR (I, 101), hadulaikaR (I, 44)

род.п.: godagas (I, 101), wadaradas (I, 76), hñabudas (I, 10)

дат.п.: woduride (I, 99), walhakurne (II, 28), sAkse (I, 17)

вин. п.: staina (I, 99) (I, 71), aRina (1, 14)

ср.р. им. вин. п.: lina (I, 25), horna (I, 29), hlaiwa (I, 10), wraitha

мн. ч. м. р.

им.п.: stainaR (I, 70)

дат.п.: -borumR (I, 86)

вин.п.: stAbA (I, 32), kAibA (I, 77)

б) jo-основы

ед.ч. м.р.

им. п.: ladawarijaR (I, 98), þirbijaR (I, 5), raunijaR (I, 67), stainawarijaR (I, 73), swabaharijaR (I, 73)

вин. п.: makia (I, 107)

ср.р. им. вин. п.: arbija (I, 99), auja (12)

в) i-основы

ед. ч.

им. п.: mariR (I, 96), aljamarkiR (I, 42),

ungandiR (I, 63), hlewagastiR (I, 29), saligastiR (I, 7), widugastiR (I, 90)

род.п.: uþwinaR (I, 3)

вин.п.: hali (I, 89)

мн.ч.

дат.п.: -gestumR (I, 86)

г) а-основы

ед.ч.

им.п.: laþu (II, 16)

дат.п.: solu (I, 17)

мн.ч.

род.п.: runo (I, 9)

вин.п.: runoR (1,41)

д) u-основы

ед. ч.

им.п.: waruR (I, 95)

род.п.: magoR(I, 106)

дат.п.: kunimudiu (II, 28)

вин. п.: magu (I, 44), sunu (I, 82)

е) r-основы

ед.ч. ж.р.

им.п.: swestar (I, 65)

мн.ч. ж.р.

им.п.: dohtriR (I, 99)

ж) n-основы мужского рода

ед.ч.

им.п.: gudija (I, 63), harja (I, 109), niujila (II, 9)

род. п.: keþan (I, 6), wiwilan (I, 104)

дат.п.: witadahalaiban (I, 99)

мн.ч.

род.п.: arbijano (I, 99), gotnA
(I, 17)

з) n-основы женского рода

ед.ч.:

им.п.: lepro (I, 87), fino (I, 7),
aluko (I, 26)?

род.п.: igijon (I, 85), agilamudon (I,
74)

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

а) Сильное склонение прилагательных

мн.ч. м.р.

им.п.: arjoster (I, 99), snArpir (I,
17), wiltir (I, 17)

ед.ч. м.р.

им.п.: hAerAmAlAusR (I, 9)

ж.р.

вин.п.: raginokudo (I, 60)

ж.р.

им.п.: liubu (I, 65)

ср.р. им. вин.п.: ginugahelija (I, 48)

б) Слабое склонение прилагательных

м.р.

вин.п.: nAkda (I, 17)

ед.ч. м.р.

им.п.: farauisa (II, 12)

дат.п.: bormoџa (I, 17)

МЕСТОИМЕНИЕ

а) Личные местоимения

в) Указательные местоимения

ед. ч.

им.п. ek (I, 74), -eka (-ika) (I, 51),

ед.ч. м.р.

-k (I, 9)

им.п. sA (I, 86), hin (I, 17)

дат.п.: meR (I, 65)

ср. р.

им.п. џat (I, 64)

дат.п. џAim (I, 17)

б) Притяжательные местоимения

мн.ч.

им. -вин.п. џAiAR (I, 40)

ед.ч. ж.р.

им.п.: minu (I, 65)

род.п.: minas (I, 106)

г) Вопросительные местоимения

м. р.

вин. п.: minino (I, 44), sin (I, 82)

ед.ч.

им.п. huwAR (I, 17)

ГЛАГОЛ

а) Сильные глаголы

(I, 44), worahto (I, 99)

2 л.

през. ед.ч.

3 л. tawido (I, 84), orte (I, 14),

1 л. waritu (I, 41), gibu (II, 12),

wurte (II, 28), urti (I, 82), sAte

haite (I, 48), haitika (II, 12),

(I, 32), mAde (I, 17)

hateka (I, 51), felAhekA (I, 86)

мн. ч.

2 л.

3 л. dalidun (I, 99)

3 л. bAriutij (I, 86), bArutR (I, 9)

прет. ед.ч.

в) Формы глагола «быть»

1 л. unnam (I, 71)

през. ед.ч.

2 л.

1 л. im (I, 63)?

3 л. warAit (I, 40), was (I, 94),

2 л.

gAf (I, 86), wArb (I, 17),

3 л. ist (I, 106), 's (nis I, 17)

fAlAhAk (I, 9), kaṃ (I, 17)

б) Слабые глаголы

прет. ед.ч.

1/3 л. was (I, 94)

през. ед.ч.

1 л. tojeka (I, 60)? fahi (I, 60)

г) Причастия

2 л.

им.п. ед.ч.

3 л.

м.р. slaginaR (I, 54), haitinaR (I,

прет. ед.ч.

1 л. tawido (I, 29), faihido (I, 20),

94), hlaiwidaR (I, 2), skorin (I,

fahido (I, 73), satido (I, 73),

17), suemade (I, 17) gAlaṇde (I,

hlaiwido

17)

ср.р. sot (I, 17)

д) Инфинитив

ḅrawijan (I, 94)?

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

им.п. мн.ч.

ж. р. ḅrijoR (I, 99)

Раздел IV

СЛОВАРЬ

ДРЕВНЕЙШИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

? **aadagasu** (I, 110). Удовлетворительное объяснение данного слова и всей надписи отсутствует. Марстрандер предлагает сл. чтение и перевод: °a/adag asu/la asau wija, т. е. ‘я, Ансула, посвящаю асу...’ (Marstrander 1952, стр. 64–72). Сомнительно также, как и предположение Марстрандера о принадлежности данной надписи к восточногерм. яз. ареалу.

? **ado** (I, 30). Чтение и интерпретация неясны (Anitz–Zeiss, стр. 235–240).

AfatR (I, 40). Наречие и предлог ‘после’, ‘потом’, ‘за’, ‘по’; в рун. надписях является частью стереотипной формулы «в память о...». < *aftro (de Vries, стр. 103A), ср. after (I, 99). Обращает на себя внимание употребление руны *R* вместо *r* после *t* в памятнике переходного периода. Наблюдаемое чередование *R* и *r*, раньше всего в позиции после зубных и интердентальных (см.: Noreen 1923, стр. 192), типично для рун. надп. эпохи викингов (ср. DRI, стр. 970), т. е. для периода 2 в терминологии Якобсен–Мольтке. Возможно, что *R* вместо *r* обусловлено позицией после слабударного гласного (ср. DRI, стр. 970). Руна *a* в AfatR обозначает вставной гласный; для рун. надп. обычным является употребление вставных гласных лишь в звонком окружении (ср. DRI, стр. 1003–1005).

after (I, 99). См. AfatR.

agilamudon (I, 74) Согласно интерпретации Марстрандера — род.п. ед.ч. им. собств. *Agilamu(n)do ж.р. (Marstrander 1951, стр. 10–14). Данный тип образования, не представленный в сканд. ономастике, широко распространен в континентально-герм.; ср. имя конунга гепидов Kunimundus, имя конунга квадов Agilamundus и т. п.

? **aisgRh** (I, 97). Непонятный набор рун; их магический характер неясен. Фантастическое объяснение дает Гутенбруннер: *aisagaiRai haila ‘будь невредим от боевого копья’ (S. Gutenbrunner, Schleswig-Holsteins älteste Literatur. Kiel, 1949, стр. 28–29).

akaR (II, 4). Возможно, имя собств. (ср.: Friesen 1924, стр. 83). Сопоставление брактеата из Осума и брактеата из Фемё: (е) eikakaRfahi (II, 4) и ekfakaRf (II, 10) делает возможным предположение Якобсон–Мольтке, что akaR является искажением fakaR (DRI, стр. 539, 647).

ala (I, 107). Объяснение данного слова и всей надписи во многом неясно. Толкуется обычно как имя собств. (DRI, стр. 243, 44; Marstrander 1952, стр. 37–44). Однако в перечне рун, ономастики Марстрандер данного имени не приводит (Marstrander 1951, стр. 36–39). Краузе обращает внимание на то, что имя собств. Alle засвидетельствовано в районе Фюнен–Оденсе и представлено на руническом камне из Главендрупа (Krause 1937, стр. 604).

alagup (I, 77). Возможно, имя собств. ж.р. *Alagunþ (с обычным для рун. надп. выпадением *n* перед зубными и интердентальными согласными, см. Arntz–Zeiss, стр. 340–341).

alawid (II, 24). Возможно, имя собств. О предположительной связи данного имени с герульским именем Ἀλουήθ см.: Friesen 1924, стр. 83/4; Wessén 1927 (Handlingar), стр. 40; Elgqvist 1959, стр. 167.

alawin (II, 24). Возможно, имя собств. Марстрандер не включает alawid и alawin в свой перечень рун, ономастики (Marstrander 1951, стр. 39). Подробный анализ надписи см. в работе: Salberger 1957, стр. 18–32.

aljamarkiR (I, 42). Предпоследняя руна данного слова неясна. Две возможные интерпретации данного слова: 1) чужеземец (Lindqvist 1937; de Vries, стр. 6 A); 2) имя собств. (Marstrander 1951, стр. 37). Кругман возводит окончание *-iR* к **-ijaz* (Krogman 1962, стр. 155–156). Об образованиях подобного типа см. glæaugiR.

alu. Обзор надписей, где встречается alu, дает Krause 1937, стр. 446–464; ср. также DRI, стр. 629. Слово сакр. рун. лексики. О возможной этимологии см.: de Vries, стр. 7 B; E. Polomé, Notes sur le vocabulaire religieux du germanique. «La nouvelle Clío», vol. VI, № 1–2, стр. 40–55; Betz 1962, стр. 11. Не исключена возможность объединения рун. alu и общегерм. aluf ‘пиво’. Остается неясным, в какой мере в alu следует усматривать самостоятельную лексему древнегерм. словаря со значением: ‘счастье’, ‘благоденствие’, ‘удача’, ‘успех’ или набор магических рун, на что может указывать перестановка alu и lua (DRI, стр. 629–630; Krause 1937, стр. 446–464). Типологически употребление alu в рун. надп. можно сопоставить

с употреблением формулы ἀγαθὴ τύχη ‘счастье’, ‘удача’ в греч. вотивных надписях (см.: W. Larfeld, Griechische Epigraphik. München, 1914, стр. 306–307).

alugod (I, 105). Значение неясно. Марстрандер указывает на три возможности в интерпретации: 1) имя собств. Alugod; 2) alu + God[agaR]; 3) сочетание символических рун: alu gibu oþala dagaR. На этом основании он приходит к выводу, что данная надпись не может быть предметом лингвистического анализа (Marstrander 1952, стр. 80–82).

aluko (I, 26). Обычно принимается, что данное слово является им. собств. ж.р. (Friesen 1924, стр. 84; Marstrander 1951, стр. 36). А. И. Смирницкий (1957, стр. 77) полагает, что Aluko является именем м.р. Янсён членит aluko на alu (см. об этом s.v.) + ko (Janzén 1954, стр. 174). Можно предположить, что aluko является сочетанием alu + символические руны *kaunaz, *oþala.

amīlu (I, 4). Чтение и толкование неясны. Возможно, имя собств. (ср.: Arntz–Zeiss, стр. 120–133).

an (II, 28), **ana** (I, 54). Предлог ‘на’. Общегерманское образование; ср. готск. ana, исл. á, фар. á, др.-англ. on, фризск. ana, ðn, др.-сакс, ап, д.-в.-н. ana. Соотношение ana и an в рун. надп. может указывать на хронологическое различие: ana является более древним образованием, an с апокопой *a* — более поздним образованием. Краузе указывает на то, что соотношение конечного *a* в готском, древневерхненемецком и руническом неясно (Krause 1937, стр. 572). На основании законов конца слова следовало бы ожидать в руническом *anō. Следует, однако, иметь в виду, что так называемые малые слова (предлоги, союзы, проклитики, энклитики) полуслужебного и служебного характера в силу действия правил синтаксической фонетики и в силу их безударности в ряде случаев обнаруживают фонетическое поведение, отличное от фонетических норм, распространяющихся на полнозначные слова.

ArAgeu (I, 9, 86). Вероятно, ‘недостойное поведение’, ‘беспутство’. О толковании данного слова см.: Lindqvist 1923, стр. 183–184; DRI, стр. 631; de Vries, стр. 104 A.

arbija (I, 99). Им.-вин.п. ср.р., *jo*-основа ‘наследство’, ‘поминки’, ‘тризна’. Общегерманское образование.

arbijano (I, 99). Род.п. мн.ч., *jon*-основа м.р. ‘наследник’. Общегерманское образование.

arjosteR (I, 99). Чтение не совсем ясно (см.: Krause 1937, стр. 539; de Vries, стр. 13 B).

arogisd (I, 77). Имя собств. (см.: Arntz–Zeiss, стр. 333–344).

arsiboda (I, 68). Имя собств. ж.р. Первый компонент данного имени, *arsi-*, как отмечает Краузе, засвидетельствован лишь в лангобардской ономастике: Arsiio, Arseramus, Arsiulf. Второй компонент имени, *-boda*, представлен в континенталь-

но-германской и в скандинавской ономастике, ср. д.-в.-н. Siboda, Luipota, исл. Angrboda, Aurboda (Krause 1937, стр. 639). Об этимологии данного имени см.: Arntz–Zeiss, стр. 326–333.

aRina (I, 14). Значение неясно (см.: de Vries, стр. 13 В). Краузе исходит из значения ‘каменная плита для разведения огня’, ‘алтарь’ (Krause 1937, стр. 561).

asmut (I, 82). Имя собств. (de Vries, стр. 16 А). Надпись относится к ранней эпохе викингов и поэтому прямого отношения к древнейшим рун. надп. не имеет, а значит, включение asmut в древнейший пласт рун. ономастики (Friesen 1924, стр. 85; Marstrander 1951, стр. 38) вряд ли оправдано (ср.: Janzén 1954, стр. 175).

? **asugasdi** (I, 56). Чтение и толкование надписи неясно. Возможно, имя собств. (ср.: Friesen, 1924, стр. 84–85). Марстрандер не включает данное слово в свой список рун. ономастики (Marstrander 1951, стр. 39).

asugisalas (I, 48). Имя собств., о-основа, род.п. ед.ч. м.р. (ср.: Janzén 1954, стр. 175). Обычно для рун. палеографии выпадение *n* перед *s* (*ansu > asu) и наличие в морфеме *sal* вставного гласного *a*.

auja (II, 12, 24). Слово рунической сакральной лексики. Возможное значение: ‘благо’, ‘счастье’, ‘благополучие’. Этимологически возможно связать с готск. awiliuþ ‘благодарность’. Дальнейшие индоевропейские соположения проблематичны; в этимологической литературе ауја принято сопоставлять с др.-инд. avati ‘радуется’, ‘помогает’, aviṣ ‘благоприятный’, др.-ирл. con-óí ‘помогает’. См.: Krause 1937, стр. 475; DRI, стр. 634; Olsen 1933, стр. 54–55; de Vries, стр. 19 А. Типологически употребление ауја, так же как и слова alu (см. об этом выше), в рун. надп. можно сопоставить с употреблением формулы ἀγαθή τύχη ‘счастье’, ‘удача’ в греч. votивных надписях (см.: W. Larfeld, Griechische Epigraphik. München, 1914, стр. 306–307).

awa (I, 61). Имя собств. (Krause 1937, стр. 626).

awimund (I, 111). Имя собств. (Krause 1937, стр. 647). Обращает на себя внимание наличие *n* перед *d*, обычно в этой позиции *n* выпускается (ср. I, 74, 60, 76; II, 28).

bAriutiþ (I, 86), **bArutR** (I, 9). 3 л. ед.ч. наст. врем. сильн. глаг. ‘разрушить’, ‘нарушить’, ‘осквернить’. О соотношении двух форм см. подробнее гл. III (ср. также DRI, стр. 638).

bigina (I, 111). Чтение второй руны неясно. Арнтц читает bugina (Arntz–Zeiss, стр. 370). Имя собств. (ср.: Krause 1937, стр. 647).

birnggu (I, 65). Чтение и толкование данного слова весьма спорно (изложение вопроса см.: Andersen 1960, Opedalstenen). Наиболее вероятным представляется толкование Андерсена;

Birg, Inguboro... ‘помоги, Ингубора!’ (Andersen 1960, Opedalstenen).

bormoþa (I, 17). Собственно, ‘усталый от сверления’, т.е. приведенный сверлением в негодное состояние (ср.: Jacobsen 1931, стр. 38). Хардинг усматривает в данном слове существительное (Harding 1938, стр. 10).

-borumR (I, 86). Транскрипция второй руны является спорной. В зависимости от того, транскрибируется ли слово как *borumR* или *būrumR*, возможны две интерпретации: 1) ‘жителям’, ‘поселенцам’; 2) ‘сыновьям’. Обзор разных точек зрения см. DRI, стр. 690–691.

boso (I, 27). Имя собств. Представлено в континентально-герм. и сканд. ономастике; ср. др.-англ. *Bósa*, др.-сакс. *Boso*, д.-в.-н. *Buoso*, датск. рун. *Busa*. По своему образованию является скорее всего уменьшительным от имен типа д.-в.-н. *Bosogast* (см. об этих образованиях: E. Förstemann, *Altdeutsches Namenbuch*, I, *Personennamen*. Bonn, 1900², стр. 308). Этимология слова неясна. Об отдельных попытках интерпретации см.: de Vries, стр. 51а. О германских именах с формантом *s* см.: H. Kuhn 1960, стр. 63–71.

bubo (I, 114). Имя собств. (Arntz–Zeiss, стр. 368–369).

buriso (I, 8). По мнению Краузе, имя собств. **buriso* с перестановкой *ri* > *ir* (Krause 1956, стр. 108–124).

dalidun (I, 99). Толкование спорно. Если *dal-* транскрибировать как *dail-*, что весьма спорно, то в таком случае следует дать перевод ‘они разделили’ (Western 1930, стр. 290). Если *dal-* транскрибировать как *dāl*, что возможно, ибо долгота гласного, согласно правилам рун. графики, не обозначалась, то тогда следует дать перевод ‘они сделали’ (ср.: Seip 1929, стр. 21–24, где *dal-* возводится к **dēlian*) или ‘они угодили’, ‘ублажили’ (Marstrander 1930, стр. 308–310, где *dal-* возводится к **dāalijan*).

dnlo (I, 4). Возможно, сокращенное написание им. собств. **danilo* (Krause 1937, стр. 629; Arntz–Zeiss, стр. 129–130).

dapa (I, 81). Имя собств. (Krause 1937, стр. 630).

dapena (I, 27). Чтение неясно. Хеннинг и Краузе третью руну читают как *þ*, Виммер и Арнц — как *l*; и в том и в другом случае, возможно, имя собств. (ср.: Krause 1937, стр. 632–634; Arntz–Zeiss, стр. 226–228).

dedun (I, 77). 3 л. мн.ч. прош. врем. слаб. глаг. ‘сделали’ (Krause 1937, стр. 642–644).

dohtriR (I, 99) Им. п. мн. ч., *r*-основа ‘дочери’. О данной форме см.: Andersen 1960 («Arkiv», стр. 250). О фонеме *o* см.: Steblin-Kamenskij 1962, стр. 3.

? **ehe**. Чтение и интерпретация неясны. Материал, собранный Краузе, не дает основания для определенных выводов

в отношении данной формы (Krause 1937, стр. 469–471). По поводу чтения $\widehat{e}he$ (II, 4) см. возражения Мольтке в DRI, стр. 539, Анн. 2.

ек, ека (I, 5, 9, 11, 14, 18, 29, 31, 41, 42, 44, 48, 51, 58, 63, 71, 73, 74, 86, 99, 101, 104; II, 4?, 10, 12). Личн. местоим. 1 л. ‘я’. Форма ека выступает преимущественно в энклизе. Единственный пример ека в прокллизе: *eка sigimAgAR* (I, 18). Синкопирование *a* в *ек* объясняется проклитическим положением местоим. (ср.: Burg 1885, стр. 20), а возможно, слабым акцентным весом. О гласвом *e* в *ек*, не являющемся принадлежностью только сканд. ареала, но встречающемся и в западно-герм. ареале, см. в работе: Krogmann 1962, стр. 151–160. Форма *ik* засвидетельствована ненадежно (II, 4); *ika* (II, 12) допускает также членение *haiti/ka*.

erilaR (I, 11, 14, 41, 48, 51, 74, 104; II, 3). Им.п. ед.ч. *o*-основы м.р. ед.ч. ‘мастер рунического письма’.

Виммер сопоставляет рун. *erilaR* с исл. *jarl* (Wimmer 1867, стр. 53); у Бугге *erilaR* сопоставляется с именем герулов (Bugge 1905–1913, стр. 186–190); Фрисен принимает то же соположение, отрицая возможность сопоставления этого слова с исл. *jarl* (Friesen 1924, стр. 76–78); той же точки зрения придерживается Марстрандер (Marstrander 1929, стр. 95; ср. также 1951, стр. 23–24); Улсен полагает, что этот рун. термин обозначает волшебника, мага и сравнивает его с лат. *Chaldeus* ‘халдей’, ‘волшебник’ и греч. $\mu\acute{\alpha}\gamma\omicron\varsigma$ ‘маг’, являющимся собственно названием иранской жреческой касты (Olsen 1932, стр. 58–59); примерно такого же толкования придерживается Л. Якобсен (Jacobsen 1940, стр. 63–69; ср. также DRI, стр. 646); Кроман принимает толкование Якобсен (E. Kroman, *Musikalsk akcent i Dansk*, København, 1947, стр. 189–193).

Андерсен предлагает иную интерпретацию термина исходя из наличия трех самостоятельных лексем: 1) *erilaR* ‘маг’, ‘жрец’, ‘волшебник’; 2) *erulaR* (мн.ч. **eruloR*) — этнический термин ‘герул’; 3) **erlaR* ‘человек’, ‘воин’, ‘ярд’ (Andersen 1948, стр. 97–102).

Эльгквист выдвигает гипотезу, согласно которой данный рун. термин обозначает представителя господствующего класса в Скандинавии. На юге Европы, по мнению Эльгквиста, данный термин был распространен на одно или несколько этнических образований (Elgquist 1951, стр. 117–135).

Принимая три лексемы Андерсена, де Фрис полагает, что рун. *erila*-первоначально обозначало светского и жреческого владыку (*souverenité*), что, по Ж. Дюмезилю, соответствует первой функции в религиозно-социальной организации индоевропейского общества. Позднее, полагает де Фрис, данная лексема послужила основанием для двух самостоятельных образо-

ваний: **erla-* стало обозначать светского, а **erila-* — жреческого владыку (de Vries 1954, стр. 461–469; 1961, стр. 290 В).

Как имя собств. рассматривает *erilaR* Линдквист (Lindquist 1947, стр. 13–14), но современные рунологи это отвергают. Соположение *erilaR* и исл. *jarl* тоже обычно отвергается, но см.: Sperber 1950, стр. 148–149 и Salberger 1956, стр. 142–143.

fahi (I, 60; II, 4). 1 л. ед.ч. наст. врем. слаб. глг. **faihijan* ‘рису’, ‘пишу’. *Terminus technicus* рун. письма. Наряду с **faihijan* (первоначально ‘рисовать’, ‘малевать краской’ или ‘покрывать руны жертвенной кровью’, затем ‘писать’, ‘вычерчивать руны’) употреблялись глаголы **writan* (I, 41, 71, 27, 40) и **wurkijan* (I, 99, 24; II, 28). В рун. надп. эпохи викингов техника высечения или вырезания рун передается глаголами *haggua* ‘высекать’, *rista* ‘резать’, ‘чертить’, *marka* ‘обозначать’. См.: Jansson 1962, стр. 150–151. О форме *fahi* см.: Marstrander 1952, стр. 212.

fahido (I, 73), **faihido** (I, 20, 106). Прош. время, 1 л. ед.ч. ‘(я) нарисовал’, ‘написал’ (см. s.v. *fahi*); *fahidu* (II, 3). Чтение и толкование данной формы спорны: Краузе полагает, что *u* в *fahidu* является неточным или поздним написанием вместо *o* (Krause 1937, стр. 485); Салбергер читает *fahid* и усматривает в данной форме 3 л. ед.ч. наст. врем. (Salberger 1956, стр. 138–139). О соотношении *fahido* и *faihido* см.: Marstrander 1952, стр. 192/4, 72.

fakaR (II, 10). Значение неясно. Имя собств.? Обозначение коня? (de Vries, стр. 109–110; Friesen 1924, стр. 86).

fAlAhAk (I, 9). 1 л. ед.ч. прош. врем, сильн. глг. ‘скрыл’, ‘утаил’. О значении данного слова см.: DRI, стр. 649; de Vries, стр. 116. См. также *felAheka*.

farauisa (II, 12) ‘знающий опасное’ (de Vries, стр. 112 А). Обращает на себя внимание использование руны *u* вместо *w*, что необычно для эпохи написания данной надписи (приблизительно середина VI в.).

felAheka (I, 86). 1 л. ед.ч. наст. врем, сильн. глг. ‘я скрываю’, ‘прячу’. Ср. *fAlAhAk*.

fino (I, 7). Имя собств. ж. р. Данное имя представлено в континентально-герм. и в сканд. ономастике в составе первого и второго компонентов сложных слов, ср. исл. *Finnr*, др.-шведск. *Finna*, исл. *Arnfinnr*, *Dagfinnr*, *Geirfinnr*, др.-англ. *Dægfin*, *Merefin*, др.-фризск. *Finn*, д.-в.-н. *Fingast*, *Finnold*. О данном типе имен в германских языках см.: Н. Naumann, *Altnordische Namenstudien*. Berlin, 1912, стр. 86 и сл. Об этимологических толкованиях см.: de Vries, стр. 120–121.

fiskR (I, 17) ‘рыба’. О синкопе в данном слове см.: Olsen 1919, стр. 181–182,

flagdafaikinaR (I, 106). Чтение четвертой руны не совсем ясно; ‘угрожаемый со стороны злых сил’? (Marstrander 1946, стр. 19–42; Krause 1961, стр. 266–272).

fokl ‘птица’. Написание *k* вместо *g* указывает, вероятно, так же как и в *læt* той же надписи, на замену звонкого глухим в согласии с рун. графикой, характерной для младшего рун. алфавита. Лишено основания предположение Трнки, что *k* вместо *g* означает раннюю диалектную замену перед *l* (см.: Trnka 1939, стр. 294). Андерсен справедливо возражает против данного объяснения (Andersen 1947. — «Arkiv», стр. 216–217).

frawaradaR (I, 54). Имя собств. Ср. сходное образование *hagiradaR* (I, 84), (Friesen 1924, стр. 87; Marstrander 1952, стр. 262; de Vries, стр. 140).

frifridil (I, 13). Имя собств. (Arntz–Zeiss, стр. 171).

frodila (II, 8). Обычно читается *frohila* (Krause 1937, стр. 463). Краузе, так же как и другие исследователи, рассматривает *h* как аннулятор гиа (Hiatustilger). Однако наличие *h* в этой функции в рун. надп. сомнительно (ср.: Krause 1937, стр. 463; DRI, стр. 956). Марстрандер рассматривает *h* как ошибочное написание вместо *d* и предлагает чтение *frodila* (Marstrander 1951, стр. 36), что вполне вероятно и что ни с графической, ни с этимологической точки зрения не вызывает возражений.

gAf (I, 86). 3 л. ед. ч. прош. врем. глагола ‘давать’.

gahelija (I, 48). См. сл. слово.

ginugahelija (I, 48). Чтение и толкование данного слова и всей данной части надписи неясны (Marstrander 1952, стр. 31); *ginu-* рассматривается как усилительное слово; *gahelija* Норен сближал с д.-в.-н. *gahilli* ‘звучащий совместно’, ‘громко звучащий’ (Noreen 1923, стр. 381). То же толкование у Краузе и Нурд-ланда (Krause 1937, стр. 483; Nordland 1951, стр. 100–102).

gakaR (II, 22). Значение неясно. Краузе предполагает пропуск руны *u* и восстанавливает **gaukaR* ‘кукушка’, указывая на то, что *laukaR* в той же надписи образует с **gaukaR* рифмующуюся пару (Krause 1937, стр. 457). Якобсен и Мольтке усматривают в *gakaR* магическое слово и указывают на то, что с палео-графической точки зрения **gaukaR* вряд ли возможно (DRI, стр. 543 и 652). Обращает на себя внимание наличие следующих, возможно, рифмующихся слов в рун. надп.: *akaR* (II, 4), *fakaR* (II, 10), *gakaR* (II, 22). Не исключена возможность наличия бессмысленного набора рун, столь типичного для брактеатов (см. об этом гл. I), а также наличия принципа вариации в начале слова в связи с вероятными, хотя нам и неизвестными магическими целями.

gAlānde (I, 17) ‘поющий’, ‘кричащий’.

? **gaois** (I, 55). Неясно. Марстрандер указывает на то, что с палеографической точки зрения невозможно решить, следует ли читать надпись слева направо или наоборот, и что данная надпись не пригодна для языкового анализа (Marstrander 1952, стр. 164–165).

-**gestumR** (I, 86). Дат.п. мн.ч. Возможно, ‘чужеземцам’, ‘гостям’. Фрисен полагает, что *gestr* было обозначением члена дружины в Норвегии, набравшейся из чужеземцев (Friesen 1916, стр. 46–48). Линдквист усматривает в *gestumR* возвратившихся на родину эрулов (Lindqvist 1923, стр. 119, 133). О данной форме в связи с проблемой умлаута см.: Andersen 1956, стр. 9–15.

gibu (II, 12). 1 л. ед.ч. наст. врем. сильн. глаг. ‘давать’. В *i* вместо *e* следует усматривать не воздействие последующего *u*, а аналогическое выравнивание по формам 2-го и 3 л. ед.ч. **gibiR*, **gibiþ* (Krause 1937, стр. 477).

ginArunAR (I, 9), **ginoronoR** (I, 86). Возможно, ‘могущественные руны’, ‘чудодейственные руны’ (Marstrander 1952, стр. 140–141; de Vries, стр. 167B). О соотношении данных двух форм см.: DRI, стр. 653–654, а также гл. III.

ginugahelija (I, 48). См. **gahelija**.

glæaugiR (II, 7). Возможно, ‘остроглазый’, ‘с пронзительными глазами’ (Krause 1937, стр. 478–479). Второй компонент в образованиях типа бахуврихи в индоевропейских языках относился обычно к *i*-основам (ср.: M. Leumann, Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1963, стр. 233–234; а также: Krause 1937, стр. 478–479; Krause 1961, стр. 259).

godagas (I, 101). Имя собств.; *o*-основа, род.п. ед.ч. Толкование спорно. Бугге усматривал в данном слове гаплогическое упрощение, т.е. **gōdadagaR* > **gōdagaR* (Bugge–Olsen I, стр. 348). Возможно также образование с суффиксом *-agr*, представленным лишь в исл. *heilagr* ‘священный’ (de Vries, стр. 218 A; Krause 1937, стр. 491; см. также: Andersen 1949, стр. 95–97; Friesen 1924, стр. 87).

godahid (I, 68). Имя собств. Транскрипция *-hid* спорна. Обычно принимается **godahild* с пропуском руны *l* перед *d*, ср. *hagustadaR* (I, 44). Ср.: Krause 1937, стр. 638–639. Гринбергер предполагал отражение диалектной *allegro*-формы (Grienberger 1908, стр. 402). Арнтц, принимая объяснение Гринбергера, допускает небрежное написание вместо **godahild* (Arntz–Zeiss, стр. 324–325).

gotnA (I, 17). Род.п. мн.ч. Толкование спорно: *laṭ gotnA* ‘страна людей’, ‘мир людей’ (Olsen 1917, стр. 138–140) или ‘страна (готских) коней’ (Jacobsen 1931, стр. 52; Krause 1937, стр. 529). Киил дает иное чтение и фантастическое толкование: *huwAR ob kam hArme a hiq-laṭ gotnA* «Hvem satte ‘utsagnet’ på renne-teigen?» (Kiil 1955, стр. 169).

gudija (I, 63). Возможны две интерпретации: 1) ‘священнослужитель’, ‘жрец’ (Krause 1937, стр. 498; de Vries, стр. 181 В). 2) Имя собств., что менее вероятно (Marstrander 1951, стр. 28–29, 36). По поводу объяснения Краузе, согласно которому *gudija*, соответствующее готск. *gudja* ‘священник’, ‘жрец’, указывает на то, что язык старших рун. надп. стоит ближе к готскому, чем скандинавский язык эпохи викингов (Krause 1937, стр. 498), см. гл. II, а также: «Сравн. грамм. герм. яз.», т. III, стр. 198–200. О фономорфологических особенностях данного слова см.: Marstrander 1951, стр. 28–29, где взвешивается возможность чтения **gundija*. О соотношении *-ja* и *-ija* в рун. надп. см. гл. V.

gutani (I, 69). Скорее всего, имя собств. готов, однако форма неясна. Род.п. мн.ч.? (исчерпывающее изложение вопроса см.: Arntz–Zeiss, стр. 73–97; «Сравн. грамм. герм. яз.», т. III, стр. 166–167; Isbăşescu 1961, стр. 340).

hadulaikaR (I, 44). Имя собств. В связи с тем, что по этимологическим соображениям вместо руны *d* ожидается руна *b*, ср. *hApu-* (I, 40), Бугге предложил чтение **handu-* (Bugge–Olsen 1891, I, стр. 274) и соположил данное слово с д.-в.-н. именами, содержащими *hant-* (Friesen 1924, стр. 88; Marstrander 1951, стр. 38; de Vries, стр. 200–201).

hAerAmAlAusR (I, 9), **herAmAlAsAR** (I, 86). Возможно, ‘не знающий покоя’, ‘беспокойный’ (ср.: Lindqvist 1923, стр. 184–186; Jacobsen 1935, стр. 29–30; Grienerger 1907, стр. 82–83; DRI, стр. 405, 664–665).

hAeruwulafiR (I, 40). Имя собств. ‘сын Херивульфа’. О написании *Ae*, которое, возможно, обозначает *e* или *a* см.: Friesen 1916, стр. 32. Виммер принимал, что *Ae* обозначает преломление (ср.: Burg 1885, стр. 159). Изложение вопроса см.: DRI, стр. 665; *-iR* восходит к *-ijaR* (ср. *holtijaR* — I, 29). Об *-iR* в патронимических обозначениях см.: Olsen 1936, стр. 20–30; Улсен отмечает наличие лишь четырех образований на *-ijaR* > *-eR* > *-iR* в рун. надп. — *holtijaR* (I, 29), *hroReR* (I, 14), *hAeruwulafiR* (I, 40), *þirbijaR* (I, 5) и указывает на то, что патронимический суффикс *-ijaR* является герм. новообразованием под влиянием лат. патронимических образований. Мало вероятно. О данном суффиксе см. также: Marstrander 1952, стр. 8–10.

hagiradaR (I, 84). Имя собств. По типу образования ср. *frawaradaR* (I, 54). О данном слове см.: Væksted 1946–1947, стр. 51–52.

hagustadaR (I, 44), **hagustaldaR** (I, 101). В первом слове руна *l* не выписана, возможно, по ошибке; ср. *godahid* (I, 68). Общегерманский термин социальной структуры — обозначает младшего сына, не наследующего по германским правовым

нормам недвижимую собственность и остающегося холостым. Обычно люди такого положения поступали в дружину конунга и становились дружинниками или воинами. Отсюда два основных значения слова: 1) холостой мужчина; 2) воин, ср. исл. *haukstaldr* (вариант *haukstallr*), др.-англ. *hagusteald*, др.-сакск. *hagustald* (вариант *hagastold*), д.-в.-н. *hagustalt*. Значение рунического слова скорее всего ‘служилый человек’, ‘воин’, ‘дружинник’. Остается неясным, в какой мере *hagustaldaR* (I, 101) является именем собственным, как предполагают некоторые рунологи (Краузе 1937, стр. 557). Об этимологии данного слова см.: de Vries, стр. 214; историю термина в германских языках дает де Фрис (de Vries 1944, стр. 93–104); о данном слове в составе герм. ономастики см.: Friesen 1924, стр. 88; Janzén 1954, стр. 178.

1haha (I, 89). Значение неясно. Краузе, исходя из значения всей надписи, предлагает перевод ‘отава’ (Краузе 1937, стр. 620–621). Киил дает перевод ‘пятка’ (Kiil 1953, стр. 85–86). Оба предположения мало вероятны.

2haha (I, 54). Наиболее трудное и непонятное слово данной надписи (историю всех толкований см.: Sveriges runinskrifter, Bd 8, Del 3, N. 3, 1949–1951, стр. 555–575). Наиболее правдоподобным представляется объяснение Краузе: *ana hahai* ‘на коне’. Сомнительно, однако, принимаемое Краузе окончание дат.п. ед.ч. *-ai* (см.: Краузе 1931, стр. 156–173; Краузе 1937, стр. 572–573; de Vries, стр. 226 A). В наиболее древних надписях засвидетельствовано лишь окончание *-e*, ср. *woduride* (I, 99).

hahwar (I, 111). Имя собств. м.р. Этимология данного слова и его стратиграфия в составе герм. ономастики неясны. Краузе с оговорками сопоставляет данное имя с исл. *Hávargr*, что, однако, вряд ли возможно, ибо *Hávargr* скорее всего восходит к **hauhagaiRaR* (см.: Краузе 1937, стр. 647; Arntz–Zeiss, стр. 373; de Vries, стр. 214 B).

hAiderA (I, 9), **hederA** (I, 36). Возможно, ‘здесь’: ср. исл. *hedra* ‘здесь’ (de Vries, стр. 215 A). О написании *Ai* и *e* см.: DRI, стр. 663.

hAidRuno (I, 9), **hideRunono** (I, 86). Точное значение слова неясно. Пальмёр предлагал в *hAidR* видеть мастера рун. письма. Данное объяснение было принято Якобсеном и Мольтке и признано возможным Марстрандером (см.: Palmér 1930, стр. 289–304; DRI, стр. 661; Marstrander 1952, стр. 137). Краузе предлагает толкование ‘блестящие руны’ (Краузе 1937, стр. 510). Возможно, слово сакр. рун. лексики.

hailag (I, 69) ‘священный’, ‘неприкосновенный’ (Arntz–Zeiss, стр. 78–79).

haite (I, 48), **hite** (I, 41), **hait** (I, 41), **haitika** (II, 12), **hateka** (I, 51) ‘я называюсь’. О соотношении данных форм см.:

Marstrander 1952, стр. 239–244; DRI, стр. 661; hateka вместо haiteka объясняется либо ослабленной акцентной позицией (Seip 1955, стр. 17), либо соображениями числовой магии, в данном случае желанием получить число 24 (Olsen 1917, стр. 228–229; ср. справедливые критические замечания по данному поводу: Andersen 1947, N. o. B., стр. 173–174), либо небрежностью рун. мастера (DRI, стр. 1048), либо, как то полагал Э. Норén (Noreen 1945, стр. 145–150) и как то принимал Марстрандер, руну *t* можно было вычитать как вписанную руну *it* и, следовательно, hateka нужно было читать как haiteka (Marstrander 1952, стр. 105–106). Наиболее убедительным представляется объяснение Якобсен–Мольтке.

haitinaR (I, 94). Скорее всего, ‘был назван’. О разных толкованиях данного слова см.: Friesen 1924, стр. 129–131; Marstrander 1952, стр. 197–203.

haiwidaR (I, 2). См. hlaiwidaR.

hakuþo (I, 60). Неясно (Krause 1937, стр. 520–521). О возможных толкованиях см.: Svärdström 1958, стр. 98–99.

? **hAl** (I, 78). Толкование надписи неясно. Скорее всего, hAl+maR — имя собств. (Olsen–Shetelig 1933, стр. 40–45; Krause 1937, стр. 473–474).

halaR (I, 85). Не совсем ясно: имя собств. или ‘камень’ (Friesen 1924, стр. 88; Marstrander 1951, стр. 36; de Vries, стр. 205 B). Предположение Фрисена о том, что halaR восходит к *halþaR ‘наклоненный’ (Friesen 1924, стр. 128–129), сомнительно, ибо трудно допустить ассимиляцию *lp* > *ll* (в руническом долгий согласный как правило передается одной руной) для столь раннего времени (Krause 1937, стр. 563–568).

hali (I, 89); Не совсем ясно, возможно, ‘камень’ (Krause 1937, стр. 620). Иное, менее вероятное, объяснение предлагает Киил ‘мертвый’, ‘обреченный на смерть’ (Kiil 1953, стр. 89–95; см. также: de Vries, стр. 206 A).

harabanaR (I, 41). Имя собсти. м.р. Исходное значение ‘ворон’. Как нарицательное и имя собств. слово представлено в большинстве германских языков: ср. исл. hrafn, фар. gavnur, др.-англ. hræfn, др.-сакс. nahtram ‘филин’, ‘сова’, д.-в.-н. hrabo (варианты: hraban, hram). Руна *a* между *h* и *r*, а также между *b* и *n* имеет лишь графическое значение, выступая как вставная руна (Friesen 1924, стр. 88–89; Krause 1937, стр. 488; de Vries, стр. 250 B).

haraRaR (I, 19). Возможно, имя собств. Вторая руна является вставным гласным (Friesen 1924, стр. 89). Чтение пятой руны не совсем ясно: *R* или *f*. Янсén предлагает читать harafaR (Janzén 1954, стр. 179).

haribrig (I, 113). Имя собств. (Arntz–Zeiss, стр. 366).

harija (I, 79). Возможно, имя собств. (Marstrander 1952, стр. 257–258; ср. также: Krause 1937, стр. 570–571).

hariṣo (I, 37). Имя собств. В зависимости от того, какому языковому ареалу — скандинаво-восточногерманскому или западногерманскому — принадлежит надпись, решается вопрос о грамматическом роде данного слова. В первом случае следует принять женский род, во втором случае — мужской. (Историко-археологическую характеристику древнейших датских рунических памятников и их возможной этнической принадлежности см. в работе: Brønsted 1960, стр. 259–273. Подробное освещение вопроса см. в гл. II, а также: Friesen 1924, стр. 89–90; Marstrander 1952, стр. 72–74; Смирницкий 1957, стр. 77; Kuhn 1960, стр. 67–68; de Vries, стр. 211 В).

hariuha (II, 12). Имя собств. Подробный анализ данного слова см. в гл. IV.

hAriwolAfR (I, 86), **hAriwulafa** (I, 40), **hAriwulfs** (I, 70). Имя собств. О возможности транскрипции *-wolAfR* как *-wulfR* см.: Jacobsen 1935, стр. 40. О гипотетическом соотношении данных имен см.: Krause 1937, стр. 517–518; Marstrander 1952, стр. 130–132; см. также: DRI, стр. 663.

harja (I, 109). Имя собств. О соотношении *harija* (I, 79) и *harja* см. гл. V. Не совсем ясно, в какой мере *harja* является сокращением от полного имени *hAriwolAfR* (I, 86), соответствующего исл. *Herjólfur* (см.: de Vries, стр. 211 В). Краузе указывает на то, что гребни из Ви, откуда происходит и данная надпись, обнаруживают символические знаки, в частности свастику, что характеризовало культ асов, и что прозвище Одина, верховного аса, *Herjan*, *Herfōðr* позволяет видеть в имени *harja* одно из прозвищ Одина (Krause 1937, стр. 606–607); мало вероятно. О данном имени см. также: Friesen 1924, стр. 90; Janzén 1954, стр. 179.

hArsi (I, 17). Возможно, ‘здесь’ (Jacobsen 1931, стр. 49–50). Написание неясно. Улсен (Olsen 1919) читает: *hAris*; к нему присоединился Хардинг, читающий: *huwaR obkaṃ haris a* ‘кто пришел из толпы (войска) призраков’ (Harding 1938, стр. 12). Г.Хёст предполагает чтение *haras* и рассматривает данное слово как прозвище Одина **heráss* ‘бог воителей’, сравнивая следующие поэтические прозвища Одина: *Herfōðr*, *Herteitr*, *Hertýr* и др. (Høst 1960, стр. 525–527). Палеографически неясно и контекстуально мало вероятно.

hateka (I, 51). См. *haite*.

haju (I, 89). Неясно? ‘Покос’ (Krause 1937, стр. 621).

hApuwolAfA (I, 32), **hApuwolafR** (I, 40), **hApuwolAfR** (I, 86). Имя собств. (DRI, стр. 663; Krause 1937, стр. 517).

haukoþuR (I, 102). Имя собств., возможно, прозвище ‘с ястребиным взглядом’? Третья руна окончательно прочитана как *u*, а не *r*, как первоначально предполагал Фрисен (Friesen 1924, стр. 91). В 1933 г. Фрисен принял чтение *u*, но предложил транскрипцию *haugoþuR* и толкование ‘погребение’ (Friesen

1933, стр. 30). Мало вероятно. О различных толкованиях см.: Krause 1937, стр. 521; Svårdström 1958, стр. 104–106; de Vries, стр. 214 А.

hederA (I, 86). См. hAiderA.

heldaR (II, 28). Имя собств. Нет основания предполагать вместе с Бугте, что данный брактеат является копией оригинала, где вместо руны *d* была руна *m*, т.е. *helmaR (Krause 1937, стр. 614; Marstrander 1951, стр. 37).

herAmAlAsAR (I, 86). См. hAerAmAlAusR.

hiba (I, 114). Имя собств. (Arntz–Zeiss, стр. 367).

hideRuno- (I, 86)-. см. hAidRuno-.

hin (I, 17). Местоимение ‘тот’ (Krause 1937, стр. 529).

hino (I, 89). Неясно. Местоим. ‘этот’, ‘тот’? (Krause 1937, стр. 620).

? **hira** (I, 113). Написание неясно. Возможно, описка вместо hiba (I, 114). Арнц дает несколько конъектур (Arntz–Zeiss, стр. 367).

hiwigaR (I, 3). Чтение третьей руны (*w*) и значение неясно. Имя собств.? Марстрандер предполагает hiþi(n)gaR, т.е. первоначально патронимическое образование от Híði (Marstrander 1951, стр. 37; ср.: de Vries, стр. 229 В).

hlaaiwido (I, 44). 1 л. ед.ч. прош. врем. слаб. глаг. ‘я похоронил’ (Krause 1937, стр. 557).

hlaíwa (I, 10; предположительно I, 56, хотя написание неясно); *o*-основа ср.р. ‘могила’. Общегерм. образование: ср. готск. hlaiw, др.-англ. hláw, др.-сакс. hleo, д.-в.-н. hleo ‘могила’. Этимологию данного слова дает де Фрис (de Vries, стр. 234 В).

hlaiwidaR (I, 2). Написание haiwidaR. Исходя из данного написания Гринберггер предполагал значение ‘успокоенный’. Более вероятно принять описку вместо hlaiwidaR (прич. II от *hlaiwijan ‘погребать’ — Krause 1937, стр. 574–575).

hli (I, 88). Значение неясно. Чтение надписи не может считаться окончательным (Olsen–Shetelig 1933, стр. 69–72).

hlewagastiR (I, 29). Имя собств. О данном типе образования см.: Marstrander 1952, стр. 7–8; Janzén 1954, стр. 180; Friesen 1924, стр. 92–93.

hnabudas (I, 10). Руна *u* неясна. Предположительно *bu* является соединительной руной. Марстрандер транскрибирует данное слово как hnabdas (Marstrander 1951, стр. 37). Возможно, имя собств. (de Vries, стр. 241–242).

holtijaR (I, 29) ‘сын Хольта’ или ‘из рода Хольта’, Об образовании на *-ijaR* в рун. надп, см. s.v. hAeruwulafiR. Вместо ожидаемого *hultijaR засвидетельствовано *holt-*, что требует особого рассмотрения. Наличие *o* может быть объяснено как аналогическое образование по производному *holta с расширением *u* > *o* перед последующим *a*. Сейп указывает на то, что и части соврем. норвежских диалектов представлена форма hult

(соответственно в шведских диалектах представлена форма *hult* и *hålt*) и что *holtijaR* является показателем первых диалектных различий между скандинавскими языками (Seip 1955, стр. 12). В то же время вопрос о принадлежности данной надписи именно к скандинавскому ареалу является нерешенным (см. подробнее гл. II). Вессен полагает, что *holtijaR* является показателем того, что древнескандинавский язык (т. е. язык, отраженный в старших рун. надп. — Э. М.) не был единообразным и что чередование *hult/holt* (как в соврем. диалектах) было уже представлено в разговорном языке эпохи переселения народов, причем огласовка *o* в *holt-* возникла перед группой согласных *ld, lt, ll*. Наличие огласовки *o* в западногерманских языках (ср. д.-в.-н. *holz*) и огласовки *a* в готском (ср. готск. *mulda* ‘прах’, ‘пыль’) указывает на герм. диалектную изоглоссу. В этой связи Вессен обращает внимание на то, что *holt-* указывает, возможно, на лесную полосу на юге Ютландии, и на то, что надпись на роге из Галлехуса была найдена вблизи границы со Шлезвигом (Wessén, *Våra folkhäl.* Malmö, 1958, стр. 68–69). О спорности интерпретации *o* в *holtijaR* как о см.: Antonsen 1963, стр. 196. Ср. также: de Vries, стр. 248; DRI, стр. 668.

horna (I, 29, 89). Вин.п. ед.ч. *o*-основы ср.п. ‘рог’(de Vries, стр. 249 A).

houaR (II, 15). Неясно. Имя собств.? Возможно, ошибочное написание, столь типичное для многих брактеатов (DRI, стр. 803). О различных коньектурах см.: Bugge 1905, стр. 205; Friesen 1924, стр. 93; Марстрандер исключает данное слово из своего списка рун. ономастики (Marstrander 1951, стр. 39; DRI, стр. 669).

hraRaR (I, 73). Написание четвертой руны неясно (R?). Имя собств.? (Friesen 1924, стр. 89; Krause 1937, стр. 542; de Vries, стр. 251 B). Марстрандер сомневается в возможности написания *hrabaR (Marstrander 1951, стр. 37).

hroAltR (I, 103). Написание: rhoAltR. Имя собств. (Friesen 1924, стр. 98). О чередовании *rh* и *hr* в написании см.: Krause 1937, стр. 500.

hroRaR (I, 14), **hroReR** (I, 14). Возможно, имя собств. (Friesen 1924, стр. 93; Marstrander 1951, стр. 37; de Vries, стр. 260 B). Об *-eR* в патронимических обозначениях см. s.v. *hAeruwulafir*. Линдквист дает иную интерпретацию: *hroRaR* *hroReR* ‘быстрый из быстрых’ (Lindqvist 1939, стр. 20). Мало вероятно.

huni (I, 17). Неясно. ‘Корабль’, ‘ладья’? (Jacobsen 1931, стр. 38; Krause 1937, стр. 529; de Vries, стр. 267 B).

husibald (I, 83). Написание четвертой и пятой руны (*i, b*) неясно. Имя собств. (Arntz–Zeiss, стр. 354–355).

huwAR (I, 17). Вопр. местоим. ‘кто’ (Krause 1937, стр. 529).

hwatin (I, 60). Чтение неясно (Krause 1937, стр. 520; Svärdström 1958, стр. 96).

ida (I, 112). Имя собств. (Arntz–Zeiss, стр. 372).

iddan (I, 15). Имя собств. (Arntz–Zeiss, стр. 179).

idorih (I, 115). Возможно, имя собств. Корреспонденции в герм. ономастике отсутствуют. Краузе обращает внимание на то, что в Chronicon Salernitanum встречается лангобардское имя Idelrih. Весьма примечательно, что в данной надписи форма *-rih* указывает на второе передвижение согласных, которое, кроме данной надписи, нигде не обозначается (Краузе 1937, стр. 652–653; Arntz–Zeiss, стр. 420).

idunī (I, 111). Последняя руна *i* гипотетична (Arntz–Zeiss, стр. 372–373). Имя собств.

igijon (I, 85). Имя собств. Возможно, род.п. ед.ч. *n*-основы (Marstrander 1951, стр. 10).

ik(-a). См. ек.

irilaR (I, 14, 74, 104). См. erilaR.

iūpin (I, 72). Неясно (Marstrander 1952, стр. 173–174; Lundberg 1949, стр. 23–32).

iūpingaR (I, 71). Возможно, имя собств. (Friesen 1924, стр. 94; de Vries, стр. 288 A; Janzén 1954, стр. 181).

kAibA (I, 17). Возможно, ‘уключина’ (Jacobson 1931, стр. 42–43), Хардинг дает перевод ‘борозда’, ‘царапина’ (Harding 1938, стр. 10).

kam (I, 17). 3 л. ед.ч. прош. врем. сильн. глаг. ‘приходить’ (Краузе 1937, стр. 529).

kepan (I, 6). Имя собств., род.п. ед.ч. *n*-основы (de Vries, стр. 308 A; Janzén 1954, стр. 181).

kunimudiu (II, 28). Имя собств. Руна *n* перед *d* по правилам рун. графики не выписана, ср. I, 60, 74 (Friesen 1924, стр. 94).

kurne (II, 28). Дат.п. ед.ч. сущ. ‘зерно’. Обращает на себя внимание огласовка *u* вместо *o*; ср. horna (I, 29). Фрисен взвешивал возможность обозначения фонемы *o* при помощи руны *u* (Friesen 1933, стр. 44). Для столь раннего периода мало вероятно.

? **laasauwija** (I, 110). Удовлетворительное объяснение отсутствует; ср. aadagasu. Марстрандер предлагает членение: a/adag asu/la asau wija ‘я посвящаю асу’ (Marstrander 1952, стр. 64).

ladawarijaR (I, 98). Возможное чтение lada как landa с пропуском руны *n* перед *d*. Имя собств. м.р. Второй компонент данного имени выступает также в stainawarijaR (I, 73). Обшегерм. образование с суффиксом *-warja*; ср. д.-в.-н. lantwari, франкск. Landoerus. О первом компоненте в составе герм. ономастики см.: de Vries, стр. 345; см. также: Краузе 1937, стр. 589; Friesen 1924, стр. 95; Marstrander 1951, стр. 38.

lAgi (I, 17). 3 л. ед.ч. опат. наст. врем. ‘положил’.

laipigaR (I, 53). Имя собств. (Friesen 1924, стр. 94–95). Марстрандер предлагает читать *laipingaR, что с точки зрения рун. графики вполне возможно (Marstrander 1951, стр. 37; ср.: de Vries, стр. 344 B).

laṭ (I, 17) ‘страна’. О написании руны *t* вместо *d* см.: Olsen–Shetelig 1933, стр. 75.

laṭa (II, 14). Возможно, что то же слово, что laṭu. На основании окончания *-a* Марстрандер приходил к выводу о том, что данное слово является готским соответствием скандинавскому laṭu и что тем самым брактеаты, содержащие laṭu, написаны на скандинавском языке (Marstrander 1929, стр. 82–83). Более вероятно предполагать, что laṭa является ошибочным написанием, типичным для многих рун. надп.

? **laṭodu** (II, 30). Неясно (Krause 1937, стр. 465).

laṭu (перечень надписей с этим словом см.: Krause 1937, стр. 462–466). Слово рун. сакр. лексики (DRI, стр. 681).

laukaR (перечень надписей с этим словом см.: Krause 1937, стр. 453–458). Слово рун. сакр. лексики (ср.: DRI, стр. 681; de Vries, стр. 347 B; Krause 1938, стр. 48; Arntz 1944, стр. 225–226, 275).

leob (I, 111), **liub** (I, 113), **leuba** (I, 77). Скорее всего, имя собств. (Arntz–Zeiss, стр. 341–367, см. также s.v. liubu).

lepro (I, 87). Имя собств. Вопрос о том, идет ли речь о мужском или женском имени, решается так же, как и при hariso (см. выше. Ср.: DRI, стр. 682; Friesen 1924, стр. 97; Marstrander 1952, стр. 19).

-leubaR (I, 80). См. skipaleubaR.

leubwini (I, 61). Руна *l* неясна. Арнтц читает leubwinie. Имя собств. (Arntz–Zeiss 1939, стр. 288).

leugaR (I, 79). Возможно, имя собств. (Friesen 1924, стр. 96; de Vries, стр. 354 A). Марстрандер не включает данное слово и свой список рун. ономастики и предлагает такое чтение надписи: harija*leugaR┘, полагая, что руна * имеет символическое значение, так же как и руна *j* в I, 86 и должна быть прочитана aga; тем самым восстанавливается *araleugaR (ср.: Marstrander 1952, стр. 254–56). Мало вероятно.

liano (I, 15). Имя собств. (Arntz–Zeiss 1939, стр. 190–192).

ligi (I, 89). Возможно, 3 л. ед.ч. опат. сильн. глаг. наст. врем. ‘лежать’ (Krause 1937, стр. 621).

lina (I, 25). Возможно, ‘лён’. В сочетании linalaukaR обозначает магическую формулу. Быть может, слово рун. сакр. лексики (Olsen–Shetelig 1909, стр. 18–23; Krause 1937, стр. 454–455).

liubu (I, 65) ‘дорогой’, ‘милый’. Прилаг. ж.р. О значении данного слова см.: Andersen 1960, стр. 400–401.

logaṭore (I, 61). Неясно (см. подробное изложение вопроса в работе: Arntz–Zeiss 1939, стр. 290–300).

madali (I, 22). Первая руна сохранена частично. Возможно, имя собств. (Arntz–Zeiss 1939, стр. 200).

mAde (I, 17). 3 л. ед.ч. прош. врем. слаб. глаг. ‘соскоблить’, ‘стереть’ (de Vries, стр. 374 A).

magu (I, 44). Вин.п. ед.ч. *и*-основы ‘сын’; magoR (I, 106) род.п. ед. ч. (de Vries, стр. 400 B).

? **mairlǫu** (I, 93). Неясно (ср. Bugge–Olsen 1891, I, стр: 367–372; Krause 1937, стр. 591).

makia (I, 107) ‘меч’. Марстрандер дает чтение makija (Marstrander 1952, стр. 41).

maṅR (I, 17). Корневая основа, мн.ч. ‘люди’.

marihai (I, 107). Не совсем ясно. О возможных коньектурах см.: Marstrander 1952, стр. 37–44 (с сомнительными вариантами чтения надписи). Предположение Краузе о том, что руна *h* является аннулятором гиаата, весьма сомнительно (см. froðila, а также гл. V). Еще более сомнительно объяснение Краузе *-ai* как формы дат. п. ед. ч. *jo*-основы. В рун. надп. представлен лишь форматив *-e* (Krause 1937, стр. 603). Определенно вычленяется лишь *marī*; о значении см. s.v. *marīR*. См. также: DRI, стр. 244.

marīR (I, 96) ‘знаменитый’, ‘славный’ (Krause 1937, стр. 601; de Vries, стр. 399–400).

maṅR (I, 17) ‘человек’ (Jacobsen 1931, стр. 20); Хардинг толкует maṅR как неопред. местоим. (Harding 1938, стр. 7).

mrla (I, 24). Неясно. Бугге предложил чтение *marila*, которое он рассматривал как имя собств., соответствующее готск. *Merila*, ср. «Ik Merila bokareis handau meinai ufmelida...» (W. Streitberg, *Die gotische Bibel*. Heidelberg 1950, стр. 479; ср.: Bugge–Olsen 1891, стр. 148–149). Бугге принимал одновременно, что на Готланде в первые века н.э. был представлен диалект, близкий готскому языку, подтверждением чего, как полагал Бугге, была форма *wrta* той же надписи, где *-a* рассматривалось как окончание 3 л. ед.ч. прош. врем, и соответствовало готск. *aurhta* ‘сделал’. Соответствующее окончание в скандинавском было *-e*, ср. *wurte* (II, 28). Данное объяснение было принято А. Норéном (Noreen 1923, стр. 378) и Краузе (Krause 1937, стр. 611). Марстрандер вначале также рассматривал данную надпись как готскую (Marstrander 1929, стр. 81), но впоследствии оставил вопрос нерешенным и дал две транскрипции надписи: 1) в том случае, если надпись готская: *mik Mirila wor(h)ta f* (или *Merila*); 2) в том случае, если надпись скандинавская: *mek Marila worte ff* (Marstrander 1952, стр. 165). Все построение о готских рун. памятниках на Готланде весьма гипотетично. Более вероятно, несмотря на возражения Марстрандера (1952, стр. 166), объяснение Мольтке, согласно которому автор надписи имел оригинал: *ek erilaR*

wurto. Искаженной копией оригинала и является данная надпись (Moltke 1936, Aarbøger, стр. 257–258),

mAunA (I, 78). Неясно. Различные толкования см.: Krause 1937, стр. 473–474.

mk (I, 24). См. объяснение s.v. **mrla** (транскрибируется mik или mek ‘меня’). Или описка?

minino (I, 44). Вин.п. ед.ч. м.р. притяж. местоим.

minu (I, 65). Притяж. местоим. ж.р.

misurki (I, 17) ‘злодеяние’ (Jacobsen 1931, стр. 62–63: ‘злодей’), ‘злодей’ (ср.: Krause 1937, стр. 529; Nordén 1934, стр. 105–117). Г. Хёст полагает, что по палеографическим соображениям руна *m* в данном слове вряд ли возможна и дает предположительно чтение а ... u is urki, рассматривая данное сочетание как сигнатуру: ‘это — произведение, творение NN’. (Høst 1960, стр. 530–531). Неясно.

? **muha** (I, 48). Марстрандер предлагает чтение ‘m uha ‘(я) емь Уха’ (Marstrander 1952, стр. 28–29; Marstrander 1951, стр. 19). В палеографическом отношении вполне возможно. Все прежние попытки толкования данного слова мало удовлетворительны (de Vries, стр. 394 В). Обзор их дается в DRI, стр. 232–233, 688. См. hariuha.

nAhli (I, 85). Неясно (Krause 1937, стр. 612).

nAkda (I, 17) ‘обнаженный’ (Olsen 1919, стр. 111; Jacobsen 1931, стр. 25–27). Вин.п. ед.ч. м.р. По поводу синкопы *u* в данном слове (герм. *nakwidan > *сканд. nakuda) Хардинг замечает, что nAkda, по сравнению с karuR в надписи на камне из Рёка (см.: Friesen 1920, стр. 47) указывает на относительно поздний характер надписи (Harding 1938, стр. 8).

naŋA (I, 78). Неясно. Имя собств.? (Krause 1937, стр. 473).

nAseu (I, 17). Толкование данного слова различно. Улсен рассматривает nAseu как сложное слово: nā-seu ‘озеро трупов’ и видит в нем кеннинг, обозначающий кровь (Olsen 1919, стр. 132). Хардинг предлагает толкование ‘вода во время отлива’, ‘отлив’, ‘побережье’ (Harding 1938, стр. 9; ср. также: Nordén 1934, стр. 113). Г. Хёст взвешивает возможность чтения knaseu, сопоставляя данное слово с исл. knár ‘могучий’, ‘действительный’, ‘сильно действующий’ и давая ему толкование ‘могучая’, ‘волшебная вода’ (Høst 1960, стр. 521–522). Мало вероятно, ибо приходится принимать связанную руно **ḷk**, в то время как подобное графическое сочетание вообще не встречается в рун. надп. В надписи из Эггьюма (I, 17) связанные руны вообще отсутствуют.

ni (I, 17, 96). Отрицание ‘не’, ‘нет’. О возможности чтения ni и ne см.: Jacobsen 1931, стр. 32, 81–83; Olsen–Shetelig 1933, стр. 75–76.

niuĥA, niuha (I, 86), О возможных толкованиях см.: DRI, стр. 690, а также гл. IV.

niuĵila (II, 9), **niuwila** (II, 25). Возможно, имя собств. (Friesen 1924, стр. 98; Marstrander 1951, стр. 37; DRI, стр. 691). Соотношение двух форм не совсем ясно. Фризен ставит вопрос о том, не является ли *w* в *niuwila* опиской вместо руны *j*, что для брактеатов со многими ошибочными и искаженными написаниями вполне возможно (Friesen 1924, стр. 98). Не исключена возможность, что формы с *j* и с *w* имеют разную диалектную основу. Кун обращает внимание на то, что брактеат с надписью *niuwila* относится к области, которая впоследствии была пограничной зоной между скандинавским и западногерманским ареалом (H. Kuhn, Zur Gliederung der germanischen Sprachen. — ZfdA, Bd 86, 1955, H. I, стр. 12; см. также: «Сравн. грамм. герм. яз.», т. I, стр. 118 и 123). Марстрандер в связи со своей теорией о наличии значительного количества готских (или восточногерманских) рун. надп. принимал, что *niuwila* является готской формой (Marstrander 1929, стр. 119). В списке рун. ономастики Марстрандер приводит обе формы и сближает их с д.-в.-н. именем, а также приводит имя конунга хамавов *Neviogastus* (Schönfeld 1911, стр. 172) и д.-в.-н. *Niwilo* (Marstrander 1951, стр. 37). Ср. также: de Vries, стр. 413 А. Скорее всего, два графических извода одного оригинала (DRI, стр. 505).

ob (I, 17). Скорее всего, усилительная или эксплетивная частица, соответствующая исл. *of/um*. Улсен рассматривает *ob* в сочетании *huwAR ob kam* ‘кто пришел’ как перфективирующую частицу (Olsen 1919, стр. 62–63). Возражая Улсену, Кун указывает на то, что в данном сочетании *ob* вряд ли могло иметь перфективирующую функцию, ибо глагол **kvepan* в древних герм. яз. сам являлся перфективирующим и в прич. II не принимал префикса *ga-*. Кун предлагает поэтому рассматривать *ob* в потенциальной (или модальной) функции ‘кто мог бы прийти?’ (H. Kuhn, Das Füllwort of-um im Altwestnordischen. Göttingen, 1929, стр. 90–91). Сходное объяснение предлагает Дал, подчеркивая экспрессивный характер *ob* и указывая на то, что сочетание *ob kam* является скандинавским новообразованием позднего этапа развития, поскольку глагол кома ‘приходить’ является перфективирующим (I. Dal, Ursprung und Verwendung der altnordischen «Expletivpartikel» of, um. «Avhandl. utg. av det Norske Videnskaps-Akad. i Oslo», II Hist.-Filos. Klasse, № 5, 1929, стр. 11, 85).

orte (I, 14). Вторая руна (*r*) неясна. Скорее всего, 3 л. ед.ч. прош. врем. ‘сделал’. Затруднение представляет согласование *ekirilaR ... orte* ‘я, эриль ... сделал’, требующее 1-е, а не 3 л. глаг. (т. е. **orta*). О возможных объяснениях см.: Salberger 1956, стр. 127–128.

? **orumalaibaR** (I, 56). См. wogumalaibaR.

oR (I, 17). Предлог ‘из’ (de Vries, стр. 419 B).

ota (II, 29). Неясно. Искажённое написание, характерное для многих брактеев-тов? (DRI, стр. 544). Краузе полагает возможным наличие трех символических рун o(þala) ‘имуущество’, ‘собственность’, t(iwaR) ‘Тюп’, a(nsuR) ‘ac’ (Krause 1937, стр. 614–615).

rada (I, 81). Имя собств. ж.р. (Arntz–Zeiss 1939, стр. 348).

raginaḡkudo (I, 60). Руна *n* перед *d* по правилам рун. графики не выписана; значение ‘божественного происхождения’, ‘происходящие от высших сил’ (Svärdström 1958, стр. 94–97; de Vries, стр. 436–437; Krause 1943, стр. 17). Не исключена возможность, что ginogonoR (I, 86) и ginArunAR (I, 9) следует читать *rAginArunAR, поскольку сочетание hAiderAginArunAR (I, 9) допускает чтение hAiderArAginArunAR, ибо тавтологические руны на стыке двух морфем выписываются по правилам рун. графики один раз.

rAk (I, 72). Неясно (Krause 1937, стр. 523; Lundberg 1949, стр. 23–32).

ranja (I, 16). Возможно, ‘пронзающий’ (об оружии); о различных толкованиях см.: Arntz–Zeiss 1939, стр. 14–18.

raunijaR (I, 67). Возможно, ‘испытывающий’ (об оружии); ср.: Krause 1937, стр. 444; de Vries, стр. 443 A.

ronu (I, 9), **runa** (I, 27), **ronoR** (I, 86), **runAR** (I, 9), **runo** (I, 20, 60), **runoR** (I, 41; II, 28) ‘руна’, ‘руны’. О форме runo см.: Harding 1937, стр. 32–33; Якобсен предлагает толковать runo как ‘ряд’ и сравнивает с этим совр. исл. runa ‘ряд’ (Jacobson 1935, стр. 28). Об огласовке *o* в ronu см.: Jacobsen 1935, стр. 40; DRI, стр. 966. Об архаизирующем написании ronoR см. гл. III.

’s (I, 17), **es**, **is**. 3 л. ед.ч. наст. врем. глаг. ‘быть’ (ср. I, 106: ist).

sairawidaR (I, 73). Вторая руна (*a*) стерлась и является гипотетической. О возможных чтениях и коньектурах см.: Marstrander 1952, стр. 192–194 (рассматривается возможность чтения *(i)spirawidaR); Marstrander 1951 (предлагается с сомнением чтение *skirawi(n)daR). О возможном чтении sairawidaR см.: Friesen 1924, стр. 15–17. Хардинг предлагает толкование: sair (ср. исл. sárr ‘раненый’) и awidaR ‘уничтоженный благодаря ранам’ (Harding 1937, стр. 51–53). Мало вероятно. Шпербер предлагает толкование ‘с глубокими (собственно, широкими) ранами’ (Sperber 1950, стр. 145–150). Ср. также: de Vries, стр. 459–460.

sAkse (I, 17). Дат.п. ед.ч. ‘нож’ (Olsen 1919, стр. 91–92).

saligastiR (I, 7). Имя собств. м.р. (Friesen 1924, стр. 98–99; Marstrander 1951, стр. 39; Janzén 1954, стр. 184).

sAR (I, 9, 86). Относит. местоим. ‘тот’, ‘кто’ (< *sa + es, eR).

sar (I, 3). Неясно (Krause 1937, стр. 451–453).

sAte (I, 32). 3 л. ед.ч. прош. врем. слаб. глаг. ‘ставить’.

satido (I, 73). 1 л. ед.ч. прош. врем. слаб. глаг. ‘ставить’.

-sbA (I, 3). См. **цʁArAbAspA**.

segun (I, 68). Возможно, ‘благорасположение’, ‘посвящение’, ‘милость’ (Arntz–Zeiss, стр. 329–330).

siklis (I, 88). Неясно. ‘Украшение’? (Olsen–Shetelig 1933, стр. 69).

ssigaduR (I, 91). Неясно. Обычно объясняется как имя собств. < *sigihapuR (Friesen 1924, стр. 99–100; Janzén 1954, стр. 184; de Vries, стр. 473 B; Krause 1937, стр. 609–610). Подвергая детальному анализу все особенности данного слова — двойное написание руны *s* в начале слова, несовместимое с принципами рун. графики, выпадение интервокальной фонемы *h*, синкопу *i*, а также озвончение *þ*, Андерсен приходит к выводу, что данная надпись является скорее всего бессмысленным набором рун (Andersen 1961, стр. 51–60).

sigimaraR (I, 18). Имя собств. (Marstrander 1938, стр. 371–374; Marstrander 1951, стр. 39; Marstrander 1952, стр. 228–231; Krause 1937, стр. 679–680; Nordén 1937. — «Fornvännen», стр. 129–156).

sin (I, 82). Притяж. местоим. ‘свой’.

? **sinwara** (I, 57). Чтение, предложенное Марстрандером, вместо warafaus(a). Совершенно неясно. О различных толкованиях см.: Krause 1961, стр. 255–253.

skapi (I, 89). Не совсем ясно; возможно, 2 л. ед.ч. повел. накл. глаг. ‘вредить’ (Krause 1937, стр. 621).

skipaleubaR (I, 80). Имя собств. (Friesen 1924, стр. 100–101). Марстрандер указывает на то, что анализ данного слова неясен и предлагает чтение *ski(n)þa leubaR ‘Скинни дорогой’ (Marstrander 1951, стр. 39; Marstrander 1952, стр. 222–225).

skorin (I, 17). Прич. II ‘вырезанный’, ‘нарезанный’ (Krause 1937, стр. 528–529).

slaginaR (I, 54). Прич. II ‘убитый’.

snArþiR (I, 17). Возможно, ‘обманутый’ (Jacobsen 1931, стр. 30–31; Krause 1937, стр. 529).

solu (I, 17). Дат.п. ед.ч. ‘солнце’.

sot (I, 17). Прич. ср.р. слаб. глаг. ‘застигнут’ (Olsen 1919, стр. 92–93).

stAba (I, 32). Вин.п. мн.ч. (в западноскандинавском как правило *i*-основа, в восточноскандинавском — *o*-основа) ‘руническая палочка’, ‘руна’ (Krause 1937, стр. 505; de Vries, стр. 541).

stAin (I, 17), **staina** (I, 99, 73, 106), **stAinAR** (I, 70) ‘камень’; им., вин.п. ед.ч., им.п. мн.ч.

stainawarijaR (I, 73). Возможно, имя собств. (Friesen 1924, стр. 101–102; Marstrander 1951, стр. 39; Marstrander 1952, стр. 189–190; о долготе *a* в *warijaR* см. гл. V).

suemaðe (I, 17). Прич. I ‘пльвущий’ (Krause 1937, стр. 529).

? **sueus** (I, 50). Неясно. Хардинг предлагает толкование: ‘счастье’, ‘успех’ (Harding 1939, стр. 28–30). Мало вероятно. Быть может, набор магических рун (Marstrander 1952, стр. 163–164; ср. также: Krause 1937, стр. 432).

? **suhurah** (I, 60). Неясно. О различных проблематичных толкованиях см.: Svärðström 1958, стр. 93–98.

sunu (II, 82). Вин.п. ед.ч. *u*-основы ‘сын’.

? **susihe** (I, 60). Неясно (Svärðström 1958, стр. 93–98).

swabaharjaR (I, 73). Имя собств. м.р. Первый компонент данного имени содержит обозначение племени свевов. Имя представлено в континентально-герм. ономастике, ср. др.-англ. *Swafhere*, др.-сакск. *Swâfhere*, д.-в.-н. *Suâbheri*. В скандинавском представлено лишь в эддическом топониме *Sváfaland* и в имени *Sváfarr*. Представляется вероятным заимствование данного имени из континентально-герм. ономастики, как то предполагал Фрисен (см.: Friesen 1924, стр. 102; Krause 1937, стр. 541; Janzén 1954, стр. 185; de Vries, стр. 563 B).

swestar (I, 65) ‘сестра’. Об окончании *-ar* и проблеме возведения его к и.-е. *-er* или *-or* см.: Andersen 1960, стр. 409–410; «Сравн. грамм. герм. яз.», т. III, стр. 200–201.

tAitR (I, 100). Имя собств. (Friesen 1924, стр. 102; Marstrander 1951, стр. 37).

talijo (I, 108). Неясно. ‘Рубанок’? (DRI, стр. 723; Marstrander 1952, стр. 51–53, где предполагается толкование ‘я считаю’, причем *talijo* сопоставляется с исл. *telja*, а не *tæla*).

tawido (I, 29), **tawide** (I, 84), **tëuiiu** (II, 21). Чтение неясно. Улсен считает *tAuiiu*, *tojeika* (I, 60), ср.: Svärðström 1958, стр. 93, 1-м и 3 л. ед.ч. прош. и наст. врем. слаб. глаг. ‘я(он) сделал’; ‘я делаю’, ‘изготавливаю’. О значении данного слова в рун. надп. см.: Thomsen 1899, стр. 193–197; К. М. Nielsen 1940, стр. 57–63; DRI, стр. 723 (обсуждается проблема, в какой мере *tawido* могло означать ‘я сделал (пог)’, ‘я велел сделать’, ‘я украсил (пог)’, и *tawido* сопоставляется с готск. *taujan* ‘делать’). См. также: de Vries, стр. 583–584, 592 A; Krause 1961, стр. 264–266 [обсуждается вопрос, в какой мере *tawide* (I, 84) допускает чтение *itawide* и рассматривается значение и этимология данного слова]; Marstrander 1952, стр. 83 (ставится под сомнение возможность сочетания **runoR taujan* ‘сотворить, т.е. вырезать руны’).

tilariþs (I, 46). Предпоследняя руна допускает транскрипцию *þ* и *ð*. Возможное толкование — ‘нападающий’ (Arntz–Zeiss, стр. 38–41). О возможности отнесения данной надписи

к готскому (восточногерманскому) ареалу см.: Marstrander 1929, стр. 25–35; Krause 1937, стр. 442. Маст полагает, что данная надпись, быть может, вообще не является германской, а должна быть отнесена к иллирийским надписям и прочитана: Tilargios (Must 1955, стр. 493–498). Мало вероятно. См. также: «Сравн. грамм. герм. яз.», т. I, стр. 120–121 и гл. II наст. книги.

tojeḡa (I, 60). См. tawido.

þAiAR (I, 40), **þAim** (I, 17). Указ. местоим. ‘этот’. Вин.п. мн.ч. ж.р., дат.п. ед.ч. м.р. (do Vries, стр. 631 A).

þaliR (Братсберг, Норвегия). Неясно. Имя собств.? (Bugge–Olsen 1891, I, стр. 363–366; Friesen 1924, стр. 106; Krause 1937, стр. 590–591).

þar (I, 2). Наречие ‘там’ (Krause 1937, стр. 575).

þat (I, 9, 14, 86). Указ. местоим. ср.п. ‘это’.

þewaR (I, 101). Точное значение слова неясно. Возможно, ‘дружинок’, ‘воин’. Соположение с готск. *þius* ‘слуга’, ‘раб’, формально не вызывающее возражений, вряд ли отвечает содержанию данного слова как термина определенной социальной структуры в эпоху старших рун. надп. На это обращает внимание Марстрандер, указывая, что герм. *þewaz* выступает в качестве второго члена многих общегерманских имен конунгов и высокопоставленных лиц и что *þewaR* сопоставимо в рун. надп. с *erilaR* — термином той же социальной структуры (Marstrander 1951, стр. 20–22; ср. также: Friesen 1924, стр. 105–106; Wessén 1927. Uppsala, стр. 49; de Vries, стр. 609 A).

þin (I, 72). Неясно. См. *iupin*.

þirbijaR (I, 5). Чтение предпоследней руны неясно. Возможно, имя собств. (Olsen 1936, стр. 14–18). О толкованиях данного слова см.: de Vries, стр. 612.

þiuþ (I, 112). Чтение первой руны неясно. Различные толкования и значение ‘дорогое’, ‘любимое’ дает Арнц (Arntz–Zeiss, стр. 378).

-þonar (I, 61). См. *wigiponar*.

þrawijan (I, 94). Значение данного слова спорно. Возможны два толкования: 1) инфинитив глаг. ‘тосковать’, ‘увядать’, ‘хиреть’ (Friesen 1924, стр. 129); 2) имя собств. в косв. падеже (Krause 1937, стр. 508; Marstrander 1952, стр. 201–203; de Vries, стр. 618–619). Наиболее вероятно второе толкование.

þria (I, 32). Третья руна исчезнувшего камня неясна. Числит, ‘три’ (вин.п. мн.ч.).

þrijoR (I, 99). Вторая руна неясна. Числит. ‘три’ (мн.ч. ж.р.). См. гл. V.

þuruphild (1,28). Имя собств. ж.р. (Arntz–Zeiss, стр. 234–235).

ubada (I, 22). Значение неясно. Гринбергер членил надпись следующим образом: *madaliu bada*, относя *u* к слову *madali* и

сополагая bada с др.-сакс. gibada ‘утешение’, ‘успокоение’ (Grienberger 1911, стр. 289–290). Краузе взвешивает возможность чтения umbada с обычным для рун. надп. невыписанным гоморганным носовым *m* перед *b*. Само образование umbada, как полагает Краузе, возникло, возможно, гаплогогически из *umbibada (Krause 1937, стр. 636); ср. также: Arntz–Zeiss, стр. 200–201.

-ubaR (I, 41). Неясно. Наиболее вероятно, имя собств. Вершина рун. камня отбита; возможно, что перед *-ubaR* было еще несколько рун. Фрисен взвешивает возможность восстановления *leubaR (Friesen 1924, стр. 102–103). Не отрицая того, что перед *-ubaR* могло стоять несколько рун, Марстрандер полагает, что *-ubaR* вполне может быть эпитетом рун. мастера-волшебника (Marstrander 1952, стр. 238–244); в своем списке рун. ономастики Марстрандер этого слова не приводит (Marstrander, 1951, стр. 37).

udR (I, 72). Неясно. Имя собств.? (Lundberg 1949, стр. 23–32). Иное толкование всей надписи и данного слова дает Марстрандер: руна *d* вычитывается как символическая (*dagR*). Мало вероятно. (Ср.: Marstrander 1952, стр. 173–174).

-uha (II, 12). См. hariuha, а также гл. V.

uk (I, 17). Союз и наречие ‘также’, ‘и’. О возможности транскрипции *ok* см.: Olsen–Shetelig 1933, стр. 75.

unapou (I, 60). Неясно. Краузе, сопоставляя данное слово с исл. unað ‘блаженство’, ‘счастье’, ‘удовольствие’, предполагает, что рун. мастер вначале вырезал руны *o*, а затем дал более правильное написание, вырезав руны *u*. Мало вероятно (ср.: Krause 1937, стр. 520). Хардинг усматривает в данном слове имя собств. unа, сопоставляя его с др.-англ. Unwéne; в pou он видит указ. местоим. вин.п. ед.ч. ж.р. (Harding 1939, стр. 31). Мало вероятно. О других толкованиях см.: Svärdström 1958, стр. 98.

ungandiR (I, 63). Возможно, ‘неподдающийся колдовству’, ‘неуязвимый’ (Olsen 1911, стр. 16–19; Krause 1937, стр. 498; do Vries, стр. 155 B). Об окончании *-iR* данного слова см. s.v. gléaugiR. См. также: Salberger 1960, стр. 1–16.

unnam (I, 71). Написание *nn*, противоречащее известному принципу рун. графики, согласно которому двойные (долгие) гласные и согласные выписываются только один раз, указывает на относительно позднее исчезновение руны *d* в сочетании *und-*. Подвергая критическому анализу объяснение Бугге, который для unnam принимал значение ‘я сделал’, ‘осуществил’, ‘исполнил’, ‘приступил’, Марстрандер усматривает в данном слове прет.-през. глаг. со значением: ‘я выучился’ → ‘я понимаю’ (толк в чем-либо) → ‘я могу’ (Marstrander 1930, стр. 245–250). См. также: Krause 1937, стр. 547.

уᵛwinaR (I, 3). Написание первой руны неясно. Бугге читал данное слово как eᵛwinaR, а затем предложил чтение řingwinaR (Bugge–Olsen 1891, I, стр. 230, 233). В ред. на книгу Krause 1937 Мольтке отстаивал чтение eᵛwinaR (Moltke 1942. — «Arkiv», стр. 109). Андерсен справедливо замечает, что сочетание *enḡ* было в германском невозможно (Andersen 1960, стр. 408). Значение неясно. Имя собств.? (Krause 1937, стр. 453).

unwod(ᵛ) (I, 31). Написание руны после *d* неясно. Возможно наличие двух стертых рун. Допустимые конъектуры написания после *d* даны у И. Линдквиста (1951), Мольтке (1951) — unwodR; Марстрандера (1952) — unwodw; Краузе (1981) — unwodīR. Возможно, имя собств. В том случае, если чтение *unwodiR, предлагаемое Краузе, реально, можно данное слово по образованию сопоставить с glēaugiR, ungandiR (Krause 1961, стр. 259). Марстрандер толкует руны *d* и *w* как символические и предлагает чтение: ek *unwodagaR wunju ‘я, по имени Унводагаз, приношу счастье’ (Marstrander 1952, стр. 110; ср. также: de Vries, стр. 635 A).

urti (I, 82). 3 л. ед.ч. прош. врем. слаб. глаг. ‘сделал’.

уᵛArAbAsbA (I, 9). Возможно, ‘злосчастное, гибельное предзнаменование’ < *uᵛarbasrahu. О форме данного слова и его значении см.: DRI, стр. 734; Фрисен рассматривает uᵛArAbA как прилагательное (Friesen 1916, стр. 11–12); о *-sbA* см.: Lindqvist 1923, стр. 189; Jacobsen 1935, стр. 37; *-sbA* рассматривается не как существительное, а как 1 л. ед.ч. глаг. (ср. также: de Vries, стр. 531).

уᵛfnᵛai (I, 15). Неясно. Хеннинг предлагал чтение и толкование: *u(n)ᵛf(i)nᵛai — 3 л. ед.ч. опат. сильп. глаг. наст. врем. ‘да найдет’, ‘отгадает’ (Henning 1889, стр. 47–49). О различных толкованиях см.: Arntz–Zeiss, стр. 189–192.

? **uuiḡaR** (II, 3). Неясно. Предположительно имя собств. Подробное изложение всех толкований и конъектур см.: Salberger 1956, стр. 113–148.

uuilald (II, 3). О чтении данного слова и его возможном значении см.: Salberger 1956, стр. 113–148.

wadaradas (I, 76). В сочетании wad, возможно, руна *n* не выписана по общему правилу рун. графики. Имя собств., род.п. ед.ч., *o*-основа (ср.: Friesen 1924, стр. 103; Marstrander 1951, стр. 39; de Vries, стр. 643 B).

wage (I, 65). Возможны разные толкования. Наиболее вероятно, имя собств. дат.п. ед.ч., *o*-основа (de Vries, стр. 638 B; Andersen 1960, стр. 403). Марстрандер толкует слово как 3 л. ед.ч. опат. през. глаг., ср. исл. vægja ‘шадить’ (Marstrander 1929, стр. 170; Krause 1937, стр. 554). О фонологических затруднениях интерпретации wage как wagje см.: Andersen 1960, стр. 402–403.

wagigaR (I, 74). Имя собств. Ср. Marstrander 1951, стр. 15–17, где рассматриваются различные возможности транскрипции данного слова: wagingaR, wangingaR, wāgingaR.

wakraR (I, 71). Имя собств. (Friesen 1924, стр. 103; Marstrander 1951, стр. 37; de Vries, стр. 639–640).

walhakurue (II, 28). Дат.п. ед.ч. Значение не совсем ясно. Фрисен полагал, что данное слово означает, как технический термин, ‘римское (т. е. чужеземное) зерно’, т.е. подать или налог, уплачиваемый в виде зерна и золота (Friesen 1933, стр. 19). Более вероятно толкование Краузе, который усматривает в данном слове поэтическую метафору или кеннинг ‘чужеземное зерно’ в значении ‘золото’ (Krause 1937, стр. 614; ср. также: de Vries, стр. 641).

warait (I, 40), **wraet** (I, 27), **waritu** (I, 41), **wraita** (I, 71). 3 л. ед.ч. прош. врем. сильн. глаг. ‘писать’, ‘вырезывать руны’; 1 л. ед.ч. наст. врем. того же глаг.; сущ. ср.р. им.-вин.п. ед.ч. ‘написанное’, ‘вырезанное рунами’. По поводу написания *ae* в слове *wraet* Хеннинг обращает внимание на то, что в д.-в.-н. рукописях старшей поры дифтонг *ai* часто передается при помощи написания *ae* (Henning 1889, стр. 139–140). В сочетании *war-* *a* является вставным гласным; о соотношении фонем и графем см. гл. III (de Vries, стр. 448 В).

? **warafaūs(a)** (I, 57). Совершенно неясно. Не представляется возможным установить правильное чтение данной надписи. Для лингвистического анализа надпись непригодна (Moltke 1951, стр.47–56; Krause 1961, стр. 256–258; Marstrander 1952, стр. 85–98).

wArb (I, 17). 3 л. ед.ч. прош. врем. сильн. глаг. ‘бросать’, ‘кидать’. Написание руны *b* вместо *p* обусловлено тем, что руна *p* к эпохе создания данной надписи уже вышла из употребления (Olsen–Shetelig 1933, стр. 75).

waruR (I, 95). Возможно, ‘каменная ограда’, ‘груда камней’ (Krause 1937, стр. 578; de Vries, стр. 674–675).

was (I, 94). 3 л. ед.ч. прош. врем. сильн. глаг. ‘быть’.

wate (I, 89). Неясно. Согласно Краузе, *wate* < *wātīē ‘да окропит’, т.е. форма понимается как 3 л. ед.ч. опат. наст. врем. общегерм. *wētīai, при этом *i* в *wate* считается синкопированным (Krause 1937, стр. 620). О сомнительности подобной реконструкции см.: Andersen 1960, стр. 402–403. Иное толкование у Киля, который полагает, что *wate* восходит к *hwate, и сравнивает данную форму с исл. hváta ‘пронзать’. Восстановление *h* в *wate* продиктовано, по Килю, соображениями герм. аллитерации: *h̥wate h̥ali h̥ino h̥orna (Kill 1953, стр. 84–85). Мало вероятно.

? **wapi** (I, 82). Написание первой и последней руны неясно. Возможно, имя собств. (DRI, стр. 400).

welAdAude (I, 9), **welAduds** (I, 86). Возможно, ‘убитый тайно’ или ‘умерший тайной смертью’. Якобсен рассматривает *welAduds*

как предикативный род.п. (Jacobsen 1935, стр. 30–32, 58–60; DRI, стр. 735–736). Фрисен дает толкование ‘убитый волшебством’ (Friesen 1916, стр. 18; ср.: Marstrander 1952, стр. 145–148).

widugastiR (I, 90). Имя собств. (Sivesind 1949, стр. 397–404).

widuhudaR (I, 38). Имя собств. Первая руна не совсем ясна (см.: Moltke 1951, стр. 47–56; Marstrander 1952, стр. 74–76); *-hudaR* может быть прочитано, в согласии с принципами рун. графики, как *hundaR*. Возможно, что данное слово означает ‘волк’, являясь поэтической метафорой (Marstrander 1952, стр. 78–79; Schramm 1957, стр. 82–83; Christiansen 1957, *Fra moderne dialekt til prehistoric.* — NTS, Bd XVIII, стр. 264–266; Krause 1961, стр. 260).

wihailag (I, 69). О возможных чтениях и толкованиях данного слова см.: Arntz–Zeiss 1939, стр. 75–83. Исбашеску предлагает толковать *wihailag* как *wih* + *hailag*, что вполне согласуется с принципами рун. графики; он рассматривает данное слово как готск. кальку с лат. *sacrosanctus* (Işbaşescu 1961, стр. 344–347).

wija (I, 110). Если следовать толкованию Марстрандера, то данное слово можно считать 1 л. ед.ч. наст. врем. глаг. ‘посвящать’ с окончанием, характерным для готск. яз. (Marstrander 1929, стр. 84–87; ср. также: Marstrander 1952, стр. 63–72). Неясно.

wilagaR (I, 51). Толкование спорно. Восходящее к Бугге и Улсену объяснение данного слова как прилаг. в значении ‘хитрый’, ‘искусный’, ‘коварный’, перед которым находится местоим. *sa* (Bugge–Olsen 1891, I, стр. 130; Olsen 1912, стр. 18). Подвергая критике данное объяснение, Фрисен указал на то, что синтаксические нормы древних герм. яз. требуют после местоим. *sa* постановки прилаг. в слабой, а не сильной форме, т.е. **sa wilaga*, а не засвидетельствованное *sawilagaR* (Friesen 1924, стр. 81). Фрисен предлагает чтение **saiuj-laugaR* и рассматривает данное слово как имя собств. (Friesen 1924, стр. 81). Обзор литературы см.: Andersen 1947. — N. och B., стр. 166–176; Andersen 1956, стр. 182–193; Marstrander 1952, стр. 99–108; DRI, стр. 315–317.

wiltiR (I, 17). Возможно, ‘одурманенные’, ‘ослепленные’, ‘обманутые’ (Jacobsen 1931, стр. 25–27; de Vries, стр. 664 A). Г. Хёст предлагает чтение *ailtiR* и дает толкование: ‘одержимые’, ‘заколдованные’ (Høst 1960, стр. 512–514). Палеографически возможно, но значение глаг. **ailatjan*/**ailitjan*, не зафиксированного в старших рун. надп. и встречающегося лишь в надписях эпохи викингов, остается неясным. См. о данном глаголе: Н. Andersen, *Runedansk ailti.* — «Arkiv», Bd 61, 1946, стр. 171–179.

witadahalaiban (I, 99). Перед *d*, возможно, не выписана руна *n*. Косв. форма сущ. ‘распорядитель’, ‘хозяин’ (Krause 1937, стр. 538; Marstrander 1930, стр. 327–335; de Vries, стр. 669–670).

wiwaR (I, 99). Имя собств. м.р. Краузе полагал, хотя и в осторожной форме, что *i* в *wiwaR* является долгим, на что может указывать отсутствие перегласовки на *a* (Krause 1937, стр. 538). Предположение вряд ли оправданно, ибо принимаемая большинством исследователей ранняя датировка надписи (примерно первая половина V в.) указывает на то, что в ту эпоху перегласовка могла еще не иметь места или выступала лишь спорадически, а в таком относительно консервативном слое лексики, каковым является ономастика, она могла долгое время не находить отражения. Об этимологии данного слова см.: de Vries, стр. 670–671; а также: Friesen 1924, стр. 103; Marstrander 1951, стр. 37.

wiwilan (I, 104). О чтении последней руны *n* см.: Marstrander 1951, стр. 19. Имя собств., возможно, род.п. ед.ч., *n*-основа (Friesen 1924, стр. 103–104; Marstrander 1951, стр. 37, de Vries, стр. 670–671). О возможности интерпретации *i* первого слога как долгого см.: Krause 1937, стр. 538 и критические замечания де Фриса (de Vries, стр. 670–671).

wļupewaR (I, 96). Имя собств. (Friesen 1924, стр. 105; Janzén 1954, стр. 187). О написании данного слова см.: Marstrander 1952, стр. 11–12; Krause 1937, стр. 601. И. Линдквист рассматривает слово как герм. бахуврихи-образование ‘имеющий блестящих слуг’ (Lindqvist 1940. — «Lundastudier i Nordisk språkveten-skap». Lund, стр. 52). Мало вероятно.

wodan (I, 61). Верховное божество германского Олимпа «Водан, Вотан, Один» (Arntz–Zeiss 1939, стр. 285–300).

woduride (I, 99). Имя собств. дат.п. ед.ч., *o*-основа (Friesen 1924, стр. 105; Krause 1937, стр. 538; Marstrander 1951, стр. 39).

worahto (I, 99). 1 л. ед.ч. прош. врем. слаб. глаг. ‘творить’, ‘делать’. Руна *a* между *r* и *h* является вставной (Krause 1937, стр. 538; de Vries, стр. 679 B).

? **worumalaibe** (I, 56). Чтение совершенно неясно. В заглавном слове, приведенном выше, дается реконструкция Марстрандера (Marstrander 1929, стр. 209–213). Краузе дает чтение: *xoruma|xibxx* и транскрипцию (o)r^umal(a)ib[aR] (Krause 1937, стр. 550; ср.: de Vries, стр. 420 A). Возможно, имя собств.

wrta (I, 24). Неясно. Окончание *-a*, если в *wrta* усматривать глаг. форму ‘сделал’, может указывать на восточногерм. ареал: ср. готск. *waurhta* (3 л. ед.ч. прош. врем.) при сканд. *wurte/worte*. Окончание *-a* может также указывать на 1 л. ед.ч. прош. врем., если принимать чтение Мольтке *ek erilaR w(o)rta*, а не *m(i)k m(ē)r(i)la w(o)rta*. См. об этом s.v. *mrla*. Окончание *-a* может быть также опиской (Krause 1937, стр. 611; Marstrander 1952, стр. 165; Friesen 1924, стр. 97).

wurte (II, 28). 3 л. ед.ч. прош. врем. слаб. глаг. ‘сделал’, ‘сотворил’. Данная форма < **wurhte*, ср. *worahto* (I, 99), ср. также *urti* (I, 82), *or̥te* (I, 14). О чередовании *u* и *o* в данном глаголе см.: Krause 1937, стр. 613; de Vries, стр. 679 B; DRI, стр. 741.

Раздел V
БИБЛИОГРАФИЯ
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ РУНИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Сокращения

- Aarbøger — Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. København
Afa — Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Berlin, позже Frankfurt a. M.
APhS — Acta Philologica Scandinavica. København
Arkiv — Arkiv för nordisk filologi. Lund
DRI — Danmarks Runeindskrifter ved Lis Jacobsen og Erik Moltke. København, 1941–1942
GGA — Göttingische Gelehrte Anzeigen. Göttingen
GRM — Germanisch-Romanische Monatsschrift. Heidelberg
IF — Indogermanische Forschungen. Berlin
Kungl. Vitt. Hist. och Antikv. Akad. Handlingar — Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets
Akademiens Handlingar. Stockholm
Kuml — Kuml. Arbog for jysk arkæologisk selskab. Aarhus
KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen
Sprachen. Göttingen
N. och B. — Namn och Bygd. Uppsala
NGAW — Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen
NGGW — Nachrichten der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften, I. Philologisch-historische
Klasse
NTS — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo
PBB — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle
Språkvvet. Sällsk Förhandlingar — Språkvvetenskapliga Sällskapets i Uppsala Förhandlingar.
Uppsala
Vid. Selsk. Skrifter — Videnskapsselskapets Skrifter, II. Historisk-Filosofiske Klasse. Kristiania
Viking — Viking. Arbok av det Norske Arkæologiske Selskapet. Oslo
ZfdA — Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Frankfurt a. M.
ZdPh — Zeitschrift für deutsche Philologie. Stuttgart
- Макаев Э.А. 1962. Руническая надпись из Новгорода. «Советская археология», №3, 309–311.
Макаев Э.А. 1963. Проблемы рунической ономастики. «Тезисы докладов научной конференции
по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии». Тарту,
59–60.

- Макаев Э.А. 1963. Структура слова в языке древнейших рунических надписей. — ВЯ, №2, 112–123.
- Смирницкий А.И. 1931. Вопрос о происхождении рун и о значении праскандинавских надписей как памятников языка. «Ученые записки РАНИОН». М., 41–66.
- Смирницкий А.И. 1947. К вопросу о языке старших северных рунических надписей. «Вестник МГУ», №8, 67–92.
- Смирницкий А.И. 1957. Что означают руны *ao* и *o* в исходе именительного падежа единственного числа основ на *-n-* в старших северных рунических надписях. «Вестник МГУ», историко-филологическая серия, №2, 75–83.
- Смирницкий А.И. 1959. Отпадение конечного *z* в западногерманских языках и изменение *z* в *r*. «Труды Института языкознания АН СССР», т. IX, 115–136.
- Åberg N. 1956. Den historiska relationen mellan senromersk tid och nordisk folkvandrigstid. «Kungl. Vitt. Hist. och Antikv. Akad. Handlingar». Antikv. ser., 5-te Del.
- Agrell S. 1928. Zur Frage nach dem Ursprung der Runennamen. «Skrifter utg. av Vetenskaps-Societeten i Lund», 10.
- Agrell S. 1937–1938. Die Herkunft der Runenschrift. «Kungl. Humanistiska Vetenskaps Samfundets i Lund Årsberättelse». Lund.
- Almgren O. 1926–1927. Hällristningar och kultbruk, «Kungl. Vitt. Hist. och. Antikv. Akad. Handlingar», Del 35.
- Altheim F.–Trautmann E. 1939. Vom Ursprung der Runen. Frankfurt a. M.
- Allheim F.–Trautmann E. 1942. Kimbern und Runen. Berlin–Dahlem (Beiheft 1 zu «Germanien»).
- Andersen H. 1947. Det yngre Runealfabets Oprindelse. «Arkiv», Bd 62, H. 1–4, 203–227.
- Andersen H. 1947. Har urnordisk haft navnet SaiwilaugR? — N. och B., Årg. 35, H. 3–4, 166–176.
- Andersen H. 1947. Rävstenens Indskrift. — «Fornvännen», Arg. 42, H. 5–6, 306–313.
- Andersen H. 1948. Om urnordisk *erilaR* og *jarl*. «Sprog og Kultur», Bd 16, H. 3–4, 97–102.
- Andersen H. 1949. Nogle urnordiske navne. — N. och. B., Arg. 37, H. 2–4, 97–102.
- Andersen H. 1953. Runestenenes forbandelses-formulaier. København («Studier fra Sprog- og Oldtidsforskning, № 221).
- Andersen H. 1956. Lindholmen amulettens indskrift endnu en gäng. — N. och. B., Årg. 44, H. 1–4, 182–193.
- Andersen H. 1956. Urnordisk *gestumR* og deos betydning for i-omlyden. В кн.: «Festskrift til P. Skautrup», Aarhus, 9–15.
- Andersen H. 1960. Om tiden for assimilationen af *ht* til *tt*. «Arkiv», Bd 75, H. 1–4, 247–258.
- Andersen H. 1960. Opedalstenen. — NTS, vol. XIX, 393–417.
- Anderson H. 1961. Svarteborg-medaljonens indskrift. «Arkiv», Bd 76, H. 1–4, 51–60.
- Antonsen E. 1963. The Proto-Norse vowel system and the younger futhark. «Scandinavian Studies», vol. 35, vol. 3, 195–207.
- Arntz H. 1937. Bibliographie der Runenkunde. Leipzig.
- Arntz H. 1938. Die Runenschrift. Halle.
- Arntz H. 1944. Handbuch der Runenkunde 2. Halle.
- Arntz H.–Zeiss H. 1939. Die einheimischen Runendenkmäler des Festlandes. Leipzig.
- Askeberg F. 1944. Norden och kontinenten i gammal tid. Uppsala.
- Bæksted A. 1942. Islands runeindskrifter. København («Bibliotheca Arnarnagaeana», vol. II).
- Bæksted A. 1943. Hunerne, deres historie og brug. København.

- Bæksted A. 1946–1947. Stenmagle-æskén og Guldhorns-indskriften. «Danske studier», Fjerde Række, Bd 7, 49–57.
- Bæksted A. 1951. Begravede runestene. «Aarbøger», 63–95.
- Bæksted A. 1952. Målruner og Trolldrúner. København («Nationalmuseets Skrifter», Arkæologisk-Hist. Række, IV).
- Betz W. 1962. Zum germanischen etymologischen Wörterbuch. В кн.: «Festgabe für L. Hammerich». Kopenhagen, 7–12.
- Blomfield J. 1942. Runes and the Gothic alphabet. «Saga-Book of the Viking Society for Northern Research». London, vol. XII, pt. III и IV, 177–194, 209–231.
- Brate E. 1925. Svenska runristare. «Kungl. Vitt. Hist. och Antikv. Akad. Handlingar», 33 Del, H. 3.
- Bremer O. 1924. Die Aussprache des R der urnordischen Runeninschriften. В кн.: «Festschrift, tillägnad H. Pipping», Helsingfors, 38–50.
- Brøndum-Nielsen J. 1935–1962. Gammeldansk grammatik, I–IV. København.
- Brønsted J. 1960. Danmarks oldtid ², Bd III. København.
- Bugge S. 1870. Lidt om de ældste nordiske Runeindskrifteres sproglige Stilling. «Aarbøger», Bd 5, 187–216.
- Bugge S. 1881. Om enkelte nordiske Mythers Oprindelse. В кн.: «Forhandlinger paa det 2et nordiskt Filoogmøde i Kristiania», 218–238.
- Bugge S. 1905. Bidrag til Tolkning af danske og tildels svenske Indskrif-ter med den længere Rækkes Runer, navnlig paa Guldrakteater. «Aarbøger», 141–328.
- Bugge S.–Olsen M. 1891–1924. Norges Indskrifter med de ældre runer. Christiania (Indledning, 1905–1913; Bd I, 1891–1903; Bd II, 1904–1917; Bd III, 1914–1924).
- Burg F. 1885. Die älteren nordischen Runeninschriften. Berlin.
- Derolez R. 1954. Runica mamscripta. Brugge.
- Egger R. 1959. Die Inschrift des Harigasthelmes. «Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreich. Akad. der Wiss.» Wien, Jg. 1959, № 5, 79–91.
- Einarsson S. 1934. The value of initial h in Primitive Norse Runic inscriptions. «Arkiv», Bd 50, H. 1–2, 134–147.
- Ekholm G. 1958. Runologi och arkeologi. «Nordisk Tidskrift». Stockholm, Årg. 34, H. 8, 455–462.
- Elgqvist E. 1944. Skälv och Skilfingar. Lund.
- Elgqvist E. 1952. Studier rörande njordkultens spridning bland de nordiska folken. Lund.
- Elgqvist E. 1959. Vad svioniska ortnamn vittnar om grundandet av det danska väldet. «Arkiv», Bd 74, H. 3–4, 161–217.
- Elliott R. 1959. Runes. An introduction. Manchester.
- Feist S. 1919. Runen und Zauberwesen im germanischen Altertum. «Arkiv», Bd 35, H. 3–4, 243–287.
- Festschrift til Lis Jacobsen. Runer og Rids. 1952. København.
- Festschrift til Finnur Jonsson. 1928. København.
- Festschrift für G. Neckel. 1938. Leipzig («Beiträge -zur Runenkunde und nordischen Sprachwissenschaft»).
- Festschrift tillägnad Hugo Pipping. 1924. Helsingfors.
- Festschrift till Jöran Sahlgren. 1944. Lund.
- Friesen O. von. 1904. Om runskriftens härkomst. «Språkvetenskapliga Sällskapets i Uppsala Förhandlingar», 1904–1906, 1 («Uppsala Universitets Årsskrift 1906»).
- Friesen O. von. 1916. Lister- och Listerby-stenarna i Blekinge. Uppsala («Uppsala Universitets Årsskrift 1916», Program 2).
- Friesen O. von. 1918. Herulernas bosättning i Skandinavien. En rätts-historisk Synpunkt. В кн.: «Studier tillägnade E. Tegnér». Lund, 484–495.
- Friesen O. von. 1918–1919. Runenschrift. В кн.: «Reallexikon der germanischen Altertumskunde», Bd IV, 5–51. Berlin–Leipzig.

- Friesen O. von. 1920. Rökstenen. Stockholm.
- Friesen. O. von. 1924. Rö-stenen i Bohuslän och runorna i Norden under folkvandringstiden. Uppsala («Uppsala Universitets Årsskrift, №4,1924»).
- Friesen O. von. 1931. De senast framställda meningarna i frågan om runornas härkomst. «Arkiv», Bd. 47, H 1–2, 80–133.
- Friesen O. von. 1933. De germanska, anglofrisiska och tyska runorna. «Nordisk Kultur», Bd VI. København–Oslo–Stockholm, 3–79.
- Friesen O. von. 1940. Sparlösastenen. «Kungi. Vitt. Hist. och. Antikv. Akad. Handlingar», Del. 46, H 3.
- Friesen O. von. 1949. Möjbrostenen. «Fomvänner», Arg. 44, 289–309.
- Grienberger Th. von. 1906. Bugge's Norges Indskrifter med de ældre Runer. — GOA, 89–163.
- Grienberger Th. von. 1907. Neue Beiträge zur Runenlehre. Zweite Folge. — ZdPh, Bd 39, H. 1, 50–100.
- Grienberger Th. von. 1908. Neuere runische Literatur, — GGA, 372–426.
- Grienberger Th. von. 1913. Urnordisches. «Arkiv», Bd 29, H 4, 352–372.
- Grienberger Th. von. 1914. Topisches aus den urnordischen Inschriften. — N. och. B., Årg. 2, H. 1–2, 63–68.
- Gutenbrunner S. 1936. Beiträge zur Deutung einiger Runendenkmäler. APHS, vol. XI, N 4, 162–173.
- Gutenbrunner S. 1936. Die germanischen Götternamen der antiken Inschriften. Halle.
- Gutenbrunner S. 1951. Historische Laut- und Formenlehre des Altisländischen. Heidelberg.
- Gutenbrunner S. 1952. Die Herkunft und Ausbreitung der Dänen. В кн.: S. Gutenbrunner, H. Jankuhn. W. Laur. Völker und Stämme Südostschleswigs im frühen Mittelalter. Schleswig, 87–130.
- Haas O. 1955. Die Entstehung der Runenschrift. «Lingua Posnaniensis», V, 40–58.
- Hammarström M. 1930. Om runskriftens härkomst. «Studier i nordisk filologi», Bd 20. Helsingfors, 1–67.
- Hamp E. 1955. Negau *harigasti*. «Language», vol. 31, №1, 1–3.
- Harding E. 1937–1951. Språkvetenskapliga problem i ny belysning. H. 1–8. Lund (H. 1 — 1937; H. 2 — 1938; H. 3 — 1939; H. 4 — 1941; H. 5 — 1942; H. 6 — 1944; H. 7 — 1946; H 8. — 1951).
- Harding E. 1957. Om urnordiskt *sa wilagaR* igen. «Arkiv», Bd 72, H. 3–4, 244–247.
- Heiermeier A. 1934. Der Runenstein von Eggjum. Halle.
- Hempl H. 1935. Der Ursprung der Runenschrift. — GRM, Bd. 23, H 3, 401–426.
- Henning R. 1889. Die deutschen Runendenkmäler. Straßburg.
- Heusler A. 1923. Die altgermanische Dichtung. Berlin.
- Heusler A. 1925. Deutsche Versgeschichte, Bd. I. Berlin.
- Høst G. 1960. To runestudier, II. Eggja-inskriiten i ny tolkning. — NTS, Bd XIX, 489–554.
- Isbăşescu M. 1957. Inscriptia gotica de pe colanul din Tezaurul de la Pietroasa. «Revista de filologie romanică și germanică», vol. I, 127 н сл.
- Isbăşescu M. 1961. Der goldene Halsring von Pietroassa und seine runische Inschrift. — PBB, Halle, Bd. 82, H. 3, 333–358.
- Jacobsen L. 1929. Svenskevældets Fald. København.
- Jacobsen L. 1931. Runelæsning og Runetolkning. — APHS, vol. V, H. 127–189.
- Jacobsen L. 1931. Eggjum-Stenen. Forsøg paa en filologisk tolkning. København.
- Jacobsen L. 1933. E'vje-Stenen og Alstad-Stenen. «Norske Oldfunn», Bd VI. Oslo.

- Jacobsen L. 1935. Forbandeises förmularer i nordiske runeindskrifter. «Kungl. Vitt. Hist. och. Antikv. Akad. Handlingar», Del 39, H. 4.
- Jacobsen L. 1935. Runekammen fra Setre. «Aarbøger», Bd 58–76.
- Jacobsen L. 1940. Jæg-Formlen. «Aarbøger», Bd 63–69.
- Jacobsen L.–Moltke E. 1941–1942. Danmarks runeindskrifter. Under medvirkning af A. Bæksted og K. M. Nielsen. Atlas. Text. København.
- Jansson Sven B. F. 1962. The runes of Sweden. London.
- Janzén A. 1947. De fornvästnordiska personnamnen. «Nordisk Kultur», Oslo–København–Stockholm, Bd VII, 22–186.
- Janzén A. 1954. The provenance of Proto-Norse personal names, I–II. «Names», vol. II, № 2, 3, 81–100, 173–192.
- Jiriczek O. 1926. Der Lautwert des runischen R zur Wikingerzeit. «Englische Studien», Bd 60, 217–237.
- Johannesson A. 1923. Grammatik der urnordischen Runeninschriften. Heidelberg.
- Jonsson F. 1921. Norsk-islandske Kultur- og Sprogforheld i 9 og 10 Årh. København.
- Jonsson F. 1926. Oversigt over det norsk (-islandske) navneforraad for o. aar 900. «Aarbøger», 175–244.
- Jungner H. 1922. Gudinnan Frigg och Als härad. Uppsala.
- Jungner H. 1924. Västergötlands äldsta runinskrifter. В кн.: «Festschrift tillägnad H. Pipping». Helsingfors, 230–250.
- Karsten T. 1928. Var det äldsta urnordiska runspraket Samgermanskt? В кн.: «Festschrift til F. Jonsson». København, 307–315.
- Karsten T. 1938. Die Inschrift des Goldrings von Pietroassa. В кн.: «Festschrift für G. Neckel». Leipzig, 78–82.
- Kiil V. 1953. Rune-rimet på Straumbrynet. «Arkiv», Bd 68, H 1–2, 80–96.
- Kiil V. 1955. Runesteinen fra Eggjum i Sogndal. «Arkiv», Bd 70, H. 3–4, 129–181.
- Kock A. 1921. Till tolkningen av urnordiska runinskrifter. «Arkiv», Bd 37, H. 1, 1–26.
- Kock A. 1922. Runologiska Studier. «Arkiv», Bd 38, H 2. 121–161.
- Krause W. 1926. Runica.— NGGW, Bd., №2, 230–236.
- Krause W. 1929. Das Runendenkmal von Kårstad.— ZfdA, Bd 66, H 4, 247–256.
- Krause W. 1929. Runica II. — NGGW, Bd 35–43.
- Krause W. 1931. Eine altgermanische Bezeichnung des Pferdes und der Runenstein von Möjebro. «Arkiv», Bd 48, H. 1–2, 156–173.
- Krause W. 1932–1934. Beiträge zur Runenforschung. «Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft», I–II (I — 1932; II — 1934).
- Krause W. 1935. Was man in Runen ritzte? Halle.
- Krause W. 1936. Framea. В кн.: «Festschrift für H. Hirt», II. Heidelberg, 585–589.
- Krause W. 1937. Runeninschriften im älteren Futhark. Halle.
- Krause W. 1938. Die Runen als Begriffszeichen. В кн.: «Festschrift für G. Neckel». Leipzig, 35–53.
- Krause W. 1940. Zum Stand der Runenforschung. — GGA, Bd 202, 181–205.
- Krause W. 1941. Der Speer von Kowel, ein wiedergefundenes Runendeukmal. «Germanien», Bd 13. Mainz, 450–464.
- Krause W. 1943. Was man in Runen ritzte? 2-te verbesserte Aufl. Halle.
- Krause W. 1944. Zum Stand der Rucenforschung. — GGA, Bd 205, 231–268.
- Krause W. 1945. Ing.—NGAW, 229–254.
- Krause W. 1947–1949. Untersuchungen zu den Runennamen. I — II. — NGAW, 60–63, 93–108 (I — 1947; II — 1949).

- Krause W. 1957. Die Runenfibel von Beuchte, Kreis Goslar. — NGAW, Jg. 1956, № 5, 81–124.
- Krause W. 1961. Runica III. — NGAW, Jg. 1961, № 9, 255–280.
- Krause W. 1962. Die Inschrift der Runenspange von Aquincum. — «Acta Archaeologica Acad. Scient. Hungaricae». Budapest, vol. 14, № 4, 439–444.
- Krause W. 1963. Die Runeninschrift auf dem Kamm von Heidaby. — NGAW, № 2, 82–85.
- Krause W. 1964. Die Runendenkmäler und ihre Sprache. «Geschichte Schleswig-Holsteins», Bd 2, Lief. IV.
- Kristensen M. 1933. Folkemål og Sproghistorie. København. Krogmann W. 1962. Die Runeninschrift von Kårstad. — APhS, Bd 25, № 2, 151–160.
- Kroman E. 1947. Musikalsk akcent i dansk. København.
- Kühn H. 1938. Das Zeugnis der Sprache über das Alter und Ursprung der Runenschrift. В кн.: «Festschrift für G. Neckel». Leipzig, 54–73.
- Kühn H. 1960. Die alten germanischen Personennamen des Typs *kariso*. В кн.: «Festschrift für W. Krause». Heidelberg, 63–71.
- Lindblad G. 1952. Lindholmsamulettens runinskrift. — N. och B., Årg. 40, H. 1, 29–45.
- Linderholm E. 1919. Nordisk magi, I. Urnordisk magi. «Svenska landsmål». Stockholm, Bd 20, H. 1.
- Lindqvist I. 1923. *Galdrar*. «Göteborgs Högskolas Årsskrift», Bd I.
- Lindqvist I. 1924. Namnet Ludvig på urnordiska inskrifter. В кн.: «Festskrift til H. Pipping». Helsingfors, 334–355.
- Lindqvist I. 1937. AljamarkiR. В кн.: «Melanges H. Pedersen». Aarhus, 323–333 («Acta Jutlandica», vol. IX, № 1).
- Lindqvist I. 1938. HlewagastiR och Harigasti Teiwa. В кн.: «Festschrift für G. Neckel». Leipzig, 1938, 86–102.
- Lindqvist I. 1940. Religiösa runtexter. II. Sparlösa-stenen. Lund.
- Lindqvist S. 1927. Geretebrakteaten och dess likar. «Forävännan», Årg. 22, 217–233.
- Lindqvist S. 1940. Zur Entstehungsgeschichte der nordischen Goldbrakteaten. «Acta Archaeologica», vol. XI. København, 124–132.
- Lindqvist S. 1941–1942. Gotlands Bildsteine, I–II. Stockholm.
- Lindroth H. 1918. Till den urnordiska inskriften på Stentofstenen. В кн.: «Studier tillägnade E. Liden». Lund, 167–172.
- Lindroth H. 1925. Zur urnordischen Runeinschrift des sog. Rösteines in Bohuslän. В кн.: «Festschrift für E. Sievers. Germanica». Leipzig, 212–222.
- Ljunggren K. G. 1937. Några anmärkningar till tolkningarna av Setre-kammens runinskrifter. «Arkiv», Bd 53, H. 2–3, 285–295.
- Lundberg O. 1949. Runinskriften från Roes. «Fomvännan», Årg. 44, 23–32.
- Maaløe Chr. 1957. The Runic brakteate from Skodborg. — APhS, Bd 24, H. 1; 13–17.
- Mackeprang M. 1952. De nordiske guldbrakteater. Aarhus. («Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter», Bd II).
- Marquardt H. 1961. Bibliographie der Runeninschriften nach Fundorten, erster Teil. Die Runeninschriften der Britischen Inseln. Göttingen («Abhandlungen der Akad. der Wissenschaften in Göttingen». Philol.-hist. Klasse, dritte Folge, № 48).
- Marseen O. 1964. Lundegaarde-gravpladsen fra yngre romersk jernalder. «Kuml, 1963». Århus, 1964, срр. 33–36.
- Marstrander C.J.S. 1915. Bidrag til det norske sprogs historie i Irland. Kristiania («Vid.-Selsk. Skrifter», № 5).
- Marstrander C.J.S. 1928. Om runene og runenavnenes oprindelse. — NTS, Bd 1, 85–188.

- Marstrander C.J.S. 1929. De gotiske runeminnesmerker. — NTS, Bd III, 25–157.
- Marstrander C.J.S. 1929. Germanische Waffennamen aus römischer Zeit. — NTS, Bd III, 218–235.
- Marstrander C.J.S. 1929. Myklebostadstenen. — NTS, Bd III, 197–217.
- Marstrander C.J.S. 1929. Isis chez les Germains du Nord — NTS, Bd III, 236–238.
- Marstrander C.J.S. 1929. Opedalstenen. — NTS, Bd III, 158–196.
- Marstrander C.J.S. 1929. Små bemerkninger i runestriden. — NTS, Bd II, 264–268.
- Marstrander C.J.S. 1930. Ein neues Perfektpräsen. — NTS, Bd IV, 245–250.
- Marstrander C.J.S. 1930. Tunestenen. — NTS, Bd IV, 294–358.
- Marstrander C.J.S. 1930. Varumstenen. — NTS, Bd IV, 359–369.
- Marstrander C.J.S. 1932. Okklusiver og substrater. — NTS, Bd V, 258–314.
- Marstrander C.J.S. 1932. Til Tunestenen. — NTS, Bd V, 333–337.
- Marstrander C.J.S. 1938. Barmeninnskriften. — NTS, Bd X, 361–370.
- Marstrander C.J.S. 1938. Ellestadsteinen. — NTS, Bd X, 371–374.
- Marstrander C.J.S. 1946. Vettelandsstenen. «Stavanger Museums Årbok, 1946», 13–42.
- Marstrander C.J.S. 1947. Bredside innskriftene på Alstadstenen. В кн.: «Festskrift til professor O. Broch». Oslo, 105–144.
- Marstrander C.J.S. 1951. Rosselandssteinen. «Universitetet i Bergen Årbok 1951. Historisk-antikvarisk rekke», №3.
- Marstrander C.J.S. 1952. De nordiske runeinnskrifter i eldre alfabet. Skrift og språk i folkevandringstiden, I. Danske og svenske innskrifter. Oslo (Særtrykk av «Viking»).
- Marchand J. 1959. Les *Gots* ont-ils vraiment connu l'écriture runique? В кн.: «Melanges de linguistique et de philologie F. Mosse in memoriam». Paris, 277–291.
- Moltke E. 1934. Ein alamannischer Sax mit Runen? «Germania». Berlin, Jg. 18, H. 1, 36–41.
- Moltke E. 1934. Vester Marie-stenen VI og lidt om svensk Infludelse paa bornholmske Runestene. — «Danske Studier», H. 1–2, 9–20.
- Moltke E. 1936. Runeindskriften paa guldhornet fra Gallehus. «Aarbøer», 97–104.
- Moltke E. 1936. Runologiske meddelelser. «Aarbøger», 239–259.
- Moltke E. 1938. Mediaeval rune-amulets in Denmark. «Acta Ethnologica». København, 1938, №2–3, 116–147.
- Moltke E. 1938. Runestenen paa Einang. «Viking», 11–119.
- Moltke E. 1940–1943. Hvad er meningen med en meningsløs brakteat-indskrift? «Historisk Samfunds Aarvog „Fra Ribe Amt”», vol. X, 3–8.
- Moltke E. 1947. Hvad var Lægæst, guldhornets mester, magiker, praest eller guldsmed? «Fornvænnen», Årg. 42, 336–342.
- Moltke E. 1951. Er runeskriften opstået i Danmark? «Fra Nationalmuseets Arbejdsmark 1951», København, 47–56.
- Moltke E. 1956. Lousgård-perlens runeindskrift. В кн.: «Festskrift til P. Skautmp». Aarhus, 1–8.
- Moltke E. 1957. Lindkær-brakteaten. En dansk C-brakteat med alfabetruner. «Aarbøger», 129–135.
- Moltke E. 1964. Runeindskriften på rosetfibulen fra Nøvling. «Kuml, 1963». Århus, стр. 37–41.
- Mosse F. 1951. L'origine de l'écriture runique: état present de la question. «Conferences de l'Institut de Linguistique de l'Universite de Paris», vol. X, 43–76.

- Must G. 1955. The inscription on the spearhead of Kovel. «Language», vol. 31, № 4, 493–498.
- Must G. 1957. The problem of the inscription on helmet B of Negau. «Harvard Studies in Classical Philology», vol. 62, 51–59.
- Neckel G. 1908. Rnnische Epigraphik. — AfdA, Bd 32, H. 4, 267–271.
- Neckel G. 1925. Die gemeingermanische Zeit. «Zeitschrift für Deutschkunde». Leipzig, Bd 39, H. 1, 14–20.
- Neckel G. 1933. Die Herkunft der Runenschrift. В кн.: «Erstes Nordisches Thing». Bremen, 60–76.
- Nerman B. 1913. Studier över Sväriges hedna litteratur. Uppsala.
- Nerman B. 1947. Arkeologisk datering av Vendeltidens nordiska runinskrifter. «Fornvännen», Årg. 42, 109–141.
- Nerman B. 1953. Arkeologisk datering av Lister- och Listerbystenarna. «Fornvännen», Årg. 48, 178–199.
- Nielsen K.M. 1940. Guldhornsindskriften. I. *tawido*. «Aarbøger», 57–63.
- Nielsen K.M. 1953. Kuml. «Kuml», 7–14.
- Nielsen K.M. 1960. Til runedanskens ortografi. «Arkiv», Bd 75, H. 1, 1–77.
- Nielsen K.M. 1962. Mutation, breaking, and syncope. — APhS, Bd 25, H. 2, 97–105.
- Nordén A. 1932. Häilristningstraditionen och den urnordiska runskriften. В кн.: «Arkeologiska Studier tillägnade H. K. H. Kronprins Gustaf Adolf». Stockholm, 53–69.
- Nordén A. 1934–1936. Från Kivik tiil Eggjum. «Fornvännen», Arg. 29, 35–53.
- Nordén A. 1937. Magiska runinskrifter. «Arkiv», Bd 53. H. 2–3, 147–187.
- Nordén A. 1937. Söderköpingsstenen. «Fornvännen», Arg. 30, 129–156.
- Nordén A. 1943. Bidrag till svensk runforskning. «Kungl. Vitt. Hist. och Antikv. Akad. Handlingar», Del 55, 143–231. («Antikvariska Studier», I).
- Nordén A. 1961. «Sparlösa» och «Kälvesten», våra äldsta historiska runinskrifter. «Fornvännen», Årg. 56.
- Nordland O. 1951. Det vonde haglet. «Mål og Minne», H. 3–4, 90–128.
- Nordling A. 1937. Runskriftens ursprung. «Arkiv», Bd 53, H. 2–3, 233–284.
- Noreen A. 1904. Altnordische Grammatik, II. Allschwedische Grammatik. Halle.
- Noreen A. 1923. Altnordische Grammatik, I. Altisländische und Alinorwegische Grammatik. 4-te. Aufl. Halle.
- Noreen E. 1918. Om Järsbergsstenens inskrift. «Språkvet. Sällsk. i Uppsala Förhandlingar», 1916–1918, Bil. A, 1–6.
- Noreen E. 1926. L'inscription runique des bracteates de Askatorp et de Väsby. — APhS, Bd I, H. 2–3, 151–155.
- Noreen E. 1945. Några urnordiska inskrifter. «Arkiv», Bd 60, H. 3–4, 145–150.
- Olsen M. 1907. Runeindskriftea paa en guldarakteat fra Overhornbæk. «Aarbøger», 19–44.
- Olsen M. 1909. Buaerne paa et nyfundet bryne fra Strøm paa Hitteren. «Trondhjemske Videnskabers Selskabs Skrifter», 1908, № 13.
- Olsen M. 1911. En indskrift med ældre runer fra Huglen i Søndhordlaad. «Bergens Museums Årbok», № 11, 3–36.
- Olsen M. 1912. Über den Inhalt einiger Gruppen von uinordisehen Runenin-schriftén. В кн.: «Festschrift für V. Thorsen». Leipzig, 15–20.
- Olsen M. 1917. Möjebrostenen. «Arkiv», Bd 33, H. 4, 276–283.
- Olsen M. 1917. Om troldruner. Прил. к кн.: M. Olsen. Norrøne studier. Oslo, 1938, 1–23.
- Olsen M. 1919. Eggjum-Stenens Indskrift med de ældre Runer. Oslo.
- Olsen M. 1924. Der Runenstein von Varnum. В кн.: «Festgabe für W. Streitberg». Leipzig, 285–291.

- Olsen M. 1935. Le pretre-magicien et le dieu magicien dans la Norvegø ancienne. «Revue de l'histoire des Religions», vol. 111, 177–221; vol. 112, 1–49.
- Olsen M. 1936. Runestenen på Barmen i Nordfjord. «Bergens Museums Årbok». Hist.-antikv. rekke, № 1.
- Olsen M. 1937. Runespennen fra Bratsberg i Gjerpen. «Viking», 61–73.
- Olsen M. 1940. Sigtuna-amuletten. «Avhandlingar av det Norske Videnskans Akademi», Hist.-Filos. Klasse II, № 3.
- Olsen M.—Shetelig H. 1909. En indskrift med ældre runer fra Fløksand i Nordhordland. «Bergens Museums Årbok», № 7, 3–44.
- Olsen M.—Shetelig H. 1929. Kårstad-ristningen. «Bergens Museums Årbok», Hist.-Antikv. rekke, № 1, 1–66.
- Olsen M.—Shetelig H. 1933. Runekammen fra Setre. — Там же, № 2, 1–92.
- Palmér J. 1930. Betydelsnautvecklingen i isl. *heidr*. — APhS, Bd V, H. 4, 289–304.
- Pedersen H. 1923. Runemes Oprindelse. «Aarbøger», 37–82.
- Pipping H. 1909. Sandhierscheinungen in Runeninschriften. «Neuphilologische Mitteilungen», Jg. XI, № 8, 213–219.
- Plutzar F. 1924. Diß Ornamentik der Runensteine. «Kunigl. Vitt. Hiet. och Antikv. Akad. Handlingar», Del 34, H. 6.
- Reichardt K. 1936. Runenkunde. Jena.
- Reichardt K. 1938. Schrift. В кн.: «Germanische Altertumskunde», hrsg. von H. Schneider. München, 431–459.
- Reichardt K. 1953. The inscription on helmet B of Negau. «Language», vol. 29, № 3, 306–311.
- Rosenfeld H. 1956. Die Inschrift des Helms von Negau. — ZfDA, Bd 86, H. 4, 241–265.
- Rosenfeld H.-F. 1955. Der Runenstein von Krogs ta und das nord- und westgermanische Demonstrativpronomen «dieser». «Forschungen und Fortschritte», Bd 29, H. 6, 172–178.
- Ruprecht A. 1958. Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften. «Palaestra». Göttingen, Bd 224.
- Runenberichte. 1939–1942. Hrsg. von H. Arntz. Leipzig.
- Salberger E. 1956. Die Runogramme der Goldbrakteaten von Väsby und Askatorp. «Kunigl. Hum. Vetenskapliga i Lund Arsberat telse 1955–1956», Bd 3, 113–148.
- Salberger E. 1956. Versifikatoriskt om Tjurkö-brakteaten. «Arkiv», Bd 71, H. 1, 1–14.
- Salberger E. 1957. An ideographic rune on the Skodborg bracteate. — APhS, Bd 24, H. 1, 18–32.
- Salberger E. 1960. Ein Brakleatenwort ia Namenbeleuchtung. «Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum», 137–147.
- Salberger E. 1960. Lösordningen på Istaby-stenen. — Там же, стр. 148–175.
- Salberger E. 1960. Runinskriften från Nordhuglen. «Arkiv», Bd 65, H. 1/2, 1–16.
- Salin B. 1904. Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm.
- Schneider K. 1956. Die germanischen Runennamen. Meisenheim am Glan.
- Schönfeld M. 1911. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg.
- Schramm G. 1957. Namenschatz und Dichtersprache. Göttingen.
- Seip D.A. 1929. Til Tune-innskriften. — NTS, Bd, III, 21–24.
- Seip D.A. 1934. Studier i norsk språkhistorie. Oslo.
- Seip D.A. 1954. Nye studier i norsk språkhistorie. Oslo.
- Seip D.A. 1954. Palaeografi. B. Norge og Island. «Nordisk Kultur», Bd 28 B. Stockholm–Oslo–København.
- Seip D.A. 1955. Norsk språkhistorie til omkring 1370. Oslo.

- Shetelig H. 1914. Arkeologiske Tidsbestæmmelser av eldre norske Runeindskrifter. В кн.: S. Bugge–M. Olsen. Norges Indskrifter, Bd III, 1–76.
- Shetelig H. 1925. Norges forhistorie. «Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning», Ser. A, 5a. Oslo.
- Shetelig H. 1930. Runeskriфтens kilder. «Bergens Museums Årbok», № 1.
- Sivesind J. 1949. Sundesteinen. — NTS, Bd 15, 397 и сл.
- Skautrup P. 1944. Det danske sprogs historie, Bd 1. København.
- Skjelsvik E.–Straume E. 1957. Auslrheinsteineu i Nordfjord. «Universitetet i Bergen Årbok», Hist.-Antikv. rekke, № 1.
- Sköld T. 1955. Om uttalet av runan R. В кн.: «Studior tillägnade Bj. Collinder». Uppsala, 34–38.
- Specht F. 1933. Germanisch *Harigasti*. — KZ, Bd 60, H. 1–2, 130–138.
- Sperber H. 1950. Till tolkningen av Rô-stencens inskrift. «Arkiv», Bd 65, H. 3–4, 145–149.
- Steblin-Kamenskij M. 1962. Noen fonologiske betraktninger over de eldre runer. «Arkiv», Bd 77, H. 1, 1–6.
- Svärdström E. 1958. Västergötlands runinskrifter. Tredje häftet. Skaraborgsläns runstenar. В кн.: «Sveriges runinskrifter», Bd V. Stockholm.
- Sveriges Runinskrifter, Bd I–XI. 1900–1962. Stockholm («Kungl. Vitt.- Hist. och Antikv. Akademi»).
- Thomsen V. 1899. Hvad betyder guldhornets *tawido*. «Arkiv», Bd 15, H. 2–3, 193–197.
- Trnka B. 1939. Phonological remarks concerning the Scandinavian Runic writing. «Travaux du cercle linguistique do Prague», vol. 8, 292–296.
- de Vries J. 1944. *Hagustalda R*. В кн.: «Festskrift till J. Sahlgren». Lund, 93–104.
- de Vries J. 1954. Über das Wort «Jarl» und seine Verwandten. «La Nouvelle Clivio», vol. 6, № 7–10, 461–469.
- Wessén E. 1927. De nordiska folkstammarna i Beowulf. «Kungl. Vitt. Hist. och Antikv. Akad. Handlingar», Del 36, № 2.
- Wessén E. 1927. Nordiska namnstudier. «Uppsala Universitets Årsskrift», № 3.
- Wessén E. 1930. Runinskriften på Gallehus-hornfit. Några anmärkningar. «Fornvännen», Arg. 25, 165–174.
- Wessén E. 1957. Om vikingatidens runor. «Filologiskt Arkiv», Bd 6 («Kungl. Vitt. Hist. och Antikv. Akademi»).
- Wessén E. 1960. Historiska runinskrifter. «Kungl. Vitt. Hist. och Antikv. Akad. Handlingar», Filologisk-Filosofiska Serien, 6. Stockholm.
- Wessén E.–Brate E. 1924–1936, Södermanlands runinskrifter. В кн.: «Sveriges runinskrifter», Bd III. Stockholm.
- Wessén E.–Jansson S.B.F. 1940–1957. Upplands runinskrifter. В кн.: «Sveriges runinskrifter», Bd VI–VII. Stockholm.
- Wessén E.–Jansson S.B.F. 1962. Gotlands runinskrifter. Första delen. В кн.: «Sveriges runinskrifter», Bd XI. Stockholm.
- Western A. 1930. Der Stein von Tune noch einmal. — NTS, Bd IV, 287–293.
- Wimmer L. 1874. Runeskriфтens Oprindelse og Udviklme i Norden. «Aarbøger», 1–270.
- Wimmer L. 1887. Die Runenschrift. Berlin.
- Wimmer L. 1893–1908. De danske Runemindesmærker, Bd I–IV. København.
- Wimmer L. 1894. De tyske Runemindesmærker. «Aarbøger», 1–82.
- Wimmer L.–Jacobsen Lis. 1914. De danske Runemindesmærker. København–Christiania.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Часть I Исследования

Глава I. Современное состояние рунологии	5
Глава II. Понятие рунического койне	19
Глава III. Соотношение фонем и графем в руническом	54
Глава IV. Проблемы рунической ономастики	69
Глава V. Структура слова в языке старших рунических надписей	83

Часть II Материалы

Раздел I. Корпус древнейших рунических надписей	99
А. Надписи	99
Б. Брактеаты	109
Раздел II. Список рунической ономастики	111
Раздел III. Список грамматических форм, встречающихся в древнейших рунических надписях	113
Раздел IV. Словарь древнейших рунических надписей	117
Раздел V. Библиография использованной рунологической литературы	146